

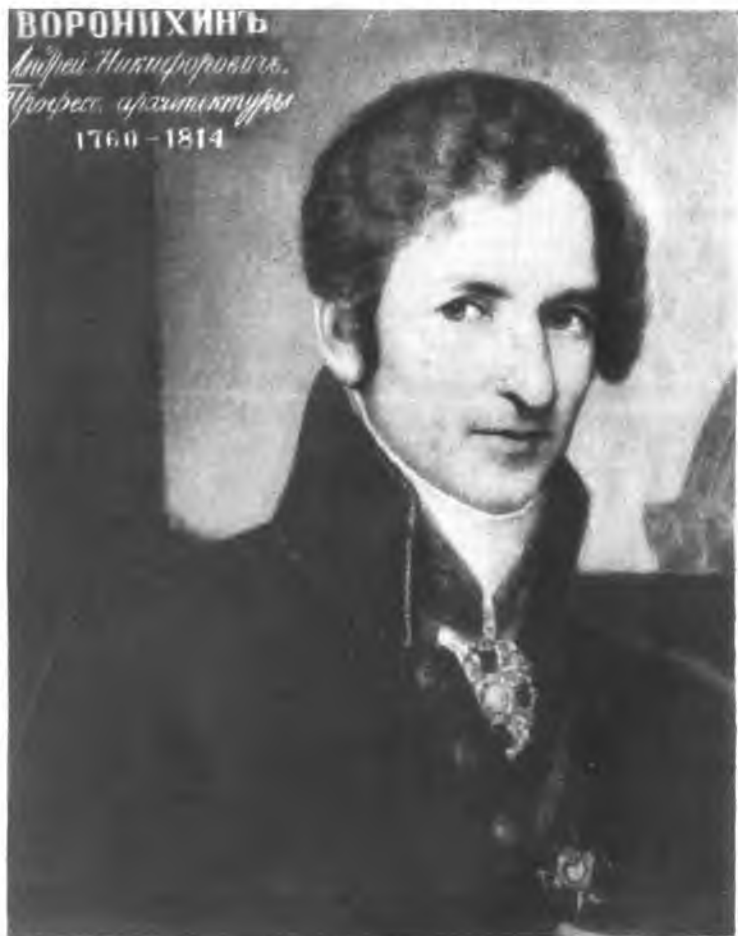
КОНСТАНТИН КОНИЧЕВ

ПОВЕСТЬ
О
ВОРОНИХИНЕ

ЛЕНИЗДАТ

1964

А. Н. ВОРОНИХИН
(автопортрет)

Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки великих художников...

М. Горький

Архитектура — тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания... Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе, чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни... И вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения.

Н. В. Гоголь

Михаилу Дудину дружески посвящаю.
А в т о р

БАРОН НА ИСПОВЕДИ

На хорошем, бойком торговом месте с давних пор устоялся строгановский городок — Соль-Вычегодская!.. С юго-запада две реки ведут к нему — Сухона и Юг; на север к Холмогорам и Архангельску через лесные края спокойно и могущественно несет свои воды Северная Двина; с востока опроретью мчится быстротечная и прозрачно-чистая река Вычегда. С весны после ледохода и до осенних крепких заморозков по всем тем рекам удобно сообщаться с городами русского севера и даже с заграницей торг вести. Так и было.

Долгое время именитые люди Строгановы здесь промышляли, добывая соль из глубоких недр земли. Сотни тысяч пудов ежегодно отправляли они на баржах по рекам и предлинными обозами по зимним дорогам. Десятки тысяч наемных беглых холопов, своих людей и выкупленных из острогов и тюрем пленных врагов работали на

Строгановых, о богатстве и самовластном могуществе которых испокон веку было известно.

Отвоевав с помощью ермаковских дружин Сибирское царство, Строгановы по милости грозного царя получили в свое владение еще более выгодные земли по реке Чусовой и ее притокам. Соль-Вычегодская захирела оттого, что именитые промышленники, своего рода «государя» в государстве Российском, передвинулись с Вычегды на восток, к предгорьям Каменного пояса; там богатства их удесятерились от освоения новых благодатных земель даровым трудом простых людишек, коих было у Строгановых предостаточно. С течением времени именитые промышленники, стоявшие близко от престолов царских, становились людьми сановными, величались баронами и графами и пользовались всеми преимуществами великими как в далеком Приуралье, у Соли-Камской, так и на севере, у Соли-Вычегодской, и в пределах новой столицы — Санкт-Петербурга, где Строгановым на берегу Мойки и Невской перспективы дворцовый архитектор Растрелли построил роскошный дворец.

В екатерининское время стародавняя резиденция Строгановых, Соль-Вычегодская, представлявшая собою заштатный городок с дюжиной каменных и деревянных церквей, была лишь переулком на далеком тракте от Чердыни, Нового Усоля и Соликамска в столицу...

Стояла предвесенняя, пока еще без распутицы, пора. Март кончался морозными утрениками и солнечными днями. Санний путь по зимнику, по льду вычегодскому, был еще крепок, надежен. В ту пору из своих необъятных вотчин в Приуралье через верховья Камы и Вычегды поспешно пробирался волоками по направлению к столице барон Александр Николаевич Строганов. Ехал он в обитом кожей возке с оконцами из прозрачной слюды и узкой дверцей, закрываемой наглухо. В возке было тепло. Барон, одетый в дорожный бархатный кафтан, привалился к пуховой подушке. Шуба на собольем меху лежала рядом. За кушаком, на всякий недобрый случай, торчали два пистолета. Однако не было надобности в таком бережении. Ни черемисы, ни мордва, ни татары давным-давно не тревожили строгановские обозы, к тому же и охрана была у барона не малая. Четверка надежных лошадей, запряженных в возок дугом, тянулась впереди длинного груженого обоза. В кожаных мешках были защиты дорогие

меха; в кованных железных укладках под замками хранились тяжелые слитки серебра и золота.

В светлые сумерки под звон колоколов, призывавший к вечерне, въехал обоз в городок Соль-Вычегодскую. Из дверцы возка показалось пухлое холеное лицо Александра Николаевича. Он приказал сидевшему на передке вознице править лошадей к старым строгановским хоромам. Весь обоз и конные сторожевые тронулись по сугробистым улицам за господской повозкой.

Хоромы Строгановых на Соли-Вычегодской тогда еще стояли в полной своей красе. Более двухсот лет назад они были срублены из мелкослойного северного леса — устойчивой лиственницы — лучшими мастерами деревянного зодчества.

Древние палаты не блистали вычурностью, излишними прикрасами. Угрюмо глазели во все стороны амбразурами высокие толстостенные башни, именуемые «повалушами». В старые времена они охраняли городок на Вычегде от внезапных нападений. У входа в главную круглую башню стояла позеленевшая пушка с надписью на стволе: «Пушка медная — змей, длина два аршина, с полувершком; повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси тое пушку лил мастер Мокий Гребешков у Соли-Вычегодской». И случалось жителям Соли-Вычегодской обороняться и отражать в памятное лихолетье наскоки охочих до чужого добра пришлых, вооруженных до зубов, польских и литовских грабителей...

Прибывший строгановский обоз временно разместился вокруг палат. Александр Николаевич вынул из-за кушака пистолеты, небрежно швырнул их на мягкое сиденье возка. Не заходя в хоромы, пошел он к малой часовне, где в склепах под каменным полом покоились кости его предков, чьи имена вошли в историю государства Российского. Барон стал на колени, перекрестился и, поклонясь праху предков, набожно произнес:

— Помяни вас господи во царствии своем... Возблагодарите, деды и прадеды, всевышнего за благополучное путешествие наше к стольному городу. Да сохранит нас господь и впредь от всяких бед, невзгод и напастей...

Из часовенки барон направился в Благовещенский, знаменитый богатствами, собор; врата его были широко раскрыты, и в окнах мелькали огоньки лампад и паникадил.

В соборе было малоллюдно по той причине, что горожа-

нам Соли-Вычегодской повседневные великопостные вечерние службы не были в диковину, да и церквей в этой строгановской вотчине было излишество чрезмерное. Встав у левого клироса, около стены с тайными внутренними проходами, Александр Николаевич невольно устремился мыслью в прошлое здешнего народа, славного своим художеством и тончайшим рукоделием, о чем свидетельствовали украшения храма. Тут была живопись мастеров строгановской школы, и дивная цветистая эмаль, и резьба по кости, и шитье серебром и золотом по бархату, драгоценные пелены... Но вот барон тряхнул головой, опомнился: в этом месте и в это время ему надлежит подумать о себе, о своих прегрешениях и брэнной быстротечной жизни. Почувствовав взгляд седовласого голосистого протопопа, служившего вечерню, барон начал истово креститься. Губы его, толстые и влажные, вполголоса шептали:

— Всё житие мое срамно, господи, со блудницей девкой-вогулкой протекало. Отче небесный, очисти от прегрешения и спаси мя и не отрини мене, от тебя отошедшего. Помышляю о страшном судном дне и плачу и каюсь в деяниях моих лукавых, помилуй мя...

И хотя барон отнюдь не плакал и не весьма прилежно каялся, но, молясь с нарочитой скорбью, он обратил на себя внимание протопопа. Тот шепнул отроку, подававшему кадило:

— Сходи-ко, чадо, прислушайся, о чем молит бога барон. Да не торчи около него, а по тайнику, что в стене, пройди, встань за икону святителя Николая и вонми...

Служба кончилась. Александр Николаевич подошел к протопопу под благословение и услышал от него такие слова:

— Великий пост на исходе. Исповедаться надлежит во грехах, яко подобает христианину. Святая пасха на пути застать может, до Питера не доехавши. Где же будешь покаяние богу воздавать? Где причастие — тело и кровь Христову — принимать?

Через несколько минут, увлеченный в боковой придел алтаря, барон, прикрытый епитрахилью, коленопреклоненный стоял перед протопопом. Слышалось тихое бормотанье:

— Какие прегрешения омрачают душу твою? Покайся, ибо царствие небесное не за горами, а смерть всегда стоит за раменами ближе сорочки, что облакает тело

твое... — говорил вкрадчиво протопоп. — Не похитил ли богатств у братьев своих?

— Нет, отче, не похитил, не грешен, — глухо отвечал барон.

— Не предавался ли бесовским увеселениям, не принимал ли скоромную пищу в постные дни, не поносил ли бранными словесами священнослужителей?

— Всяко бывало, грешен, отче, прости и помилуй...

— Не упивался ли зелием до потери облика и чувства человеческого, не согрешил ли во хмелю, не рукоприкладствовал ли, не преступил ли клятвы, данной именем Божиим?

— Грешен, отче. Прости и помилуй.

— Не прелюбодействовал ли, не желал ли жены ближнего своего, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его... как речено в заповедях господних?

— Нет, отче, в скоте нужды не имею, а в прелюбодеянии грешен, отче, грешен. Потаенно от супруги своей с девкой-вогулкой грешил, двух деток незаконных прижил. Дочка во младенчестве преставилась, сынок же, при крещении Андреем нареченный, жив и вместе с той девкой-вогулкой под присмотром у дворового человека здравствует...

— Да простит господь прегрешения твои, — молвил протопоп и продолжал: — Чем же, хитростью какою, лукавый бес на блуд совратил тебя?

— Красотою, отче. Красотою отменною, коей сам господь возвеличил ту простую, из диких вогульских мест, девуку...

— Крещеная она? Лет ей от роду сколько? — Протопоп чуть понизил голос и тоном беспристрастия, приличествующим сану, спросил: — По доброй воле ее или по насилью господскому грешил ты с нею?

— Крещеная, отче, Марфой звать. Имя неказистое, а по красоте и дородности тела самой Магдалине не уступит. Лета ее совершенные, зрелые... — Подумав и встав с коленей, барон сказал смиренно: — Насилью не поддавалась, отче... Другим взял: матери ее дом построить велел... Девке той казны отвалил на воспитание дитяти и нарядами не обидел... А подрастет дитя, к себе возьму, в люди выведу, ибо обличие его с моим zelo сходственно.

— Похвальна доброта твоя, — сказал протопоп, убирая с головы барона конец епитрахили, пропахшей ладаном. — Ступай с миром, прощаются и отпускаются грехи твои... А завтра, за обедней, к причастью подойти не забудь...

Барон встал, перекрестился и, как подобало, поцеловал серебряный оклад Евангелия, лежавшего на аналое. Выйдя из собора, он обернулся, глянул на полукружия фресок, что размещены снаружи, снова перекрестился и направился к древним дедовским палатам, чтобы провести там ночь, а завтра опять продолжать путь к Санкт-Петербургу.

В изрядном веселии провел ту ночь барон Александр Николаевич. Были приглашены на ужин протопоп соборный, настоятель Введенского монастыря, управитель солеварен и градоуправитель сольвычегодский. На длинном березовом столе, покрытом шитой бисером и жемчужном скатертью, была в изобилии расставлена великопостная, православным дозволенная, пища; рыжички мелкие с земляными яблоками, брусника квашеная с сахаром, морошка моченая, стерлядь двинская, нельма сухонская, налимья печень, икра с чесноком и на постном масле пышные колобки пшеничные. Была и другая закуска к увеселительным напиткам, наполнявшим позлащенные чаши усольской эмали, медной чеканки ковши, братины и кувшины.

Захмелели гости, захмелел и хозяин. Протопоп, сидевший рядом с бароном, прищурился не без хитрости и лукавства и промолвил:

— Не надлежало бы между исповедью и причатием такое угощение. Ну да господь и не такие грехи прощает. Еще по единой, во здравие путешествующих...

Александр Николаевич Строганов вытер вспотевшее лицо, расстегнул шелковую рубаху. Из-за ворота вылез державшийся на дорогой цепочке золотой крестик с распятым Христом, а рядом виднелась перламутровая в золотой оправе ладанка — добрая памятка о приятно прожитых днях.

Протопоп первый заметил ладанку и, ткнув в нее перстом, спросил:

— Что сие укрыто от очей моих?

Барон раскрыл ладанку, внутри которой размером с целковый серебряный на одной створке эмалью была изображена женщина прелестной красоты, а на другой створ-

ке — малое дитя с распростертыми руками. Над головами их были кружочки — ореолы святости.

— Владычица с предвечным младенцем. — Протопоп с изумлением разглядывал внутренность ладанки. — Сие достойно для панагии архиерейской, не токмо для ладанки. Чья работа и сколько плачено? — спросил он барона, не выпуская из рук сокровища.

— Делал добрый мастер живописи Гаврюха Юшков, что в Пыскарском монастыре учит молодых людей художествам. За поделку сто рублей дано. Только недогадливы ты, отец протопоп, не богоматерь это... а она самая, пермяцкая вогулка Марфа, Чероева дочь. А это мой Андрейка. Глянь на обличие младенца, не сходственно ли с моим?

— Сходственно! Воистину сын отца своего! — невождержно заметил настоятель Введенского монастыря, тоже склонившийся над ладанкой.

— Прекрасна! Прекрасна! — восторгался градоуправитель, прищелкивая языком.

Барон высвободил из рук протопопа ладанку, захлопнул ее, словно табакерку, и водворил за ворот рубахи.

— Однако греховно девку-вогулку под видом богородицы с сиянием изображать. Да и незаконнорожденного младенца также. Кошунством такой грех нарицается, — упрекнул протопоп хозяина. Но в голосе его уже не было строгости.

— Нет, отче, не кошунства ради придумано так, а ради соблюдения тайны. Скажем, не подобает знать об этом моей законной супруге и ее родственникам...

— Хитрец, ваше сиятельство!

— А хороша! — не унимался градоуправитель. — Ох, хороша! Хоть и вогулка.

— Еще по единой! — голосисто, как в церкви, возвестил протопоп. — За чистое покаяние барона Александра Николаевича, за всепрощение всех его прегрешений, всякому человеку присущих...

— Аминь! — заключил Строганов и, подняв позлащенный бокал, залпом выпил крепкое хлебное вино, настоенное на землянике.

По окончании трапезы протопоп и настоятель спели, взирая на образа:

— Сподоби, господи, во все дни живота нашего без греха сохраниться... На тя, господи, уповаем, да не постыдимся во веки... — И разошлись по домам.

Утром барон Строганов, разбуженный колокольным звоном всех сольвычегодских церквей, посмотрел на часы и быстро стал одеваться. Отстояв обедню при полном свечном и лампадном свете и причастившись ради приличия у всех молящихся на виду, он приказал запрягать лошадей. По точному исчислению, согласно карманному месяцеслову, до Санкт-Петербурга от Соли-Вычегодской санным путем оставалось еще одна тысяча триста и тридцать девять верст. Надо было поспевать, пока по льду северных рек стоял прямоезжий зимний тракт.

В ДАЛЬНЕЙ ВОТЧИНЕ У СОЛИ-КАМСКОЙ

До отъезда в Санкт-Петербург Александр Николаевич Строганов долгое время хозяйничал в обширных вотчинах у Соли-Камской. Земли у Строгановых было столько, что они и сами не знали в точности размеров своих владений. Добыча ходового товара — соли — достигла такого размаха, что был дан указ о запрещении Строгановым вываривать свыше двух миллионов пудов соли в год, дабы богатством своим не превзошли самое государство. Огромные участки земель в сотни тысяч десятин они продавали крупным промышленникам — Демидовым, Всеволожским, Лазаревым и другим, искавшим богатой наживы в Приуралье у Соли-Камской, в Новом Усолье, Дедюхине и прочих уголках пермской земли.

Барон Александр Николаевич исправно управлял всеми делами, держал в страхе и повиновении десятки тысяч людей, работавших на строгановских варницах и заводах. Однако нередко тихие и кроткие, казалось бы, бессловесные мужики, выведенные тяжелой неволей и нуждой из терпения, вступали в раздоры с приказчиками барона и, избегая нещадной кары, уходили в леса, в глубокую тайгу, и там устраивались на вольные поселения или кочевали в поисках немудрого и невеликого счастья. Но немало было и решительных смельчаков, — те действовали огнем. дабы ущемить чем-нибудь беспредельно богатых промышленников. Пожары в строгановских имениях случались часто. Сгорало не раз Новое Усолье дотла, горело Усолье Камское и Капустная слобода; были пожары в имениях на Иньве, на Косве, на Чусовой и по всему Камскому краю. И если кто из поджигателей попадался, то суд у Строга-

новых был один — закапывать виноватых живым в землю. Но против такого закона, неписаного и крепко утвердившегося, существовала круговая мужицкая порука: под страхом смерти не выдавать своих.

Горели строгановские службы, усадьбы, дворцы и даже церкви; горели сотни домов и прочих построек в разных городах и заводских посадах. Велик был ущерб баронам, но еще яростнее бросались Строгановы на добычу богатств и скоро заново отстраивались и обзаводились прибыльными соляными варницами, рудными промыслами и всякими доходными мелкими и крупными предприятиями.

Случалось, барон Александр Николаевич сам кое-как спасался от гнева и мести подданных ему людишек, выскакивая из горевшего имения в чем мать родила. После одного из таких поджогов барон временно, пока строился новый дворец, проживал в доме соликамского воеводы Федора Разворзина. Чтобы забыться от постигших неприятностей, барон предавался разгулам. А когда кутежи надоедали, Строганов, в сопровождении дворецких, со стаей собак пускался на охоту в леса, богатые зверем и дичью.

...Однажды во время охотничьих забав Александр Николаевич повстречался за Новым Усольем, около деревни Огурдино, с девушкой, собиравшей в еловой чаще рыжики. Девушка была одета в длинный полосатый сарафан. Ноги ее были босы, голова повязана белым платком. Русая, аккуратно заплетенная коса спускалась до поясницы. Осторожно ступая по мшистой, слегка подернутой зеленою земле, она пальцами правой ноги нащупывала во мху мелкие рыжики, наклонялась, срывала их и клала в берестяное лукошко.

— Красавица, ты что же без лаптей-то? Нету, что ли? Не боишься на гадюку наступить? — спросил Строганов.

Он внимательно рассмотрел девушку и подумал: «А ведь и впрямь красавица! Одень такую по-барски, ей во дворце честь и место!..»

Девушка выпрямилась, усмехнулась задорно и, не боясь, что перед ней на коне самовластный барин, ответила:

— Босой-то легче рыжики находить. Мелких глазом не видно, а нога нащупает. А от гадюк я заветное слово знаю. Не страшусь их...

— Ишь ты, бойкая! Чья такая?

— Мы-то? Демидовские. Исполу работаем: день на солеварне, день на себя.

— А звать как?

— Чаровой Марфушей звать. А тебе зачем? Не купить ли хошь? Я у Демидовых непродажная. Не беглая, испокон вогульские мы, тутошние...

— Никифор! — кликнул Строганов дворецкого, ехавшего позади. — Запиши-ка эту девку на память: демидовская, Марфа Чероева... Да чтоб была в моей дворне. Нечего ей тут по кочкам прыгать. Глянь, видал ли краше?..

— И то, ваше сиятельство. Дородна, лицом бела и всем корпусом вышла, — ответил дворецкий Никифор Воронихин. — Да чего ее записывать, я ее знаю, и мать ее знаю. По соседству будут, огурдинские, из вогулов...

Строганов не отрывал взгляда от девушки:

— Ну-ка, Марфуша, пройдишь; не хромая, часом?

— Хромая, барин, хромая. На обе ноги! — посмеиваясь, отвечала Марфуша.

— Шутит, ваше сиятельство, здорова, как репка.

— Смотри, девка, со мной не шути. Знаешь, кто я?

— Ой, кабы не знала я, кабы не ведала, то в тайгу от тебя я бы не бегала. Так хороша, говоришь? — с усмешкой спросила Марфа барона.

— Хороша.

— А скажи, ваша милость, на погибель мне красота девичья или на счастье?

— На счастье, девонька!

— Смотри! Я не только от змеиного укуса слово знаю. Знаю и приворотное зелье, на чем оно растет. Ой, приворожу. Не посмотрю, что барин.

— Смела! — удивился Строганов.

— А чего мне страшиться? Сам посуди: не богато мое имение — лукошко рыжиков. Поезжай-ка с богом своей дорогой. Тебе, ваша светлость, охотиться за зверем да за птицей, а не за бедною девицей...

В тот день и охота была не в охоту барону Строганову. Пошнырял он с дворовыми людьми по лесу около Нового Усолья впустую. Приехав в Соликамск, сразу же кинулся барон по широкой чугунной лестнице в покои Демидовых. Во что обошлась Строганову вогулка Марфа Чероева — неизвестно, но стала она его добычей. И как ни охоч был Александр Николаевич до красивых пермячек, Марфа Чероева словно и впрямь приворожила его. — казалась ему краше всех. В шелка одевал он ее, в дорогие меха; высокий, осыпанный крупным жемчугом кокошник Марфы был

предметом зависти всех девок в Новом Усолье. А когда она первый раз стала беременна, Строганов распорядился отправить ее в деревушку Огурдино, где для Марфы и ее смирившейся стропливой матери были уже построены хоромы из самого толстого леса, с большими светлыми окнами, тесовой крышей, с резными наличниками. И усадебной земельной наделил Строганов Чероеву, так что было где огород развести, было на чем покопаться хлопотунье матери.

И упреки, и брань слышали Марфа и ее мать от людей:

— Не честным путем барским добром пользуетесь... грех на душу беретел..

— Грех грехом, а добро добром. От трудов праведных только горб нажить можно, — оправдывалась Марфина мать и даже гордилась, когда появилась на свет внучка — баронское отродье. Да оказалась внучка не живуча.

Марфа поправилась после родов и стала еще краше, чем прежде. И снова привезли Марфу на подворье к барону. Она осилила грамоту — выучилась с помощью дворецкого по церковным и по светским книгам, коих немало было в строгановской библиотеке. А как пела она! За сердце брали барона ее песни — протяжные, заунывные.

Ой, да разнесчастная Марфуша уродилась,
Тоска-печаль Марфуше приключилась,
Ой, иду ль я в Усолье иль иду домой,
Горе-горькое по следу идет за мной.
Везде-то Марфушеньку журят-бранят,
Ой, журят-бранят да всё плакать велят...

Но свыклась Марфа со своей судьбой. Пела она песни тоскливые, а слезы на глазах не появлялись. Да и что было делать? Разве с другими подневольными деваками не поступает барон, как ему заблагорассудится? Он хозяин на своей многолюдной вотчине, за ним право выбора лучших девушек. Если и мелкопоместный дворянин в свадебную пору пользовался «правом первой ночи», то таким господам, как Строганов, сам бог велел не избегать столь постыдного правила. И всё же лучше Марфы Чероевой не находилось. Эх, кабы была она почтенных родителей дочь!.. Но разве можно демидовскую работницу-солеварку, вогулку, привезти в Питер во дворец на Невский проспект? Можно-то можно, да только осторожно: привезти в столицу прислугу или мастерицу вышивать жемчугом и золотой ниткой по бархату. Так и

думал поступить Строганов. Помехой его намерениям оказалась вторая беременность Марфы. Снова была отправлена она в деревню Огурдино, в дом, подаренный бароном. И вскоре появился на свет сын, которого соседи звали «бароненком» по отцу и «вороненком» по крестному, Никифору Воронихину, вынужденному приказом барона записать новорожденного Андрейку под свою фамилию, но с некоторой нарочитой неточностью: «Воронин» вместо «Воронихин», дабы совесть его и честь барона были не запачканы хотя бы в метрической книге у приходского попа, усердно служившего богу и барону.

Спустя год Марфа с Андрейкой были вызваны из Огурдина в Соликамск показаться своему благодетелю. И все приближенные Строганова, видевшие ребенка, без обиняков судачили, не расходясь во мнениях:

— Как две капли, весь в отца!

— И глазом хитер, и носом востер, и подбородочек узкий, не вогульский, не материн, отцовский. Ну, Марфа, счастлива! Надо же такого родить! Озолотит ее барон... Озолотит!

Строганов и вправду был доволен, но и озабочен, как бы столь близкая и долговременная связь с вогулкой, кончившаяся появлением на свет сына, не стала широким достоянием гласности там, в Питере.

«Девчонка-дочурка была не живуча, а этот, видно, будет жить. Ну и пусть на здоровье!» — решил тогда Александр Николаевич, и в тот же час вызвал он из иконописной мастерской живописца Гаврилу Юшкова, заказал ему сделать медальон — ладанку с изображением Марфы и Андрейки эмалью, да сделать скрытно, не на чужих глазах...

Гаврила Юшков был мастер искуснейший, слава о нем шла по всему Пермьскому краю. Иконы его письма строгановской школы украшали церкви и монастыри в Веслянах и Верхотурье, в Новом Усолье и в Пыскарской обители. Только у Соли-Вычегодской ни в одной из двенадцати церквей не было икон письма Гаврилы Юшкова. Там хватало своих художников, и самые лучшие из них в то время не оседали на Вычегде, а по приказанию Строгановых перебирались в Соликамье, в Ильинское сельцо, где была иконописная школа и мастерская, а в ней за главного мастера и учителя — Гаврилы Юшков. Понимал Юшков тонко не только живопись; он и в зодчестве смыс-

лил, умел делать модели храмов, этому же обучал и молодых, старательных и одаренных способностями, людей. Но главным всё же была иконопись, и очень редко писались портреты светских особ. Это было трудней. А на иконах рука набита, к тому же и уставы-наставления общеизвестны с древних пор.

Вознаградив Гаврилу Юшкова за эмалевую ладанку, Александр Николаевич, уезжая в Петербург, наказал старому и богобоязненному живописцу:

— Как подрастет у Марфы Чероевой Андрейка, ты его учи грамоте и рисованию. Да еще Пашку Карташева, как подрастет, возьми себе в ученики. За труды, буду жив, вознагражу тебя за сих безотцежных нагулышей...

— Приголублю обоих, ваше сиятельство, со всей строгостью преподам им науку. Стало быть, от девки Карташевой тоже ваше дитя? — спросил художник барона.

И не рад был, что спросил. Барон, подняв кулак, грозно рявкнул:

— Не твое холопское дело, богомаз! — И сурово добавил: — Делай как велено!

Никифору Воронихину, своему дворецкому, барон приказал из Нового Усолья переселиться в село Ильинское, где была главная строгановская контора, управлявшая всеми владениями и промыслами Прикамья. И ему же наказал барон взять на постоянное житье под надзор Марфу Чероеву и воспитывать Андрейку.

Пришлось Никифору Воронихину согласиться. И образовалась тогда у строгановского дворецкого одна семья из трех фамилий: сами — Никифор с женой и своими детьми — Воронихины; жиличка — Марфа Чероева, а ее сынок — Воронин Андрейка. Однако ни для кого из соседей эта тайна не была тайной. И хотя подросший ребенок по наущению старших называл Никифора тятей, его супругу Пелагею — мамой, а свою родную мать Марфу сначала няней, а потом — теткой, все люди в окрестности — и добрые и злоязычные — знали, что это обман и Андрейка, как только подрастет, поймет, почему он ребятишками окрещен кличкой «баронёнок». И Андрейка это понял. Незаконнорожденный, прибудыш, нагулыш — эти и подобные им прозвища с обидой воспринимались его чутким сердцем. С детских лет он становился замкнутым, молчаливым, скрытным, что не мешало быть ему любознательным и способным в учении.

Так рос в семье дворецкого Никифора Воронихина маленький Андрейка. И нельзя сказать, что он был в жестокой нужде. Барон, находясь вдали от прикамских вотчин, не забывал об Андрейке, помнил о его матери Марфе, справлялся, благополучно ли они живут, и не отказывал в помощи.

В МАСТЕРСКОЙ У ГАВРИЛЫ ЮШКОВА

Учение и работа каждый день начинались утренней молитвой взрослых и юных «богомазов». Пелись тропари и кондаки из Часослова. Ученикам надоедали повседневные леснопения. Было бы гораздо лучше молитвенное время провести в шалостях и беготне около мастерских и училища или выйти на реку и прокатиться по ней на лодках, а еще лучше — закинуть бы на чье-либо счастье бредень и вытащить, самим себе на удивление и на добрую уху, крупных окуней и лещей. Но строгость в иконописной мастерской была невероятная. Полное подчинение наставникам считалось основой порядка. За непослушание старшим и иные провинности — лень, порчу красок — не возбранялись рукоприкладство и порка ремнем. За богохульство ученики вообще изгонялись. В этом прегрешении послабление допускалось только опытным мастерам, известным в народе и ценным Строгановыми. Но таких мастеров было не так уж много. Потому и поручено было Гавриле Юшкову с каждым годом увеличивать число учеников, набирать их по своему усмотрению и со тщанием и строгостью обучать. Гаврила имел не малый опыт в живописи, был даровит и искусен.

Мастерская его размещалась в просторных и светлых бревенчатых палатах. В отличие от других построек в селе Ильинском, над резным крыльцом школы возвышался небольшой, чешуйчатый, из сосновой дранки купол, а на нем — чугунный крест. Изнутри мастерская запиралась на железный засов, чтобы не было во время работы помехи от приходящих. Стояли готовые образа, писанные на липовых, ольховых и дубовых, сколоченных шпунтами и загрунтованных досках. На полу небрежно валялись образа, незаконченные и неудавшиеся; на мольбертах стояли начатые работы с изображением богородиц, нерукотворных спасов, писанных по уставу, двенадесятих праздников, свя-

тителей и всевозможных житий, описанных в Четьи-Минях.

Ученики после утренней молитвы тихо занимали свои места и до прихода Гаврилы Юшкова приготавливали краски, потребные для дневной работы. В числе красок были бакан венецейский, багрик и белила, голубец и желть, киноварь и лазорь, сурик, мумия и сурьма, ярь-медянка. Одни изготовлялись на простой воде, другие на яичном белке, третьи на чесночном отваре, на масле и на сале, на рыбьей желчи, на медовом растворе и по иным рецептам, опытом достигнутым строгановскими иконописцами или дошедшим со времен Киевской и Новгородской Руси.

Когда, сотворив крестное знамение, Гаврила становился в угол под образа, все ученики прекращали занятия и, благонравно сложив на коленях руки, ждали изустного наставления учителя.

Андрейка сидел впереди других учеников, скромный и смиренный, никому не мешал, и его никто не тревожил. В памяти его запечатлевались слова старого иконописца:

— Дети мои! Нам не сродни холуйские кошунники-богомазы. В Холуях иконы пекут, как блины пекут, и продают их на ярмарках с возов вместе с веретенами, прялками и ложками гуртом и в розницу, как щепной мелкий товаришко. Иконы же письма нашего, строгановской, издавна славной школы — отличные от всех. Им пристало быть украшением любого храма московского, любой лавры...

Так говорил живописец Юшков — вдохновенно, нередко повторяясь. Ученики и даже мастера слушали его со вниманием.

Гаврила поднимал голову, отчего длинные, слегка блестящие от гарного масла, русые волосы закидывались на спину и на широкие плечи, закрывая собачий воротник легкой дубленой шубейки, и продолжал беседу:

— Пройдут и сотни лет, от холуйских образков и следа не останется, доски пойдут на растопку либо горшки закрывать, а наши иконы, с умом и толком писанные, чем дольше жить будут, тем дороже будут цениться. А краски на грунте так утвердятся и окаменеют, что топор и рубанок зазубрятся, а не осият окаменелости наших красок. И каждый, увидев нашу работу, отличит ее.

— Гляньте, — говорил Юшков, показывая на иконы, еще пахнувшие красками. — Вот Григорий Богослов, Иоанн

Златоуст, вот едиnorodный сын божий, бессребреники Косьма и Демьян. Все они разными нашими мастерами писаны, а есть общее в них — строгановская иконного письма школа. Гляньте, дети мои, на фигуры святых, и вы увидите зоркими очами своими, что лики пишутся зело светлыми добротными красками. Ризы на божьих угодниках и прочих изображениях тонко и изящно писаны и подернуты золотцем, растворенным и подогретым на скипидаре с вином вперемешку... И еще ведать о том вы должны, за святыми фигурьями пишутся палаты — это признаки любви угодников к зодчеству. Те палаты пишутся по выдумке затейливой, как допрежь учили и образцы оставили иконники Рима и Флоренции и других испокон знатных мест... Но учителя — учителями из древностных времен и разных держав, одначе мы и сами не бедны своими указами и наставлениями, изложенными во многих рукописных сборниках и в «Стоглаве» соборное нерушимое утверждение нашедшими. Дети мои, ведать вы должны, как подобает писать святых, в каких мерах. Всякий святой пишется в рост девяти глав. До пупа в три главы, локоть на уровне пупа пишется, от пупа до колен три главы мера, ширина плеч — две главы, а брюха — полторы главы. А уши на лице ставить предельно будет, ежели против брови и до половины ноздри. А глаза посередке уха писать живые, якобы они зрят на молящихся...

Преподав, что должен делать иконник до наложения красок, Гаврила поучал, каким составом красок должно свет писать, какими красками писать верхние ризы и исподние у Христа, у богородицы, у господа Саваофа, как пишется лик и делается подрумянка щек, губ и чела.

Все эти поучения Андрейка и его товарищи должны были твердо держать в памяти, помнить и не забывать, ибо записи не велись, тетрадей не было. И они помнили. Особенно любо ученикам было слушать сведения о знаменитых русских иконниках, о киево-печерском иноке Алимпии, коему сами ангелы помогали добротню делать лики святых, а те изображения, подаренные Владимиром Мономахом Москве, и досель невредимы в московском Кремле... Похвально говорил Юшков об Андрее Рублеве и Симоне Ушакове, о вологодских иконописцах, двух Дионисиях, и о многих других, перечень которых с пояснениями их деяний занимал не мало времени. А чтобы упрочить любовь учеников к иконописи и уважение их к са-

мим себе, Гаврила Юшков доставал с полки печатный, времен Грозного «Стоглав», уже немало потертый, пожелтевший, хранимый в досках, обшитых кожей, и, вынув тесемку на нужной странице, внятно читал, держа указательный перст выше своей головы, как бы указывая на премудрость, сошедшую с самих небес. Он читал, дополняя своими словами текст древней книги, говорящей о смирении, кротости, о трезвости и прочих бесчисленных благонравиях, приличествующих иконникам, творящим чистыми руками и светлым разумом благое, богоугодное дело.

— «Проклят творяй дело божие с небрежением»... — читал Юшков, а потом, вспомнив особенно любимое им наставление, говорил: — Дети мои, в назидание вам, живописцам-иконникам, чтобы праведны были яко честные монахи, а не подобно ярыжкам сольвычегодским, охочим до вина и жен-греховодниц, прости их господи. Слушайте, кое слово сказано в приложении к «Стоглаву», а пункт тому пятнадцатый: «Не прельщайтесь ни блудницы, ни прелюбодеи, ни мужеложники, ни скотоложники, ни рукоблудники, ни лихоимцы, ни чародеи, ни пьяницы, ни татие (воры), вси бо таковые царствия небесного не наследят...» А в пункте двадцать восьмом есть речение, чтоб по повелению Грозного царя «епископам смотреть за иконниками, беречь их от всякой пагубы накрепко и почитать наипаче простых человек!» Разумейте, дети мои: речение сие не касательно холуйских и иных живописи осквернителей-торгашей и мздоимцев! — И эти последние слова Гаврилы Юшкова звучали страстно и назидательно.

Потом ученики садились за свои подготовленные для писания доски. Работали при полном молчании. Одни на свежих, выклеенных досках робко рисовали контуры с образов старых икон, другие пробовали писать иконы на память. Кто-нибудь более расторопный золотил венцы; кто-нибудь шепотом просил рядом сидящего товарища подправить цветочки и травку под ногами Иоанна Крестителя. И товарищ, растопырив пальцы левой руки (ногти ему заменяли палитру), брал тонкой кисточкой с ногтей краску по своему хитроумному смотрению и выручал товарища из беды.

Андрейка сидел за широкой дощатой створкой складной, двусторонней иконы и, ни на кого не обращая внимания, нахмуренный, трудился над украшением ризы Ни-

колы Мирликийского, покрывал ее белилами, на белилах вычерчивал продолговатые крестики, чередующиеся со звездочками. Складки у него не получались в точности, он их обводил условно черными линиями из жидкой туши, наполнявшей черепок от разбитой глиняной корчаги.

Не сидел без работы и сам Гаврила Юшков. Заняв выгодное место в мастерской, откуда все ученики ему были видны, он тщательно подновлял какую-либо старинную, не имеющую цены икону письма великоустюжских мастеров. По временам, примечая того или другого ученика в положении затруднительном, оставлял свою работу, шел к нему и поучал:

— Ты, милоч, не ту красочку подсовываешь. Тут надобен шафран на щучьей желчи, постарайся, сотри и пиши заново...

— А у тебя что, голубчик? Ох, дитятко, не уразумел ты, какую краску с какой надо спускать совместно и какая из этого получается третья. Запоматовал? Сурик смешать с желтой — получится золотая почти; вохра да киноварь дают бакан; из синей и белил получится голубая... Уж сколько раз я твердил, надо помнить. На-ко, да не забывай! — И при этих словах Гаврила, без всякой злобы закрутив пальцами волосы ученика, дергал с небольшой силой, но искры из глаз у того сыпались и подсказ учителя в памяти держался крепко.

ВОСПИТАНИЕ ПЛЕТЬЮ...

В те отдаленные времена по всей России-матушке порки-экзакуции были обычным явлением. Так полагалось и так почиталось, что «за битого двух небитых дают». Выпороть лозой или розгами, в переводе на вежливый общепринятый язык, означало: «угостить березовой кашей» или «березовой лапшой с ременным маслом» — это в том случае, если розга на пояснице наказуемого чередовалась с кнутом. В исключительных случаях прибегал к такому средству воспитания характера своих учеников и Гаврила Юшков — человек весьма строгих правил. Но только в исключительных случаях шалостей или непослушания, а наипаче всего за богохульство.

За всё время пребывания в самобытной иконописной школе Андрейка Воронихин подвергся не столь тяжко-

му, сколь постыдному наказанию только однажды. Было это в теплый августовский день после молебна Фролу и Лавру. В Ильинской церкви состоялось освящение многих икон, законченных письмом в мастерской Гаврилы Юшкова. Престарелый беззубый поп во время молебствия путал и перевирал слова Священного писания, ученики-иконописцы, невзирая на торжественность момента, смеялись в церкви и шепотом передразнивали попа, повторяя за ним шепелявую бессмыслицу. Гаврила, стоявший в храме впереди всех своих питомцев, следил за ними и примечал не раз веселую и язвительную усмешку на лице Андрейки. Стерпел старик в церкви, не дернул за волосы богохульника, только подумал: «Черти тешат малого по глупости его. Придется проучить маленечко. Как бы не забыть только!..»

И не забыл Гаврила. С малым опозданием, но вспомнил. А прежде всего, на радостях, что иконы были приняты, одобрены, оценены по их достоинству и освящены, Гаврила зашел в кабак, высушил штоф водки, закусив лишь единой луковицей. Навеселе пришел в мастерскую, и тут он — любитель поговорить, пофилософствовать — начал поучать и допрашивать ребят:

— Эй вы, олухи царя небесного! Баловни и непослушники, знаете ли, зачем в церковь ходить надобно? Что это вам, карусель, тятра? Что за смешки там устроили? Отвечай, Андрейка!

— Да как, дядя Гаврила, нам было не смеяться? Мы это не над божеством, а над попом малость усмехнулись. Уж больно он беззубый, худо слова выговаривает. Поди-ко и богу в уши такие слова не пойдут?

— Как так?! — начал кипятиться Гаврила.

— Да ужель ты сам не слышал, — поддерживаемый одобрительными взглядами других учеников, продолжал Андрейка: — вместо «во имя отца и сына» у нашего шепелявого попа выходит — «вымя овса и сена», вместо «верую во единого» он говорит, да еще с нажимом, «вырою до единого», а вместо «Господи помилуй» — «вошь поди милую». Как тут не смеяться?.. А потом, скажи, дядя Гаврила, есть ли в раю сапожная мастерская?

— Чего ты мелешь языком, птенец-сосунец?

— Да опять же пришла там в церкви мысль такая: смотрю, на поповой внучке башмачки сафьяновые с пугов-

ками и голубыми кисточками, точь-в-точь как у ангела Гавриила, что тобою писан на иконе «Благовещение». И весь-то молебен водосвятный я стоял и думал об этих башмаках. То ли сапожнику захотелось угодить поповой внучке, то ли тебе при писании думалось, что и в раю умеют искусно шить обувь?..

— А ты дурак и богохульник, если такое думаешь, да еще в храме божьем! Не учен ты ни разу, как подобает, вот и думаешь всякую ересь! Ну-ко, подай мне с полки неразлучную спутницу всякой науки и благодеяний, я тебя проучу малость, — сказал Гавриила строго и довольно решительным тоном.

Ослушаться было нельзя Андрейке. Хуже, коли не послушать: быть тогда нещадно битому. Встал Андрейка с табуретки, отодвинул доску, на которой были карандашом намечены контуры богоматери, и не торопясь снял с полки ременницу с коротким кнутовищем; ее-то и называли и почитали в мастерской за «спутницу» науки и благодеяний.

— А теперь ложись и приемли! — приказал Гавриила, беря из рук Андрейки испытанную плеть. — И поразмысли, за что тебе положено отведать ременницы?.. И не смей на меня губы надувать, не смей сердиться... Подрастешь, вспомнишь, спасибо скажешь...

Товарищи Андрейкины отвернулись сразу, как только Гавриила, размахнувшись плетью, сказал:

— Во имя святой троицы — раз, два, три... — И раз за разом трижды свистнула в воздухе плеть и ударилась, извиваясь по пояснице Андрейки. — Мало? Вот тебе четыре, во имя всех евангелистов! И еще мало? Вот тебе, считай до семи в честь всего ангельского синклита!.. — Добравшись так и до двенадцати апостолов, Гавриила со тщанием отмерил Андрейке всего двенадцать ударов ременной плетью и, задыхаясь от волнения, предупредил: — Впредь за подобные провинности я тебе и сорок мучеников припомню. Встань и отряхнись, и ведай, смысленный отрок, что кнут, что лоза — сие божия гроза. Юным это вразумление, а нам, старикам, подкрепление. Иначе и быть не можно. И меня били-колотили, да не поломали лозой кости и не допускали до злости, а этим праведным путем вели к познанию добра, а ко злу создавали отвращение. А теперь все вы, огольды и непослушники, не думайте, что я с полуштофа пьян. Мне и штоф нипочем,

уму-разуму не повредит. Всё помню, всё знаю, и вас поучить желаю, да не жмитесь — не плетью, а добрым поучить словом! Ну, становись вокруг!.. И слушай!..

И все ученики Гаврилы Юшкова обступили его, притихли. Было чутко слышно, как в щелях шуршали тараканы да за запахнутыми окнами шелестели листья старой березы. Андрейка встал позади всех. Не проронив во время экзекуции ни слова, ни стопа, теперь он, сквозь стиснутые зубы, отдуваясь, тяжело вздыхал и, понуриг голову, думал: «Ладно, Гаврила, бог с тобой, ты во хмелю, но знай, что этак ты меня высек первый и последний раз! Уйду, уйду. А куда?.. Пока тепло, по лесу погуляю. Осень наступит — уйду к плотникам в Кудымкар. Ищи-свищи!..»

Так думал Андрейка, но не решился сказать, да и не зачем было заранее перед Гаврилой раскрывать свои затаенные думы. А между тем Гаврила, опершись локтями на крашеную столешницу, прищуриг полупьяные глаза, что-то припоминал и, путаясь в своих мыслях, бормотал невнятно:

— Знайте, дети, вы перенимайте от старших мудрость, перенимайте. Будете стариками, и ваш черед детей учить наступит. Вот так же, как я Андрейку или кого другого из вас, потом и вы не возбраните себе поучать. Жизнь того потребует. А теперь вникайте во что скажу вам... — Гаврила важно отвалился всем корпусом к спинке стула, приосанился и заговорил: — Знать вам смолоду надлежит, из чего в мире добро состоит, из чего зло складывается! Вот скажу: люди создают вещи, хлеб сеют, собирают, богатство умножают. А всё это тля! Да-с. Тля!.. Богачество создает гордость людскую, гордость преумножает неудовольствие, и свары, и нападки. И опять идет по кругу: богатство образует нищету в большом числе народа, нищета ведет к смирению, смирение к спасению, сия речь — добру. И зло наверху остается до своего падения. Правду я говорю?.. Ну что молчите? Ответствуй ты тогда, свежихлестанный Андрейка!..

Гаврила обвел глазами столпившихся около него учеников, ребята обернулись посмотреть на Андрейку, а того и след простыл. Будто сквозь пол провалился, втихаря исчез парень.

— Куды его унесло? Не хочет слушать речь мою, рано разумен стал? Доведется, кажись, ему по свежим руб-

цам и сорок мучеников напомнить. Станет тогда знать... Плевать нам на него... Продолжаем... О чем я вам сказал?..

— Ты сказал: «плевать нам на него», — напомнил Гаврила кто-то из ребят.

— Не баламуть, не то. Я говорил о добре и зле... Вот о чем. Слушать надо! В ноздрях ковырять потом станете!.. Ванька! Достань-ко с поллицы картинку «Случаев описание и действ сказание». Эту самую... Я вам пояснение дам. Глядите: изображен богатый человек. Перед ним груды золота, а позади смерть со стрелою в костлявой руке, ниже под ногами — земля. Что сие значит, ведайте: не надейся, человек, на золото, что лежит пред тобою, оно не спасет. Не уйдешь, не убежишь от того, кто стоит за тобою, от смерти то есть, ибо все люди, кроме пророка Ильи, смертны, тот живым на небо взят вместе с колесницею и тремя лошадьми... И еще тут изображена земля: не минуешь того, что под тобою. Все там будем лежать до второго пришествия. А тут еще в окружности вписаны и монахами краской размалеваны все напасти человеческие: давайте-ка разберемся!.. — Гаврила рыгнул винным пергаром, протер глаза носовым платком и, уставившись на затасканный и отчасти выцветший священный лубок, продолжал: — А напасти таковы встречаться будут на вашем пути, знайте и избегайте их. От разбойников — убийство, от богатых — насильство, от воров-татей — покража, от ябедников — продажа, от соседа — ненависть, от сродника — зависть, от лукавых и мелких людишек — лесть и желание живьем тебя съесть!.. Нелегко жизнь прожить, дабы царствие небесное получить... А где же всё-таки Андрейка?.. Ты чего же это, Карташев, ухмыляешься? Поди найди и приведи Андрейку. Вот еще! Куражиться? Не позволю!..

Недолго пошумел Гаврила и, уткнувшись головою в столешницу, застланную лубочной картиной, к радости учеников своих сладко задремал.

Нет, не мог Карташев в тот день найти в Ильинском своего однокашника Андрейку. Так и пришел ни с чем в мастерскую, озадачив Гаврилу:

— Андрейки не нашел нигде!

— Как нигде? А дома у Марфы Чероевой не был?

— Был. И там нет.

— Хм... Экая глупость! Не в реку же сунулся?! —

Гаврила, протрезвившись, встревожился. — Парень-то добер, смысленный. Не содеял ли чего над собой? Надо искать. Ступай, снова ищи. Вот тебе алтын на орехи.

Вечером не вытерпел сам Гаврила, пошел ильинскими улками и переулками к Марфе Чероевой. Пришел, та сидит за прялкой, сердитая, но не печальная. Встретила Гаврилу упреком:

— Ты с чего это, Гаврила, сегодня Андрейку домой на отгул отпустил? А он, дуралей, не глядя на ночь, собрался в лес, взял кузовок, краюху хлеба, нож поточил, огниво прихватил с собой, будто за рыжиками и ягодой собрался. И такой неговорной, что те обиженный. Не натворил ли он чего?

— Натворил!

— Я так и догадалась. Чего же? Добро какое испортил?

— Хуже. Над попом насмеялся, над моим писанием тоже. Ну, я и пострадал его самую малость кнутиком, разков дюжину.

— Вот и зря! Я, родная мать, стречка ему ни разу не сделала. Он и без того покорлив, и старателен, и понятлив.

— Да, уж это верно. Понятливей других, — согласился Гаврила. — Так я его бережно: на портках и рубаше ни кровинки не выступило.

— Еще бы в кровь! — вскричала Марфа и, швырнув прялку на полати, завопила: — Да я тогда тебе всю бороду выщипала бы!.. Ты думаешь, он безотецкий, так у него и отца нет?.. На-ко, выкуси!..

Гаврила не стал пререкаться с Марфой, ушел. На другой и на третий и на четвертый день Андрейка не возвращался.

Мать забеспокоилась:

— Запутался парень в лесу. Да на зверя нарвется — и поминай как звали!.. Ох, Гаврила, Гаврила. Богомаз несчастный, будь ты проклят со своей строгостью!..

На пятый день от кого-то узнал Юшков, в каком направлении, в какое дальнее урочище ушел Андрейка, и решил со всей своей иконописной школой-мастерской идти в лес облавой искать пропавшего Андрейку.

Целый августовский день бродили ребята по лесу. И были, невзирая на усталость, довольны вынужденной прогулкой. Ягод попутно собирали, видели много рыжих

белок, прыгающих по веткам. Даже на свежий след медвежий напали; кричали, ухали, свистели, но никто не откликнулся.

— Худо дело, ребята, — сокрушенно сказал Гаврила, собрав учеников около себя. — Куды его леший унес, не угадать. Придется заночевать в лесу у демидовских смолокуров на подсеке, а завтра другим путем в Ильинское пойдем, через пожни, где стога наметаны; авось не найдем ли его в заброшенных шалашах?..

Ребятам не всё ли равно, куда идти... Некоторые представляли себе, что Андрейка в лесу, конечно, жив-здоров, и не без приключений скрывается в этих дебрях. Ягоды есть, орехи кедровые есть, вот еще бы ему ружье с пороховницей да топорик, ну, тогда бы живи — не тужи. Живут же беглые мужики-лесовики, звероловы и дегтекуры!..

В сумерки вышли к избушкам, где жили прокопченные и пропахшие дымом старики смолокуры и обжигавшие березовый уголь демидовские работные люди. Не удивились лесные отшельники появлению Гаврилы с ватагой.

Пятые сутки Андрейка Воронихин проживал здесь и хотел надолго остаться помощником у смолокуров.

Десятник сразу догадался:

— Ого, Гаврюха Юшков нагрел, никак беглеца ищет?.. Пойдет ли парень с вами — не знаю. Очень уж у нас ему привольно: сосновое пенье-коренье таскает. Кормим свежинкой-медвежатинной. Онамедни двух медведков на рогатину приняли. И вас угостим.

— Где же парень? Где он? — заторопил десятника Юшков.

— А ты не спеши, не ускачешь. Парень с устатку спит и будить его не дам. До утра и вам идти некуда, заночевайте. Утро вечера мудренее. Пойдет ли отсюда парень? Любо ему тут у нас. Лук стрельчатый сделал, стрел вересовых острых настрогал. И за эти дни тридцать белок между делом убил. Глянь, вон шкурки сохнут. На три шапки товару хватит...

— Да, завидная тут у вас жизнь, — согласился Гаврила, — только не для Андрейки. Ребята! Ищите, где он тут...

Всклокоченный, чумазый, предстал Андрейка перед Гаврилой.

— Бить будешь? — первое, что спросил Андрейка, по-

тупив глаза на носки сочно смазанных пахучим дегтем сапог.

— Не собираюсь. Давай-ко, парень, поворачивай к дому да за дело берись. Эх ты, смолокур! Мать по тебе с ума сходит. Не гоже так. Разве так нас стегали — да не бегали...

Ребята обступили Андрейку, и убедительнее Гаврилинских слов были их уговоры. Переспали ночь на подсеке, где от неугасаемого огня курился дымок, расстилаясь по лесной низине, и янтарным дегтем наполнялись огромные посудыны, радуя добытчиков, молчаливых и суровых лесовиков...

После шестидневного прогула Андрейка в иконописной у Гаврилы как-то нехотя, пересиливая себя, снова взялся за малевание святых ликов.

МОДЕЛЬ ЦЕРКВИ

Иногда уставших учеников Гаврила Юшков выводил из мастерской на волю. В быстро растущих селах и слободах строгановской вотчины возводились новые бревенчатые церкви, избы и хоромы. Любитель и знаток зодчества, Юшков восхищался работой вологодских плотников, приходивших в ту пору на поселение в Новое Усолье и окрестные места, показывал ученикам наиболее интересные и удачные строения, объясняя, чем эти строения хороши, удобны, красивы и прочны.

— Русь северная, Приуралье и Сибирь, — говорил Юшков, — богаты лесами. Ни конца им ни края нет. Лесу у нас предостаточно. Умейте только строить, умейте владеть топоришком, стругом и рубанком, и никто из вас без жилья не останется. Давно прошли те «адамовы» времена, когда люди жили в пещерах и землянках, подобно косолапым медведям. Приглядитесь, дети мои, как плотники срубы рубят, как венцы бревенчатые ставят, какие выдумки применяют. Сначала сообразят, потом начинают строить, да так, чтобы и самим любо было и хозяевам приятно. Бывало, в ваши-то молоденькие годы мы вот так приглядывались, приглядывались к плотничным работам да сами малые модели делали. Кто церквушку смастерит, кто мельницу-ветрянку или толчею, а иной сделает такой теремок — сказка, да и только. Попробуйте-ко и вы

так-то между делом. Никому я вам не закажу, что и как делать, а побольше своей мысли да рукоделия. И похвала тому, кто всех отличней смастерит... Понадобится краска, позолота, долото, скобелек — берите в мастерской, пользуйтесь.

Во время одной из таких прогулок Юшков спросил Андрейку:

— Ну, а ты, дитятко, чего бы хотел смастерить?

— Пока не ведаю, — уклончиво ответил Андрейка, но тут же добавил: — Копию каменной Ильинской церкви из глины слепить и раскрасить. Да уж больно она хитро построена.

— И то дело, — одобрительно отозвался Гаврила. — Только если из одной глины делать, она при обжиге трещины даст, ты найди глину чистую, без камешков, да перемешай ее с коровьим назьмом для крепости. Тебе и поучиться есть у кого: Никифор-то Воронихин не только дворецкий человек, он и по строительному делу разумеет — и по каменному и по бревенчатому...

— Пригляжусь, а упрашивать о подмоге не стану. Да тятя Никифору и времени нет, он баронскими делами сильно занят. Ему не до моих затей. Я уж как-нибудь сам.

— Нет, дитятко, ничего не делай срыва да смаху; делай всякое дело с полным тщанием и старанием, и не торопко. Поспешешь — людей насмешишь. А вы что, ребята, будете по зодчеству мастерить? — обратился Гаврила к другим своим питомцам.

И слышались ответные голоса:

— Я хочу часовенку, как в Дедюхине...

— Я мельницу смастерю водяную...

— Мне, дяденька Гаврило, дозвожь сделать модель деревянной колокольни, как в Кудымкаре...

— А я толчею-ветрянку...

Гаврила улыбался, слушая ребят, и говорил по-отечески ласково:

— Хорошо сработаете — самому барону в Питер ваши модели отошлю. Трудитесь, только главного не забывайте: вы — иконники!

Андрейка очень сожалел, что пообещал Гавриле сделать модель церкви из глины. Легче и быстрее можно было сделать модель деревянную, и не церкви, столь премудро сложенной из кирпича, а деревянного храма, сооруженного по старинному образцу — шатрового, с трапезной

и папертью, с крыльцом на два схода, украшенным тонкой резьбой по карнизам.

Глиняная модель каменной Ильинской церкви долго не поддавалась Андрейке. Трудно было в зимнюю пору возиться с моченой глиной: она ломалась, распадалась на куски, не успев засохнуть. Все ребята, Андрейкины товарищи, сдали Гавриле свои изделия. На широкой полке в иконописной мастерской были выставлены в ряд избы и хоромы, мельницы и часовни, колокольни и пожарные вышки. В полуденный час, когда солнце заглядывало в окна мастерской, модели на полке светились золотистой, гладко струганной сосновой дранкой. И вся ученическая выставка казалась привлекательным, образцовым поселением в миниатюре. Посредине на полке было оставлено свободное местечко, на котором должна была стоять, к пасхе обязательно, модель Ильинской церкви.

Весь великий пост, в свободные от живописи часы, провозился Андрейка над моделью. Сделал он ее вполне удачно, схоже с натурой. Выбеленная, раскрашенная от креста до фундамента, она воспроизвела церковь в точности, с соблюдением всех пропорций и деталей. Даже рамы были сделаны со стеклами и железными решетками, витыми из проволоки. Мало того, у проезжего купца на постоялом дворе Андрейка ночью тайком отвязал от уздечки медный колокольчик, который очень оказался кстати.

Недолго Андрейкина модель, одобренная Гаврилой, стояла на полке, украшая выставку ученических работ.

В ту весну пожаловал из Петербурга в Новое Усолье от Строгановых ревизор по всем хозяйственным, промысловым и арендным делам. Было ему велено oprичь иногo проведать подросших ребятешек Андрейку Воронихина и Пашку Карташева, что учатся у Юшкова.

Ребятам в ту пору исполнилось по тринадцати лет. Оба грамоту разумели, живописи учились неплохо, подавали надежды стать иконниками.

Из Нового Усолья в Ильинское явился к Гавриле нарочный с приказанием, исходившим через ревизора от самого барона Строганова, проживавшего тогда за границей. Гаврила Юшков знал себе цену, да и дела в иконописной мастерской были в полном порядке, придаться не к чему, всё шло своим чередом и правильным ходом. Поэтому нимало он не струхнул, когда нарочный от ревизора ввалился в мастерскую. Напротив, Гаврила был с ним не очень

приветлив, попросил нарочного выйти вон, вытереть о ро-гожу сапоги и ополоснуть ноги в бочке, стоявшей у входа в мастерскую, ибо место, где пишутся иконы, есть свято. Нарочный послушно исполнил всё это, вернулся в мастерскую и, подав Гавриле грамотку, хотел было понюхать из табакерки, или же ради бахвальства и престижа своего достал он табакерку, дабы показать Гавриле позолоченный барельеф Екатерины на эмалевой крышке. Гаврила ткнул рукой на множество готовых к освящению икон, дав понять нарочному, что тут не место употреблять табачное зелье.

Прочтя записку от ревизора, Юшков приподнял с переносицы очки на лоб, улыбнулся, с минуту подумал и сказал:

— Андрейка, и ты, Карташев, сейчас же собирайтесь. Поедете с нарочным в Новое Усолье. — И добавил: — Фартуки долой, умойтесь щелоком, рубахи одеть новые, что на пасху сшиты. А ты, Андрейка, модель свою пове-зешь на показ. Да смотри, не разбей в дороге. А ежели баронскому представителю слепок полюбитя, не горюй, пусть увезет в Санкт-Петербург. Не забывает тебя барон. Напомни и ты ему о себе.

И пока ребята умывались да одевались, прибежала в мастерскую мать Андрейки, Марфа Федоровна Чероева, и, со всей материнской страстью заступаясь за сына, набросилась на Гаврилу:

— Да ты не с ума ли спятил, так распоряжаешься мо-им парнем? Не пущу одного!.. Давайте еще подводу, по-еду и я в Усолье. Вишь, какие хорошие, хотят у меня пар-нишку отобрать. Не отдам! Вцеплюсь и не отдам!.. Я его вскормила, я его вспоила, я его родила... Не отдам! Не от-пушу одного, нипочем!..

Напрасно горячилась Марфа, никто у нее пока не соби-рался отбирать сына, да и Гаврила ни словом не перечил ей, сказал лишь только:

— Будет и тебе подвода. Поезжай! Пакет отвезешь, и за Андрейкой материнский присмотр будет. Парня беречь надо. Ему еще учиться и учиться. Будет толк...

Ехала Марфа Чероева по трудной, разбитой дороге в Усолье, с ней ехали нарочный и двое ребят. Везла Марфа прижатый к груди пакет и письмо от Гаврилы Юшкова строгановскому смотрителю и ревизору, а в том письме было писано:

«Милостивый государь Яков Федорович! Согласно распоряжению его сиятельства графа препровождаю при сем на Ваше благоусмотрение двоих наилучших из наших мастерских учеников — Карташева Павла да Воронина Андрея. Особливо сей последний имеет пристрастие к архитектурному делу. Оба они пишут изрядно. С сим же письмом имеете получить конторский пакет на оных, кой вручит вам сопровождающая учеников воронинская тетка Марфа Федорова. Слухи имеем, что его сиятельство пребывать соизволит за границей и с издали даже не забывает о малых сих. Наслышаны тоже о пожарах, и, якобы, подлые люди бежали на Верхотурье. Андрей Воронин прибрал с собою слепок нашего Ильинского храма. Оный слепок из смеси назьму коровьего да сеяной глины, купола позолотил, а в прочем повапил белилами. С натурою вышло то дивно. Не мыслю: довезет ли в Усолье без лому... За сим остаюсь вашим покорным слугою

Гавриил Юшков.

Сельцо Ильинское. Майя 1772 года».

АНДРЕЙ УВЛЕКАЕТСЯ ЗОДЧЕСТВОМ

Марфа Чероева возвратилась из Усолья, а с нею ученики Гаврилы Юшкова. Ревизору Якову Федоровичу оба парня понравились. Осмотрев внимательно Андрейкину модель Ильинской церкви, он даже расчувствовался и обнял Андрейку.

— Умен родился, — сказал ревизор. — Ежели привезу в целости барону модель, пожалуй, не поверит. Стремись по этой части. В проигрыше не будешь. Учись, учись, не только у Юшкова, у строителей зодчих тоже учись...

Марфа Чероева со всеми подробностями рассказала об этом Гавриле, да тот и сам понимал, что Андрейка образа хорошо пишет, а что касается архитектурной модели, такой и ему, Гавриле, не сделать. И с тех пор Гаврила Юшков всегда, как только Андрейка имел желание, отпускал его свободно к строителям в Ильинское и соседние селения и починки Богородское, Богоявленское и Сретенское, а летом отправлял на Каму до Дедюхинской пристани и Березников. Любознательность Андрейки и стремление постичь строительную работу были беспредельны. Чтобы

не быть навязчивым и не мешать плотникам, землекопам и каменщикам, он напрашивался к ним в помощники. Землекопы, вынимавшие под фундамент землю, были довольны умением Андрейки подсчитывать в точности до вершка глубину котлованов и объем вынутой земли. На каменщиков Андрейка смотрел с сожалением: тяжело достается им подноска камней на носилках. К концам носилок прикреплены холщовые и кожаные ляжки. Плечи у подносчиков отмечены ссадинами. С тяжелыми ношами, пошатываясь, они поднимались по дощатым сходням на леса, складывали камень к камню и скрепляли известью, разведенной в творилах с песком и водой.

Андрейка примечал, как люди, обжигавшие известь, делали из нее несколько растворов сразу, затем из каждого раствора брали жидкую известь, склеивали плашмя семь кирпичей, потом поднимали, берясь за верхний, и, если все семь держались крепко, тот раствор и принимался в кладку стен каменных строений.

Сначала Андрейке казалось простым делом возведение деревянных церквушек, домов и прочих строений. Но тут нужно было обладать умением, знать добротность и пригодность леса, заготовленного на постройку. Он видел и дивился, как плотники, постукивая обухом топора по бревнам, по звуку, издаваемому деревом, определяли, которое дряблое, которое с гнилью, а которое подтачивается червяком. Примечал Андрейка, что самым почетным у плотников деревом считается стройная, мелкослойная золотистая и так приятно пахнущая сосна. Хороша береза для мебели, а в стену не годится, — быстро портится от морозов и испарений. Казалось бы, пустое дерево ольха, — рыхлое, в строй не идет, разве только на доски для богомазов да на поделку резных иконостасов, где требуется мягкость, податливость, а не кондовая прочность, присущая дереву строевому, срубленному в подходящее время года, просушенному и овейному ветрами. Но ольха на своем месте тоже незаменима. Видел Андрейка не раз, как строители в сырой грунт вбивали и вкапывали ольховые сваи и говорили, что в сырости ольха так крепнет, что в устойчивости и дубу не уступит. Интересно Андрейке было знать, какой грунт удобнее для построек, расспрашивал плотников, которые на вид и по всем повадкам были добродушные и приветливые. Те посмеивались над

юным строителем, однако между делом вступали с ним в разговоры:

— Уж если доведется тебе, Андрейка, подрядчиком со временем стать, так знай, лучше всего строить на скалах: тут только выровнять место — ни канав рыть, ни свай вбивать не надо. Хорош и песок — мелкий, мокрый да плотно улежавшийся, без глинистой примеси; строить на нем надежно. Будет осадка равномерная, дом или церковь не скособочатся. Хуже всего болотина! Не дай бог на зыбких таких местах строить. А ведь строят и целые города. Питер, например, тот весь на болоте. Там, Андрейка, кошь не кошь, а котлован надобно рыть большой глубины. Всю ту болотину снимать, докапываться до грунта, да сваи вбивать, да верхи свай связывать, бревнами перехватывать, чтобы не разъезжались, и тогда класть фундамент. Канительное дело! Оттого, — рассказывали плотники Андрейке, — в Питере много дела землекопам и заработок стал хорош на этой тяжелой и самой грязной работе.

О многом наслушался, ко многому присмотрелся Андрейка, бывая на строительствах. Так, день за днем прочно укладывалось в его памяти всё, что привлекало на постройках.

Скоро он взялся за топор, рубанок и долото. Правда, плотничал он недолго, но обучился рубить срубы без зауголков, «в лапу», в замок торцовый шпунтовый, и по прежней манере с зауголками вполуобхват бревно к бревну. Брусья тесал, стропила возводил под крышу; научился даже балясины делать, карнизы с резьбой для украшения фасадов, оконные наличники мастерил и раскрашивал синькой и сурьмой. А рисовать, чертить его учить уже не приходилось. Даже опытные подрядчики обращались к нему с просьбами переписать начисто их грубоватое мариане и платили за это деньги, а приняв его работу, говорили:

— Нет, Андрейка, не топором тебе плотничать, а пером. И ума вдосталь и глаз верен: где мы согрешили, ты подправил. С таким верным глазом ты далеко-далеко пойдешь.

А другие строители, которые поопытней, добавляли:

— Смотри, Андрейка, жизнь коротка — не распыляйся. Берись за то дело, что по душе. Успех будет. А бого-

мазов-то и без тебя много, да и Гаврила Юшков еще в силах, наобучает немало их.

Слушал Андрейка строителей, и сам мысленно уносился в неведомую даль своего будущего. Одно понимал Андрейка, что без образования, без учения у зодчих далеко не шагнуть по пути, который ему становится заманчивым и желательным.

Так проходила его юность — то в Ильинском за живописью в мастерской у Гаврилы Юшкова, то на строительстве там же и в окрестностях. Семнадцатилетний Андрей подал просьбу в главную соликамскую контору управления строгановскими именьями. Во-первых, он просил управляющего установить, вопреки путанице в метриках, право писаться в документах и прозываться не Воронин, а Воронихин. Во-вторых, просил направить его для обучения живописи и зодчеству в Москву. Прошение Андрея Воронихина было послано в Петербург Строганову...

В конце лета, провожаемый матерью и Гаврилой Юшковым, Андрей навсегда уезжал из села Ильинского.

До Дедюхинской пристани, что на Каме, они ехали на телеге. Большой короб, плетенный из ивовых прутьев, был наполнен сухарями на кормежку в пути, простецкой зимней одеждой, обувкой. И было там несколько писанных Андреем холстов, расчерченных бумаг и даже малых по размерам, но удачных по выполнению иконок. Пока не было готовых к отправке попутных барок, Андрей и его провожатые уселись на траву, на берег Камы, разостлали скатерть. Пирог-рыбники и бурак, берестяный туесок с огурцами появились на скатерти. Закусывали как-то лениво, не аппетитно. Марфа то и дело концом головного платка утирала слезы. Гавриле хотелось философствовать, говорить что-то на прощание назидательное, такое, чтобы помнилось на всю жизнь. Андрей, как всегда, был немногословен, расчувствовался, глядя на мать, достал из короба самую лучшую, писанную им иконку с изображением во весь рост Андрея Первозванного и, подавая матери, сказал:

— Не тоскуй, матушка, выучусь. Можешь надеяться. Вот возьми от меня на память, а я тебя никогда не забуду...

Марфа приняла иконку, поцеловала ее и еще пуще расплакалась:

— Золотые рученьки у тебя, Андрейка. Спасибо Гав-

риле, выучил тебя, чего же еще надо, зачем же в Москву? Ну ладно, бог с тобой, пусть тебе будет много счастья...

Гаврила мельком взглянул на образок и сказал:

— Молодец. Самолучшую иконку для матери не пожалел. Возьми, дарственную надпись позади образа учини.

— И то правда, — согласился Андрей. И, взяв иконку, положил лицевой стороной на колено. Подумал и, не торопясь, мелким разборчивым почерком написал:

Матушка, живи, трудись,
Не знай горюшка безутешного,
На меня не сердись,
На сей образ воззрись —
И помолись за меня, грешного.

Марфа прочла надпись и сквозь слезы усмехнулась:

— Выдумщик. Дай-ко я тебя поцелую...

Андрею наскучило ждать. Сколько раз он убегал от матери и Гаврилы на сугорье, и на осину лазал, высматривал, не идут ли по Каме ожидаемые баржи. И снова возвращаясь, садился на луговину, снова слушал материнские напутственные наставления:

— Случится из Москвы попутчик, не забудь, Андрейка, письмом меня утешить. Вся по тебе истоскуюсь, исплачусь... Вырос птенчик и вон из гнезда, полетел в края дальние... Ох, дай тебе Христос ума-разума. О постижении грамоты-учености молись, проси бессребреников Косьму и Демьяна, позаботятся перед богом... От винного зеля, запомни, Андрейка, мученику Вонифатию надо молиться, это и Гаврила тебе скажет. Верно ведь?..

— Верно, — подтвердил Гаврила Юшков. — Только сынок у тебя с умом, упиваться никогда не станет. Другое дело — блудная страсть, вот чего во младости остерегаться надлежит. От сего порока преподобный Мартемьян избавитель. Об изучении же иконного писания надо свечку ставить Иоанну Богослову. Давно примечено... — настоятельно добавил Гаврила.

Вытерев влажные глаза, Марфа недолго задумывалась над тем, что бы еще сказать такое на пользу сыну:

— Время женитьбы подоспеет, кто тебе совет даст, чадо мое, какую невесту выбрать...

— До этого долгонько ждать, — заметил Гаврила, — других забот у парня будет по горло. Да, дела столько, что знай пошевеливайся.

— Нет, чует мое сердце, и до женитьбы и после не бывать Андрейке на родном Прикамье. Женись, коль черед настанет. Советуйся в этом со своим сердцем. Оно подскажет...

— Да ладно, мама, хоть чего не следует, того не говори. Буду жить, буду и понимать. А пока одна дума — учение!

— Правильная думка! — похвалил Гаврила. — Учись по книгам, учись у мастеров своего дела, да не избегай и народной, вековечной мудрости. Старики, они тоже кой-что знали, на своем побыте-опыте верную науку достигали.

Андрей молча слушал и пропускал мимо ушей своих поучения матери и Гаврилы. Все мысли его были устремлены в другую, еще неизведанную, заманчивую жизнь, начало которой приближалось.

Гаврила Юшков с сожалением расставался с Андреем и в то же время радовался, что лучший его ученик едет в надежное место, что счастье свое он получит в Москве, получит и не выпустит из рук.

— Ну, дитяtko, и меня, старика, вспомни в добрый час, — проговорил Юшков, — думно мне, что лихом-то меня поминать незачем. Ну, было раз, не сдержался, отхлестал. Это и забыть не грешно...

— Только добром помяну, дядя Гаврила. Сам знаешь, товарищи иногда посмеивались, дескать «Воронина» ворона на хвосте принесла, безродностью, безотцовством по глупости попрекали. Обидно было слышать. Не драться же стало супротив нахальных. Одно, дядя Гаврила, немало меня радовало, что ты, учитель и воспитатель, заменял мне отца родного... Мама, ты не плачь. Вон, кажись, из-за поворота барки выплывают, пристанут здесь или нет?.. — Андрей поднялся и посмотрел из-под козырька фуражки. — Да, барки — не то демидовские, не то чьи-то еще...

— Не пристанут, в лодке выедем, посадим, — успокоительно заметил Гаврила и тоже поднялся.

Он поглядел в сторону верховьев Камы. Барки целым караваном медленно тянулись одна за другой, блестя на солнце выскобленными сосновыми бортами. Пока караван не подошел к пристани, старый иконописец решил ска-

зять Андрею, быть может не первый раз, то главное, что могло пригодиться Андрею в жизни:

— Желая тебе, Андрейка, сделать в жизни приметное. Через заметные труды и сам станешь замеченным свыше и заметным среди людей. А для сего учись, не щадя сил, коих у тебя на всю жизнь хватит. Зодчество без прочих тому способных наук не дается. Науки постигай. Что сам придумаешь, ищи повод отвергнуть, и еще и еще раз подумай, чтобы новые мысли были еще лучше и ценнее первых попавших. Размышляй — думать полезно. Душой и разумом чувствуй красоту и создавай творения, глаз радующие и на добрые деяния других позывающие. Береги свежесть ума и памяти. Избегай всяческого дурного. В жизни случаются невзгоды, будут затрешины и тебе, а ты обдумай, как пользу извлечь из неприятностей, как из беды победителем выйти. Будешь богат, — и это может случиться благодаря таланту и способности быстро пробиваться в люди, — так ты богатство используй для досуга, а досуг употреби на приобретение знаний, на развитие ума. Дурак тот и прощельга последний, кто богатством не умеет пользоваться ради добрых дел, а тратит деньги на роскоши, на пьянство и прочие пагубные безделья...

Воронихин слушал последние наставления Гаврилы. Слова старого иконописца совпадали с его собственными думами о будущем. Он уезжал надолго, а быть может навсегда из этих соликамских мест, уезжал переполненный надеждами и верой в свои силы.

Легкий ветерок пробежал по берегу реки, крутые, подобные снежным горам, облака пронесли над Камой, заслонили солнце. Река вздулась от встречного ветра.

— Пристанут, — уверенно проговорил Юшков и, взяв на плечо плетеный короб с телеги, стал спускаться к приплеску реки. За ним налегке пошли плачущая Марфа и печальный, но счастливый ее сын Андрей.

...В жизни Воронихина это было первое продолжительное путешествие по Каме до Волги местами, похожими на соликамские края, затем от Нижнего Новгорода по Оке до Москвы-реки, и всё время на барках до самой древней столицы. Долог был путь, но с бурлаками-земляками скучать не приходилось. К тому же проезд был бесплатный, если не считать того, что каждый день приходилось Андрею помогать водоливам откачивать воду из барок.

В МОСКВЕ У БАЖЕНОВА

Училище зодчих, возглавляемое лучшим архитектором того времени Василием Ивановичем Баженовым, называлось «Архитектурной командой».

В «Архитектурную команду» принимались очень немногие: вся школа Баженова состояла не более как из пятидесяти человек. Среди них было немало таких, которые, спустя некоторое время, под благотворным влиянием столь славного учителя стали известными зодчими в Москве и Петербурге. Воронихин представил Баженову свои рисунки, чертежи и миниатюрные иконки, писанные на дереве по грунту. Опытному архитектору и наставнику Баженову нетрудно было определить, судя по работам Андрея, что к нему в команду прибыл новичок, весьма подающий надежды и достойный серьезного внимания. Баженов не стал экзаменовывать Андрея, а провел его в одну из комнат здания, занимаемого учениками, где находился духовный попечитель молодых зодчих — сам митрополит Московский Платон. Как и подобает, Воронихин, склонив голову, подошел под благословение к митрополиту и услышал от него одобрение представленных работ, а также его высокое согласие быть Воронихину зачисленным в «Архитектурную команду». Радость Андрея была велика: он попал под команду такого наставника, о котором бывало Гаврила Юшков рассуждал как о редком ниспослании божеском.

Сын дьячка, Баженов, учась за границей и оказывая успехи в архитектуре, не успел достигнуть и тридцатилетнего возраста, как был избран в действительные члены академий Римской, Флорентийской, Болонской и Клементинской. В Париже Баженов своими работами — моделями, чертежами и акварелями — привел в восторг деятелей Королевской академии. И сам король французский Людовик XV, любясь его работами, предложил Баженову навсегда остаться в Париже. Но не хотел Василий Иванович громкой известности за границей, хотел работать в России на славу своего отечества; он отказался от королевского предложения и не счел нужным поблагодарить Людовика за внимание, ибо это королевское расположение для человека с русской душой и привязанностью к родине было сочтено Баженовым за оскорбление.

Ученики «Архитектурной команды» любили своего

учителя. Добротой, мягким душевным обхождением с каждым учащимся Баженов напоминал Воронишину Гаврилу Юшкова.

Василий Иванович всегда приходил на занятия в добром настроении, чисто одетым, гладко выбритым. Его большие светлые глаза, высоко приподнятые густые брови и прямой нос придавали ему вид моложавый и располагающий, не отталкивающий, как это бывает нередко с людьми, занимающими положение хотя бы на одну-две ступеньки повыше простых смертных. Никто из учеников Баженова не знал в тот год и никому из них он не давал подозревать, что приходилось ему претерпевать от самой государыни Екатерины II.

Пять лет трудился Баженов над проектом и моделью Большого Кремлевского дворца. Это было бы огромное и великолепное здание, не имеющее себе равных в мире ни по величине, ни по красоте. Проект Баженова был одобрен, утвержден, и уже была произведена закладка дворца. На медной доске, положенной под фундамент, выбили надпись:

„К ЧЕСТИ СВОЕГО ВЕКА, К БЕССМЕРТНОЙ ПАМЯТИ БУДУЩИХ ВРЕМЕН,
КО УКРАШЕНИЮ СТОЛИЧНОГО ГРАДА, К УТЕХЕ
И УДОВОЛЬСТВИЮ СВОЕГО НАРОДА.

БАЖЕНОВ*

Проект грандиознейшего здания предусматривал расход пятидесяти миллионов рублей — суммы колоссальной и непосильной во времена царствования величайшей расточительницы Екатерины. Принимая эту смету, императрица преднамеренно ввела в заблуждение верхи общества и доверчивого архитектора. Как только было приступлено к строительству дворца, Екатерина не замедлила посоветоваться с иностранцами, и посыпались в Москву Баженову высочайшие указы, путаные, невразумительные, сбивавшие его с пути истинного. Цель была одна: прекратить строительство дворца. Не понимая этого, Баженов надеялся на лучший исход, пытался через фаворита Екатерины графа Завадовского отписаться от бессмысленных указов императрицы. Чувствуя за собой правоту, веря в начатое им дело, Баженов не стеснялся вступать в резкие письменные пререкания с «высочайшими» особами, не боялся вызывать их гнев.

«...прошу о приказании, — писал он вельможе, графу Завадовскому, — дабы Высочайший Е. И. В. указ был при-

слан в Экспедицию, сколько можно без упущения времени для того, чтобы по получении его я мог основательнее приняться за продолжение успешно начатого дела по Кремлевскому строению. А то я не успел по приезде моем из Петербурга показаться в Экспедиции, как атаковали меня новыми указами, которые тем только и важны, что они высочайшим Е. И. В. титулом изукрашены (а впрочем, столько же разумны, как тринадцатисажненные бревна). И так я не знаю, за работой ли мне смотреть или устремлять свои мысли на очень мне насланные указы, а оное бесконечное письменное упражнение уносит время, которое годилось бы к строевой работе».

Время уносилось, дело не двигалось, глохло и, наконец, было бесповоротно остановлено. Многолетние работы зодчего Баженова застыли в чертежах и прекрасно выполненной модели. Строительство дворца не состоялось. Труды архитектора были преданы забвению...

И снова Баженов, погруженный в горестные думы, сел за свой рабочий стол и, мысленно обращаясь к тому же графу Завадовскому, а через него и к самой царице, писал:

«...24 лет как я употребляюсь в моем художестве... учился с похвалой и отменными успехами... Во всё оное время гоним судьбой, не видел ни одного дня, что был чем-либо порадован. 10 лет в теперешнем чине до 50 человек учил учеников без всякой корысти, из коих много таких, которые изрядными успехами оказались в службе Е. И. В., получали равные со мной чины, а другие и превзошли меня... Никогда бы меня оное не потревожило, если бы всё вышеописанное по каким-либо отменным трудам и знаниям превзошли, но все от меня жадностью похищают где бы только могли разными происками увидеть и непозволительным образом на мои выдумки подписывать свои имена, только бы обманывать всех и через то получать титулы.

А более того стеснен дух мой 15000 рублей долгу, имеющемся на мне, которые я нажил не мотовством, ниже другим образом, кроме как усердствованием моим отечеству, набирая беднейших и для их обучения выписывал нужные книги, покупал эстампы, редкие картины, гипсы и всё, что касается до художества, в уповании, что начатое великое здание в Кремле будет продолжаться, следовательно и должно быть иметь в прибавок Санкт-Петербургской

Академии художеств оных учеников, кои быв при начале столь славного здания могли и по смерти моей продолжать оное. Но зависть всё отняла у меня — как столь важное для отечества нашего здание, так и моих потомков отняла имя, и я, лет восемь проработавши, остался без здоровья с повреждением зрения... И так рассудите, милостивый государь, художнику 25 лет упражнявшемуся с славой и не в одном своем отечестве, потом делавшему здесь с амбицией без всякой корысти. А наипаче она славная закладка возобновленной древней столицы, коя в конец меня сразила, ибо напоследок заплачен ударом, и если б не подкрепила моя неповинность с представлениями моими, то едва ли были бы моей жизни остатки и на поверхности земной...»

Так писал Баженов и чувствовал, что напрасны его слезницы и промемории.

Затея царицы преобразовать и возвеличить московский Кремль на удивление всему свету не была лишена смысла, но не имела под собой материальной основы. А как хотелось архитектору и его помощникам, и ученикам, поверившим в возможность осуществления грандиозного строительства, совершить его!.. Был пущен слух, что Баженов нарушит, а то и разрушит весь ансамбль древнего Кремля, но зодчий с уважением смотрел на дивные создания русской культуры и предостерегал своих товарищей: «Стараться вам всячески надлежит, чтоб новым строением не повреждено было строение старое...»

Все труды и заботы, стремление отдать великому делу — служению родине — ум, сердце, знания, покой и здравие, — как заверял он в своей речи при закладке Кремлевского дворца, — всё осталось втуне. В одиночестве переживал эту тяжкую невзгоду Баженов. Покой и здоровье его были нарушены бесцельно и бесповоротно. Ум, сердце и знания были почти без остатка отданы титаническому труду составления проектов и бесчисленных «выдумок».

Иногда в семейном кругу навещал его близкий друг и помощник, человек большого ума и сердца — Федор Каржавин и вносил душевное успокоение, вселял уверенность в силу и разум униженного зодчего.

— Не всё потеряно, Василий Иванович, — говорил Каржавин. — Проекты, чертежи, модели, хотя в жизнь и не претворенные, будут жить как наглядная материя высокого искусства. И через сотни лет зодчие, ученики уче-

ников ваших и другие отдаленные потомки воззрят, как на великое достижение, на труды ваши и по ним учиться будут, совершенствуя искусство строения зданий. Разве я сожалею, что затратил время на перевод десяти книг Витрувия по зодчеству и на словарь «Архитектурных речений»? Пусть не вскоре будет напечатано, но когда-либо увидит свет — пригодится...

Баженов благодарно смотрел на друга и укреплялся в надеждах на лучшее будущее. Матвей Федорович Казаков, первый его помощник и самый даровитый из всей «Архитектурной команды», тоже был в эти горестные дни его опорой и утешителем. Баженов продолжал заниматься составлением новых проектов. Но это были незначительные проекты загородных усадеб, церквей и частных домов. Главным теперь было преподавание архитектуры способным юношам.

В условиях для поступающих к нему учиться говорилось, что «...бедных и неимущих родителей дети могут приходить обучаться без всякой платы, лишь бы только имели они нужные способности и были бы добронравны и неиспорченного какого-либо поведения». От других учителей, работавших с ним в «Архитектурной команде», он требовал постоянного общения с учениками, чего, разумеется, и сам никогда не избегал. Доказывал при этом, что если учитель сам не работает в классе, то и ученики не видят его действий и приемов, а одни эстампы, гипсы и картины без учителя немы; глядя на оные, ученики станут доходить до искусства лишь ошупью, могут воспринять холодное подражательство и не осияют мастерства художника.

В учении молодых людей зодчеству Баженов в те годы находил себе удовлетворение.

Бывало, идя на занятия с папкой чертежей по улицам Москвы, он вдруг останавливался перед строением, привлечшим его внимание, осматривал его и сам с собою говорил:

— Надобно ребятам показать и втолковать им замысел зодчего, построившего сие здание. Почему оно такое, и почему на этом месте, и как бы выглядело в другом соседстве...

Иногда по пути на занятия Баженовым овладевала меланхолия. Всё казалось погибшим, пропавшим. «Был талант, вспыхнул и безнадежно, бесследно погас». В такие минуты, не обращая внимания на прохожих, он шел и, ни-

кого не видя перед собой, шептал давно продуманные слова о великой и недостигнутой цели:

«Дворец! Милое сердцу создание. Каким бы украшением Москвы, всей России ты был... Вся Европа вздохнула бы от зависти вожделенной. Глядя на модель, иностранцы говаривали, что ты превзошел бы храм Соломона, пропилеи Амазиса, виллу Адриана и форум Траяна... И давно ли я торжественно уверял и обнадеживал москвичей в том, что народы Европы, узрев новый Кремль, изумятся красотой его и величавостью и померкнет в их глазах красота многих других великолеплностей. И ничего этого нет. Да стоит ли после такой невзгоды отягощать собою землю?..»

Баженов вытирал холодный, выступивший на лбу пот. Потом, тряхнув головой, смотрел на часы-луковицу и ускоренной походкой шел в школу своих любимцев.

Его встречали шумно, приветливо, радостно.

— Садитесь, друзья мои. Итак, что у нас сегодня, о чем разговор и какие понятия должны отсель мы вынести? Посмотрим на эстампах изображенные образцы и поясним словесно, что означают три ордера — дорический, ионический и коринфский, в древней Греции возникшие из несовершенной египетской архитектуры? Как и почему они стали правилами вполне совершенными на долгие — вероятно, на вечные — времена? И пусть будет вам, друзья мои, ведомо из учения великих мастеров и деятелей искусств о том, что зодчество, подобно точным наукам — физике и математике, имеет также свои правила. Вспомним Виньолу, Витрувия и других, весьма большую пользу принесших этой славной науке и делу...

Здесь у Баженова, в Московской школе архитектуры, Андрей Воронихин жадно впитывал в себя науку о зодчестве. Многие раскрылось перед его пытливым взором из того, что имела в то время Москва. Многие узнал он из книг, овладев латынью; многое услышал незнаемого им из уст Баженова. За четыре года учения и пребывания на строительных работах Андрей Воронихин приобрел не только понятие об архитектуре как о науке, но и опыт в составлении планов отдельных частей и целых зданий. В то же время Андрей не оставлял и живописи. В часы, свободные от занятий архитектурой, писал миниатюрные портреты на эмали, делал зарисовки архитектурных пейзажей и в целях заработка выполнял в Троице-Сергиевой

лавре мелкие заказы по росписи и реставрации фресковой живописи.

Наступило время самостоятельного учения на примерах новых построек служебных, дворцовых, усадебных и культовых. На недостаток работы в Москве в ту пору жаловаться не приходилось. Баженов, видя рвание и способности Вороникина, похвально отзывался о нем и Матвееву Казакову говаривал:

— Смотри, Матвей, и после нас с тобой не голое место останется: Вороникины на смену идут. Наша обязанность показать им верную дорогу, шире раскрыть им двери в искусство...

В последний год учения у Баженова в тот самый день, когда Василий Иванович водил своих учеников по закоулкам и площадям Москвы, показывая примечательные творения древних зодчих, — подъехал посланец графа Строганова с бумагой на имя Баженова. Зодчий даже не счел нужным ее развернуть и прочесть сразу, сказал нарочному:

— Поезжайте и передайте графу — на письмо буду отвечать позднее, а сейчас я занят с моими учениками рассмотрением той архитектуры, что допрежь нас Москва украшена. — И, засунув письмо за обшлаг камзола, Баженов повел учеников своих от церкви Успенья на Покровке к дому князя Гагарина на Тверской и к древним палатам и храмам Кремля.

Под вечер вся «Архитектурная команда» остановилась у знаменитой, особенно любимой Баженовым, Меншиковой башни и полукругом обступила своего учителя.

— Многим из вас, друзья мои, доведется строить в разных городах империи нашей. И если кому колокольни воздвигать будет надобность, поучитесь на этом образце, — говорил Баженов, любовно взирая на построенную в стиле барокко колокольню. — Эта башня — знамение нашего времени! — восторгался он. — В ней положен замысел зодчего Зарудного создать свою, новую манеру — московского барокко, включающую в самое существо барокко европейское. Башня не древняя: построена семь десятков лет назад по желанию государева любимца князя Меншикова. Мы видим чудесное многоярусное создание, легкое, стройное и богатое в своем изысканном убранстве. А как изящен и прост в своем решении малый портал при входе, и на какие мощные контрфорсы опирается подно-

жие Башни с фасада!.. Но мы только мысленно можем представить себе всё величие творения, каким оно было до пожара, случившегося в семьсот двадцать третьем году. Башня в том пожаре лишилась одного яруса, на коем возвышался высоченный шпиль в изрядной и правильной пропорции, а на нем медный ангел. В том виде на полторы сажени башня обогнала Ивана Великого и была самой высокой в Москве... И надо вам сказать, друзья мои, — продолжал вдохновенно Баженов, — Зарудный, зодчий петровского времени, был весьма даровит и на выдумки изобретателен. Он прекрасно владел кистью, резцом, это же творение говорит само за себя и обещает бессмертие создавшему. Многие из вас, молодых зодчих, преуспевают в понимании не только архитектуры, но и в ваянии, и в живописи, им будет больше удач в архитектуре, нежели тем, кои не сведущи в скульптуре и иных художествах. Вот вам образец — Меншикова башня — средоточие тонкого вкуса и понимания всех знатнейших искусств.

Андрей Воронихин бывал и раньше с Баженовым на обходах и осмотрах архитектурных памятников Москвы и каждый раз чутко внимал пояснениям учителя. Нынче же Андрей думал о том, что скоро, и быть может навсегда, придется расстаться с «Архитектурной командой» и ее руководителем. Так думалось не только одному Воронихину. И другие ученики, прошедшие четырехгодичную школу зодчества, с печалью смотрели на знаменитого архитектора, потерявшего здоровье, распродавшего свой дом, имущество и даже чертежи и рисунки, лишь бы не опуститься до окончательного обнищания. И всем казалось, что Василий Иванович приближается к концу своей жизни.

После осмотра Меншиковой башни Баженов сказал, обращаясь к ученикам:

— Помните, друзья мои, для работы над подобными строениями нужны не только ум и талант, но и прилежание души; художество, всякое художество, требует, чтобы творцы были люди, вольные в своих упражнениях, не отягощенные посторонними заботами, а пуще всего бедностью, этим ужасным бичом, поражающим свободу таланта. Об этом когда-то я писал в своей реляции государыне, но, к прискорбью, бесплодно. Мыслию, что Петр Первый по-иному ценил Зарудного и ему подобных...

От Меншиковой башни медленной, усталой походкой возвращался Баженов в сопровождении учеников домой на

недавно нанятую квартиру. Вспомнил о письме, полученном от графа Александра Сергеевича Строганова, прибывшего в Петербург после длительного пребывания в Париже. Развернул пакет и немало удивился: граф в вежливых, изысканных словах справлялся о самочувствии и здоровье зодчего и запрашивал о преуспеваниях ученика его Андрея Вороникина, коему предписывалось по окончании курса наук отправиться в столицу в распоряжение графа Строганова.

Перед Вороникиным раскрывались новые, неведомые ему жизненные пути-дороги

В ДОМЕ СТРОГАНОВЫХ

Из Москвы на попутных подводах две недели пробылся Андрей Вороникин в Петербург. К этому времени он закончил учение в «Архитектурной команде» у зодчего Баженова. По науке Андрей знал, что подобает знать молодому строителю, работающему под наблюдением опытного архитектора, однако на самостоятельном подряде еще не был испытан, и потому не очень уверенно смотрел в свое будущее. В пути он с волнением думал о том, как будет определен в Петербурге, к какому делу пристроен. И как было не задуматься ему, двадцатилетнему, подготовленному для вступления в жизнь? Но жизнь и впредь не представлялась вольной, ожидалась зависимость от властного петербургского барина. И какие тягости ни ожидали его, оставалось только мириться и идти по вызову графа навстречу неопределившейся, неразгаданной судьбе.

После длительного пребывания в Москве Петербург Вороникину не показался городом диковинным, он увидел его таким, каким знал по многим рассказам и описаниям.

Граф Александр Сергеевич Строганов жил тогда в роскошном, богато обставленном дворце на углу Мойки и Невского проспекта. Строганов еще тогда был не так стар, полон сил, облечен доверием императрицы и вниманием высшего петербургского света. Граф принял Андрея любезно, расспросил, чему он обучился в Москве, посмотрел чертежи и рисунки, остался весьма ими доволен. При этом Александр Сергеевич как бы мимоходом сообщил Андрею,

что барон Александр Николаевич (речь шла об отце Андрея) находится в управлении приуральскими вотчинами и что сам он, граф Александр Сергеевич, как лицо главенствующее, собирается в скором времени тоже поехать в Соликамск на открытие присутственных мест.

— Что до вас, Андре, — так назвал граф Воронихина, — то вы будете жить при нашем доме и на первых порах заниматься с моим сыном Попо, — так называл он Павла, родившегося в Париже. — Будете обучать его рисованию, а главное — русскому языку. Ибо ни Попо, ни его гувернер Жильбер Ромм не понимают по-русски. Полагаю, что и вам занятия эти будут полезны: обучая языку русскому, вы совершеннее постигнете французский. Не возбраняются вам и работы по ремонту зданий, если в том окажется надобность. Кров и пища для вас и месье Жильбера будут в достатке, обид претерпевать не от кого. А мой шалун весь в распоряжении гувернера. Он ему и учитель и рассудитель. Живите, Андре, привыкайте. И скажите мне, чего желали бы вы от нас для совершенствования вашего и для пользы дела?

— Благодарю, ваше сиятельство, за доброту вашу. Прошу предоставить мне право пользоваться библиотекой.

— Что вас интересует?

— Искусство всех видов, описание чужеземных стран, предпочтение — книгам, к архитектуре относящимся.

— Я вам это дозволю. Еще что?

Даже какой-нибудь час назад Воронихин не думал, что осмелится при первом знакомстве, при первой встрече с графом высказать желание и просьбу. Но раз такой удобный случай представился, он решился сказать:

— Будете, ваше сиятельство, в наших соликамских краях, ваших вотчинах, поклон мой передайте и спасибо сердечное за попечительство барону Александру Николаевичу, да покорнейше прошу, ваше сиятельство, отпустить на волю мою матушку, Чероеву Марфу... — Сказав это, Воронихин покраснел и, опустив глаза, стал разглядывать паркетный пол, составленный ромбовидными фигурами из разноцветных пород дерева.

Граф улыбнулся, помолчал, поглядел на Андрея.

— Что ж, ваша просьба естественна. Скажу об этом барону и сам препятствовать не стану. Пусть матушка

ваша будет на свободе, а если пожелает, может и в Петербург на иждивение ваше приехать.

— Покорнейше благодарю, ваше сиятельство.

— А теперь, Андре, я познакомлю вас с сыном моим Павлом и его гувернером. Желаю, чтобы вы трое составили дружную и тесную компанию...

Граф повел за собой Воронихина через большой кабинет, потом через «минеральную» комнату, заставленную образцами горных пород, и по длинным светлым залам картинной галереи. Строганов шел медленно, останавливался против некоторых картин и, показывая их Воронишину, пояснял:

— В моей галерее, Андре, и ты, пристрастный к живописи, найдешь немало для себя поучительного. Здесь, как видишь, полотна крупнейших мастеров кисти; подобных вещей в Москве ты видеть не мог. Ван-Дейк, Рубенс, Карл Лотт... А эта вот большая картина — «Аллегория искусств» художника Строцци.

Они прошли через столовую в коридор, свернули еще в какой-то зал и через анфилады малых комнат с лепными фигурами над дверями вышли в комнаты, обращенные окнами на Мойку.

— Где вы? — громко выкрикнул граф и трижды хлопал ладонями. — Попо! Ау!..

Из комнаты, расположенной между библиотекой и лабораторией, выбежал Павел — сын графа. Юноша был красив лицом, белокур, со светящимися веселыми глазами, строен и роста немало для своего юного возраста.

— Папа, мы здесь, занимаемся. Мсье Ромм заставляет меня пересказывать сказки Мармонтеля. Это интересней жизнеописаний Плутарха...

Следом за Павлом скрипучей неловкой походкой вышел из комнаты Жильбер Ромм. При виде его Воронихин, содрогнувшись, подумал: «Да может ли статься, чтобы такое чудище было гувернером в доме графа? Или это шут какой?..»

— Попо и вы, Жильбер, будьте друзьями этому молодому человеку. Имя его Андре. Он разбирается в архитектуре, искусен в живописи. Знание языка русского привилось ему с младенческих дней. Общение ваше с Андре, дружба с ним принесут всем вам взаимную пользу.

Павел задорно и браво, с оттенком высокомерия взгля-

нул на Воронихина. Ромм всей своей сутуловатой, нескладной до уродливости фигурой подался вперед и первый протянул руку Воронихину.

— Будем друзьями, — сказал он.

Те же слова покорно повторил Павел.

Граф Александр Сергеевич, меценат и деятель, долгое время был президентом Академии художеств, собирателем богатейшей коллекции живописи, страстным любителем искусств. Среди екатерининских вельмож он был одним из самых выдающихся и наиболее общительных. Несметные богатства позволили графу не только жить расточительно, на широкую ногу, — в этом он себе не отказывал, — но и приумножать эти богатства в своих необъятных вотчинах на северо-востоке. Граф хотел, чтобы и сын его, Павел, не был бездельником. Требовательный к себе, Александр Сергеевич был требователен до суровости и к своему любимцу Попо. Из Франции граф привез Жильбера Ромма — человека с отталкивающей, на первый взгляд, внешностью, но с широкой доброй душой и блестящими познаниями во многих областях науки. В договоре, заключенном между русским вельможей графом Строгановым и бедным, но умным и ученым французом, говорилось, что воспитание Павла будет вестись по строго продуманному плану, дабы дать молодому графу разностороннее образование, воспитать в нем характер человека, стремящегося к высокой деятельности, закалить его в длительных поездках по России и Европе. За это положено было Жильберу Ромму жалование — сотня луидоров в год, одежда и питание, проезд и жилье за счет графа. Договором предусматривалось пробыть гувернеру в обществе своего воспитанника десять лет, пока не станет Павел совершеннолетним.

Уезжая по делам из Петербурга, граф с полной уверенностью оставлял своего Попо на попечении Жильбера Ромма и достойного доверия скромного и благовоспитанного Андрея Воронихина. Не прошло и полугода с той поры, как Андрей поселился в доме Строганова, а он уж достаточно свыкся с Павлом, стал любимцем Ромма и овладел французским языком не хуже, нежели Павел и Жильбер овладели русским. Неожиданно для самого себя стал Андре своим человеком, быть может гласно и непризнанным родственником, но не чужим в доме графа. Ему отве-

ли комнату для жилья и комнату для работы над чертежами и рисунками. Во время занятий его охотно посещал наследник графа, и с восхищением следил за ним ученый гувернер. Воронихин вскоре был допущен к графской галерее, к библиотеке и кабинету минералогии. Он приглашался даже на балы и званые обеды, которые устраивались в залах Строгановского дворца. Случалось ему бывать и на собраниях любителей искусств и литературы, нередко происходивших по желанию Александра Сергеевича. Обычно на такие собрания Воронихин приходил с Павлом и Роммом. Садились они поодаль от знаменитостей и учтиво слушали умные речи Гаврилы Романовича Державина, веселые басни Ивана Крылова, музыку Бортнянского и споры Федота Шубина с Гордеевым...

Каждый день, прожитый в доме графа Строганова, приносил Воронихину что-то новое, неизведанное, но ничему не привык удивляться Андрей. Не удивлялся он и тому, что супруга графа Александра Сергеевича, урожденная княжна Трубецкая, вступила в греховную связь с фаворитом Екатерины Второй Корсаковым. Граф тяжело переживал измену супруги; недовольна была и Екатерина выходкой Корсакова. Императрица распорядилась высечь розгами влюбленную пару, а Строганов отправил супругу с глаз долой да от стыда подальше — в подмосковное имение. Там и прожила свой долгий век графиня, окруженная поклонниками.

Граф оставался безнадежным холостяком, увлеченный делами и любованием домашней картинной галереей, где находились полотна пятидесят пяти французских, фламандских и итальянских мастеров и редчайшие коллекции вставпов, моделей и монет.

Младший Строганов был моложе Воронихина на десять лет; уроки гувернера он воспринимал отнюдь не с таким рвением, как старательный, любознательный, ненасытный в знаниях Андрей. Втроем изучали они русские исторические древности, жизнеописания великих людей — Сократа, Александра Македонского, Юлия Цезаря и многих других. Жизнь великих людей далекого прошлого увлекала Павла и Воронихина.

Воспитатель Павла Строганова в петербургском свете был хорошо известен. Жильбер Ромм неизменно встречался с французскими знаменитостями, проживавшими в России, бывал в гостях у посла Сегюра, присутствовал на за-

седаниях Академии наук и своими суждениями приводил в восторг графа Кирилла Разумовского, особенно увлекавшегося минералогией. Находили в лице Жильбера Ромма приятного собеседника и такие светила ученого мира, как Эйлер и Паллас и знаменитый скульптор Фальконе. Не раз Жильбер Ромм встречался с самой Екатериной. Однажды он подарил ей собственного изделия изящный письменный прибор с изображенной на крышке чернильницы вселенной с планетами, с часами, показывающими месяцы, дни, часы и минуты... Не ведала Екатерина, кем станет Жильбер Ромм лет через десять. Да и как было знать, что рукою строгановского гувернера будет подписан смертный приговор Людовику XVI. Подарок этого невзрачного скуластого человечка с головою, наполненной энциклопедическими знаниями и зрядом революционных идей, был впоследствии исключен из коллекции дворцовых безделушек и ценных редкостей, в гневе с хрустом и звоном был растоптан ногой государыни, пришедшей в неистовство при известиях о казни короля в мятежной Франции. Но это случилось спустя годы, и речь об этом будет поздней... А тем временем строгановский гувернер аккуратно и добросовестно, в нарочито спартанских условиях воспитывал Попо и просвещал Андре.

Случалось и самому графу заходить в часы занятий в комнату гувернера или в зал, где стояли стеклянные ящики с тысячами образцов различных горнорудных пород, минералов и металлов. Жильбер Ромм не прерывал занятий и не стеснялся в присутствии графа преподавать Попо и Воронишину предметы, не совпадавшие с проповедями духовных особ, которые нередко приходилось Андрею слышать и в Ильинском приходе на Каме, и в Москве у Николы на Звонарях, и в самой Сергиевой лавре.

Однажды граф вошел в зал, погрузился в кресло и закрыл глаза, сделав вид, что дремлет. Ромм развивал перед своими слушателями теорию происхождения миров во вселенной. И граф услышал, как месье Ромм, не пускаясь в критику библейского мифа о сотворении мира, горячо оспаривал теорию Бюффона.

— Все планеты, — говорил он с жаром, — все планеты в звездном мире и та, на которой мы живем, произошли, разумеете, не в течение одних суток, а в миллионы миллионов лет. Начало их возникновения ищите в раскаленной солнечной материи, раскидываемой солнцем в пространстве

вселенной, благодаря центробежной силе. Со временем эти раскаленные огненные частицы, охлаждаясь, затвердевают, образуя планеты...

Граф поднялся и с улыбкой, показывая на висевшую в углу икону Спасителя, заметил:

— Месье Жильбер, хотя и я придерживаюсь того же мнения и собранные мною во всех странах света минералы подтверждают слова ваши, не забывайте, однако, и о начале всех начал... Не забывайте о божьем провидении!..

— Ваше сиятельство, — ответил на это Ромм, — о провидении и его «деяниях» месье Попо и месье Андре слушают в воскресный день в проповедях епископа Гавриила или митрополита Платона. Вы же мне платите сто луидоров в год, а богослову вы не дали бы и экую за всю их «ученость». Не правда ли, господин граф?

— Продолжайте, продолжайте, не буду вам мешать, — сказал граф, уходя. — Да не пренебрегайте примерами наглядными на уроках. К вашим услугам весь кабинет, все мои собрания.

Шли дни за днями. Продолжалось учение. Жильберу Ромму и его воспитаннику вместе с Воронихиным предстояло длительное путешествие по России. В ту же пору граф уезжал в Приуралье, где дела в его владениях были не вполне исправны. Приуралье страдало в тот год от неурожая, народ голодал, и, судя по письмам, оказией поступившим к Воронихину, в Соликамье хлеб вздорожал до полтины за пуд. «Народ питается колобками из пихтовой коры с малой примесью муки», — писал ему один из сородичей, прося прислать хоть сколь-нибудь денежек через строгановскую контору.

По приезде графа в Соликамск Марфе Чероевой была дана вольная. В эту пору сын ее, живя в строгановском доме, продолжал оставаться крепостным. Не жалуясь на судьбу-участь, Воронихин верил в свои силы. Будущее рисовалось в его воображении не совсем ясно, но представлялось таким, как трактовала бережно хранимая им книга «Народная гордость», переведенная с французского языка. А в этой заветной книге было сказано: «Близка благополучная эпоха, наступит она, без сомнения, ибо невероятно, чтобы вечно пребыло сокрыто во мраке учреждение, управляемое здравым рассудком, делающее человека добродетельным и счастливым...»

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ

Все трое — Жильбер Ромм, Воронихин и Павел Строганов — готовились к путешествию по России. Не ради простой барской забавы задумал это путешествие старый граф. Он хотел, чтобы его сын Павел больше знал о стране не только из книг. Путешествия длительные, в разные края необъятной державы, по рекам и бесконечным трактам, в города, села и дальние окраины, в весеннюю и летнюю пору дополняли познания, приобретенные за осень и зиму в стенах Строгановского дворца.

Для Жильбера Ромма и Воронихина эти путешествия были не только развлечением, они не только удовлетворяли их любознательность, но ими достигалась цель глубоко научная, познавательная, в немалой мере изыскательская. Иное дело баловень Попо. И возраст и положение богатейшего наследника не наводили его на глубокие размышления при обозрении новых мест. Жильбер Ромм и Воронихин радовались: не шуточное дело — им с Павлом Строгановым предстояло путешествовать пять лет с небольшими перерывами. За такой срок можно исколесить всю Россию, увидеть ее воочию, узнать всесторонне.

В первое путешествие они пустились в начале лета 1781 года. В путь отправлялось шесть человек: Жильбер Ромм, Андрей Воронихин, Павел Строганов — главный виновник предстоящих странствий — и еще трое, приданных графом для услужения: охранник — унтер-офицер, егеря — отличный охотник на случай добычи пищи на лоне природы, и слуга — опытный повар. Для начала было выбрано удобное путешествие по путям-дорогам и рекам, уже знакомым Андрею Воронихину, — из Петербурга в Москву на быстрых перекладных, затем из Москвы на Оку и к Нижнему на Волгу до Казани и камского устья.

В Москве они жили в строгановском особняке на Гончарной; устраивали прогулки по древним местам старой русской столицы. Для Павла Москва оказалась как бы «пособием» к пройденной им русской истории. Ромму Москва представилась отнюдь не старой бестолковой деревянной деревней, как порой рисовали ее в Петербурге иные высокомерные бары. Нет, не такой купчихой-простофилей оказалась старушка Москва. Она была действительно белокаменной, самобытной, но и не чуждавшейся европейской культуры. Ромм был в состоянии приятного удив-

ления и неожиданного восхищения от вида Москвы. Не тратя времени на отдых, он сказал Воронихину:

— Андре, ты был здесь пять лет. Будь нашим путешественником, веди и показывай. Попо! Не отставай ни на шаг. Помни, мы не на прогулке, мы продолжаем учиться. У Андре есть вкус. Веди, друг мой, показывай Москву и рассказывай нам...

Древние храмы и дворцы, терема кремлевские и новые здания, недавно выстроенные Ухтомским, Баженовым и Казаковым, частные дома купеческие, загородные усадьбы и церкви — всё было осмотрено петербургскими путешественниками.

В одной из подмосковных усадеб они были любезно приняты Баженовым, занятым в то время постройкой сразу нескольких особняков.

Василий Иванович был еще не стар, годы перевалили за сорок, но жизненные препятствия и столкновения с такими заказчиками, как сама Екатерина, Демидов, только что отвергнувший проект Московского университета, надломил здоровье великого зодчего.

— Андрюша! — воскликнул Баженов, обрадованный встречей с учеником. — Счастливчик! Фортуна ласкает тебя. Не придется тебе, запомни слова мои, претерпевать то, что я претерпел и терплю.

— Как знать, Василий Иванович, пути господни неисповедимы.

— Поручкой тому, Андрюша, твой всемогущий покровитель Строганов. Будь хорошим архитектором, процветай, Александр Сергеевич не даст тебя в обиду никому. А что означает быть хорошим архитектором? — спросил Баженов. — Это, друзья мои, легко только сказать. Давно я такого рассуждения о должности, которую взял на себя с молодых лет и, как бы ни было, пребываю в ней и буду до смерти пребывать... Ведомо вам, что архитектор есть человек, который умеет строить по правилам зодческой науки, делает рисунки как основанию, так и подъему здания, направляет дело и повелевает каменщиками и другими людьми, ему подчиненными... Добрый архитектор должен иметь хорошее понятие и об истории, уметь рисовать, знать математику, камнетесание и перспективу. Но сего еще не довольно, он должен быть честным, разумным и рассудительным, должен иметь живость и вкус в воображениях своих; без сих качеств ни совершенным архитекто-

ром, ни полезным обществу человеком быть не может. Хорошо, что вы пожаловали в Москву; они, — Баженов кивнул на Ромма и Павла, — пусть полюбуются на архитектуру и запомнят, а тебе, Андрей, зарисовать кое-что, возникшее за последние годы, не вредно будет...

После скромного и сытного обеда Баженов водил своих гостей по окрестностям Москвы, показывал им строящиеся по его проектам здания, сожалея, что не может познакомиться их с Казаковым (тот был тогда в отъезде на Смоленщине), Рассказывая о своем друге петербургским путешественникам, Баженов восторженно отзывался о Казакове и его работах:

— Матвей Казаков — вот человек, здоровьем дышащий, широко шагает!.. Посмотрите его Петровский дворец, Сенат, демидовскую усадьбу. Человек за границей не учился, а у него поучиться есть чему. И три сына в него пошли. Все три — зодчие. Конечно, далеко им до отца, однако стремление к тому имеют... А мне, друзья, похвалиться нечем, всё хорошее, мною затеянное, в чертежах да в перспективе... Думает Матвей Казаков Колонный зал для благородных собраний строить, показать себя мастером великолепного внутреннего убранства. Верю. Удивит, опять удивит москвичей. Есть у меня думка, Андрей, — обращаясь к Воронишину, продолжал он тихо, как бы о чем-то тайном и сокровенном. — Дом на холме; на Моховой, супротив Кремля, фасадом к Боровицким воротам есть намерение построить. Хочется сделать так, чтобы никогда такой дом ни убрать, ни заменить нельзя было. Как лицу без носа не нужно, так бы Москве без того пашковского дома... И сделаю, черт побери!.. Тут-то уж мне высочайшая капризница не помешает...

Побыли путешественники у Баженова недолго, стараясь и его не отвлекать от дел и в Подмосковье побольше увидеть. Василий Иванович проводил их до экипажей, стоявших за усадьбой на укатанном и обсаженном березами тракте. Павел сел в карету рядом с унтер-офицером, Ромм с Воронишиным в другую.

— Знатный в вашей стране человек! — отозвался Ромм о Баженове. — Любить надо таких. Во Франции он дорого бы ценился...

Две пары вороных, запряженных в лакированные кареты, рванули с места и помчались по дороге в Останкино, в сторону шереметевской усадьбы.

С первых же дней поездки Ромм аккуратно вел дневник; Воронихин делал карандашные зарисовки зданий и пейзажей, архитектурных ансамблей. Эти дорожные рисунки должны были совершенствовать его в понимании зодчества.

Дальнейший путь от Москвы по Оке и Волге до Нижнего и Казани был не так примечателен в смысле знакомства с архитектурой того времени. Но и об этом речном весельном и парусном перегоне вниз по течению жалеть им не приходилось.

В Нижнем Новгороде внимание Воронихина привлекла стоявшая в устье Оки на высоком взгорье Рождественская церковь. Она была построена строгановскими зодчими, работавшими у Соли-Вычегодской. Церковь простояла всего лишь шестьдесят лет, но она была украшением Нижнего Новгорода. Увидев ее, Воронихин воскликнул:

— Ради только одной этой храмины стоило сюда приехать! Сколько изобретательного ума и художественного изящества вложено зодчими в это прекрасное создание!.. Постине; мертвые мастера учат живых. Вот чего нельзя нам, строителям, избегать — полезной для дела преемственности...

Ромм и Павел, увлеченные Воронихиным, также восхищались работой строгановских сольвычегодских зодчих, украсивших храм рельефами плодовых деревьев, орнаментами из цветов. Гирлянды, раковины, завитки, расписные кирпичные стены, художественные обрамления окон — всё это придавало строгановской церкви вид изумляющего великолепия и красоты, и трудно было оторвать от нее взор.

В те дни в Нижнем Новгороде в строгановском доме жили управляющий и приказчик графа, ведавшие перегрузкой и продажей соли, караванами поступавшей из пермских солеварен.

Путешественники остановились на несколько дней в собственном доме графа. Наскоро осмотрели Кремль, торговые ряды, домик, в котѳом некогда останавливался Петр Первый по пути в Азов, слазали на колокольню и смотрели с нее в зрительную трубу на широкие просторы Волги, на караваны судов с хлебом, солью и разными товарами, шедшими на север Руси из Казани, Астрахани и кавказских земель.

Из Нижнего по широкому раздолью, по течению мутной весенней Волги Воронихин с компанией вскоре при-

был в Казань. Старинные башни Казани, крепостные сооружения с хитрой выдумкой зодчих Воронихина не заинтересовали. Зато на этих водных, бурлацких путях и ему, и его спутникам было любопытно видеть деревенскую, не унывающую в нужде, выносливую в труде повожскую Русь, сохранившую добрую память о пугачевщине...

Год спустя они всё той же компанией ездили в южную часть Карелии, побывали на шумных водопадах, в густых хвойных вечнозеленых лесах; охотились на птиц и зверей. Свежая обильная уха из лучших рыб была в тех местах их каждодневной здоровой пищей.

Воронихин мог видеть здесь только деревянные постройки, удобные для рыбаков и охотников. Да еще кое-где на севере Ладоги попадались древние наивные изображения святых, отлитые из меди, и рукописные старообрядческие книги с медными застежками, с красочными заставками и витиеватыми заглавными буквами. В тех книгах воздавалась хвала непризнанному православной церковью, но чтимому превыше всех прочих святых протопопу Аввакуму.

Поездка к Выборгу, на Иматру и в другие места послужила им хорошим отдыхом после зимнего упорного учения. Всё требовательнее и строже становился Ромм к молодому графу Павлу, который уже был в чине корнета конной гвардии. В скором времени, не достигнув совершеннолетия, предстояло ему стать поручиком гвардейского Преображенского полка в должности адъютанта у князя Потемкина-Таврического. Но до той поры нужно было еще потрудиться Ромму над воспитанием своего ученика, перебрать и прочесть с ним сотни книг, усвоить множество фактов и растолковать их, научить его немецкому языку: нужно было еще и еще путешествовать по северу и по югу России с пользой для ума и здоровья.

Поездка по северу по следам великого Петра Первого привлекала их больше других летних путешествий. Она состоялась через два года после первой их поездки в Нижний и Казань.

Ездили тогда Воронихин, Ромм и Строганов-младший водным путем от Петербурга по Неве до Ладожского канала, по Свири и побережью Онежского озера до Пет-

розаводска. Город на каменистых берегах большого бурного озера оправдывал в те годы свое название. Петровских времен заводы плавильные, железоделательные пыхтели горнами. Гремели молотобойцы, вытягивая из огнедышащих печей раскаленные полосы железа. Даже юный наследник рода Строгановых и тот сочувственно смотрел на кузнецов и литейщиков, и казалось ему, что нет на свете более тяжелого и опасного труда, нежели на старых петровских заводах. Ромм, словно невзначай, привел его к этим жарким печам-горнам и, показывая на мускулистых, в рваных холщовых одеждах, людей, сказал:

— Смотри, Попо, и помни: вот кто кует железо, добытое из олонечкой болотной руды. Русская ваша пословица говорит: «Всяк человек кузнец своего счастья». Едва ли, Попо, эти люди до конца своей жизни выкуют себе счастье...

— Они же простые, грубые люди, месье Ромм, они не взыскательны. От них требуются лишь умение и сила, им же нужны только еда, сон и одежда, дабы ею прикрыть наготу.

— Подумай, Попо, прежде чем так говорить, — возразил Ромм. — Простые, грубые, но люди. Образуй, обучи их наукам! Уверяю, многие из них могут стать умней господ, носящих высокие звания и тратящих тысячи и миллионы, заработанные руками простых людей. Ваш царь Петр набирал себе помощников из таких людей. И он не ошибался. Посмотри на Андре. Я полагаю, он доброго мнения об этих людях. Смотри, Попо, на искусство литейщиков, на их изделия из чугуна. Это же истинное искусство — создавать из грубой материи такие тонкие, ажурные предметы! Смотри, как увлекся ими наш молчаливый Андре.

Воронихин восхищенно рассматривал чугунные плиты с барельефами, решетками, фигурные надгробия.

— И не думал я и не ожидал, что чугун вам так послушен, — говорил Андрей старику олончанину, трудившемуся над чугунными изделиями. — Тяжкая и в то же время искусная работа! Ваши решетки — неотъемлемое украшение в градостроительстве. Они подобны кружевам, без которых не может быть красивого платья!..

Тогда Воронихин еще не мечтал о своей знаменитой решетке. До этого еще было далеко. Но встреча с искусными литейщиками петрозаводских мастерских запомни-

лась на всю жизнь, и умельцы эти ему очень потом пригодились...

Мастер чугунного литья отвлекся от дела, стер капли пота с морщинистого бурого лба, прищуренным глазом посмотрел на Воронихина:

— Какая, барин, тяжесть от такой работы! Это разве тяжесть? Вот посмотрел бы ты в Москве пушки литья Андрея Чохова, двести лет назад деланные, а как люди работали! Чохов-то бывало в две тысячи четыреста пудов пушку отольет, да еще и прибасами разукрасит...

Павел Строганов тоже решил полюбопытствовать:

— Скажи, мужичок, а решетку к Летнему саду в Петербурге не вы делали?..

Мастер усмехнулся, взглянув на щеголеватого молодого барчука, и быстро перевел глаза на Воронихина:

— А я так полагаю, что у Летнего сада там у вас в Питере не литая решетка, а кузнечная, и, кажись, тульских мастеров работа. А мы бы из чугуна не хуже сделали. Хоть и хрупок чугун, а захотим, так из него и кружево сплетем!.. Голь на выдумки хитра. У нас онамедни один дружок чугунные сережки отлил весом в полтора золотника, и каждая серьга из трех малых лепестков смородиновых. Послали с губернатором самой царице в подарок. Для курьеза пригодятся, а в уши не гожи. Однако государыня рубль ему прислала.

Воронихин ходил по мастерским, обо всем, что привлекало его внимание, расспрашивал работных людей и делал для себя рисунки разных образцов решеток.

— Кто вам для изделий рисунки дает? — спросил он одного формовщика.

— Да никто, барин, самим приходится, на глазомер, своим умом...

Из Петрозаводска озером на большом паруснике путешественники отправились на север. Полюбовались они на красоту тамошних мест, на бурливые, с водопадами реки, на богатые рыбой зеркальные тихие озера, побродили по сосновым борам, где дышалось легко и вольготно, и решили совершить немалую прогулку, где пешком, где на лодках, по заросшей «осударевой» дороге, что вела от Онежского озера к Белому морю.

На этом шестидесятиверстном пути ничего примечательного не было, кроме самой природы да редких старобрядческих скитов, сохранившихся от времен преследова-

ния староверов никонианцами. Пришлось Ромму, ведавшему казной, нанять дополнительно местных проводников старообрядцев и носильщиков. Дорога была хотя и прямая, но пересеченная озерами и реками и могла увести в сторону каргопольской непроходимой глуши. Да и груза у путешественников прибавилось: Ромм всюду собирал камушки всех цветов и оттенков и к каждому камушку и образцу руды приклеивал ярлычки с указанием места, где они найдены.

От Пудожки и до беломорского селения Нюхчи, не спеша, с прохладцей и остановками на берегах лесных озер, они продвигались по десять верст в день. «Осударева» дорога, по которой в свое время Петр Первый с преображенцами провел по суше суда, в ту пору изрядно заросла мелколесьем, и двигаться по ней было трудновато. Однако и это путешествие для Ромма, Воронихина и Строганова представляло немалый интерес. Ведь по этим северным тайболам, врубаясь в вековые кондовые леса, где и нога человеческая не ступала, Петр неожиданно для шведов провел Преображенский полк, ударил по ним с тыла и вышел к невским берегам!..

Как ни был молчалив и замкнут Андрей Воронихин, он скорее находил общий язык с проводниками, нежели молодой граф и месье Ромм.

— Дед, а деда, — обратился однажды Воронихин на ночном привале у костра к бородатому, длинноволосому мужику, — верно ли люди бают, будто это ваши отцы и деды дорогу тут для Петра проложили?

— Верно, сынок, — отвечал старожил, — и я помню тех людей, как просеку учиняли от Нюхчи на Онего-озеро. А за главного, вроде подрядчика, определил государь простого солдата, а не то сержанта, головастого мужика каргопола Мишку Щепотьева. Ох, и ловкий и храбрый был тот мужик! Потом Щепотьев этот с малой толикой солдат шведское судно с пятидесяти пушками захватил, а сам погиб от ран многих. Петр ему похороны устроил, как енералу; из пушек палили, трубы трубили, ну и попы тоже были... На поминках, сказывали старики, за упокой души Щепотьева бочку вина выпили, славу ему воздавая...

— А не слыхал, дед, долго строилась государева дорога, не было задержки Петру и его войску?

— Какое, сделали скорешенько! Царь позвал в те поры Щепотьева и говорит: «Ты, Михайло, здешних мест

человек, знаешь натуру лесную, знаешь народ тутошний. Собери людей и лошадей, да чтоб в две недели дорога была готова, — мы по ней корабли протащим и всем войском пройдем...» — «Постараюсь, ваше величество, — ответил Михайло царю, — только дай, царь-батюшка, мне сто солдат вестовых — кликнуть по каргопольским и олонцким деревням и скитам клич твоим именем, и всё сделать постараюсь»... — «Бери сто солдат, — сказал Петр, — а мало будет, прибавлю». Ну и пошел тут приток людей в эти места, и пошел, да столько приехало людской силы от мала до велика! Лошадей тысяч десять было... Знамо дело, при каждой лошади два мужика, а то и три... Построили дорожку осудареву в десять дней. И войско вышло на озеро, и суда спустили, и паруса подняли. Петр собрал мужиков, царское спасибо сказал, нашим староверам доброе слово вымолвил. «Веруйте, — говорит, — в бога как хотите, воля ваша. Никаких притеснений вам ни от кого не будет. Я сам обожаю Никона, а протопопа Аввакума люблю за то, что упрям и настоятелен был, что те чугунный, царство ему небесное. Такие, как Аввакум, не сгибаются, их только силой ломать можно...» Наши мужики обрадовались такому царскому слову, вместе с солдатами «ура» прокричали, а Михайло Щепотьев тогда и говорит царю: «С этим народом, ваше величество, и не такие дела можно делать. Кремневый народ. Хоть в огонь, хоть в воду...»

— Похвально так рассуждать о предках, да и о Петре тоже достойно так говорить, — заметил Воронихин, слушающая старика.

— А как же иначе? По заслугам честь, — ответил тот и, пошевелив палкой догоравший костер, продолжал: — И то надо сказать, царь был не заносчив. Я вам покажу деревню, покажу избу, где Петр на свадьбе пива жбан выпил за здоровье молодых, а в другом месте дитё крестил. Младенца Олешкой нарекли в честь Петрова наследника. Тот тоже с царем в ту пору путешествовал. Да, говорят, незадачлив наследник-то у царя получился. Будто сам Петр и голову ему свернул... Бывают же нелады и в царских семьях... Хоть ты и наследник, а не будь дураком и не иди против отцовской воли. У нас, у простых людей, такое же заведение. Несогласие в доме — причина всякой порухи...

Старик было разговорился, но прервал рассказ, обратился к другому проводнику, что был помоложе, но бороду

тоже носил с завитками, а волосы подвязывал тканой тесемочкой:

— Степка! Порыщи по лесу-то да собери сушняку посмолистее, дымом от господ комарё отогнать. Проклятушие, одного дыму и боятся. И всех жрут, несчастные, только пречистого Аввакума не трогали. Тоже сажались и на протопопа, да чудесно проклятые подыхали...

Степка принес ношу смолистого пенья-коренья, и костер жарко запылал в белой северной ночи. Черный дым поднялся кудряво и разостлался над бесконечным лесом.

В селе Нюжче на Беломорском побережье путешественники долго не задержались. На попутных шхунах со зверобоями и рыбаками в поветерь, миновав Соловки и городок Онегу, добрались они до Архангельского корабельного пристанища. Этот город, когда-то любимый и посещаемый Петром, понравился Воронишину, но не какими-либо редкими архитектурными сооружениями — их не было, если не считать единственного в своем роде приземистого и тяжелого, толстостенного «Гостиного двора» с башнями на углах. План этого двора был составлен во времена Алексея Михайловича тремя зодчими за схожую цену, за... семьдесят две копейки!..

Полюбился Архангельск Воронишину своим расположением в дельте могучей реки, выходящей на морской простор, и казалось Воронишину, что при средствах да при наличии строительного камня, коим богаты беломорские берега, можно было отцам города позаботиться о постройке более капитальных зданий. Но город тянулся вдоль реки цепочкой мелких деревянных домов, купеческих лабазов, рыбных складов, ветряных мельниц и хлебных амбаров. Город выглядел большой поморской бревенчатой деревней. Иногда улочки уходили от берега Северной Двины на восток, в зыбучее болото, на котором даже и мелких сосен не было, и только на мшистых кочках торопливо, в короткое лето, вызревали клюква и брусника.

«И Питер тоже на болоте, но красавцем вступил в жизнь, — думал Воронишин, осматривая Архангельск. — Трудно поверить, что когда-нибудь в неравном состязании с невской столицей Архангельский порт поднимется хотя бы чуть повыше на этих болотах...»

Жильбер Ромм в Архангельске, и в Кегострове, и в Соломбале встречал иноземцев, матросов и купцов — немецких, голландских, англичан и своих сородичей. Он

разговаривал с ними, расспрашивал о выгодах торговли в Архангельске. Не прочь был и «рейнского» по кружке выпить, да к тому же и ученик его Павел Александрович так за годы путешествий возмужал и окреп, что ему не возбранялась даже сивуха из орленого штофа. А при такой закуске, как в Архангельске на рыбных шхунах продавалась — палтусина и семга свежепросоленная, — не выпивать грешно было. И сколько ни возражал Воронихин, Ромм говорил, усмехаясь и потряхивая головой:

— Кому же, если не Ромму, выпить рому, Андре? Мы и так во многом отказываем себе в жизни. Мы не святые отцы. Но и те любили выпить, соблюдая завет древнего мудреца-поэта:

Запрет вина — закон, считающийся с тем:

Кем пьется, много ли и с кем.

Когда соблюдены все эти оговорки, —

Пить — признак мудрости, а не порок совсем!..

Так шутил Ромм, но пил мало, да и то в крайних случаях: при встречах с французскими корабельщиками. Проживая в Архангельске, он тщательно собирал и записывал в свой дневник сведения об этом городе, о мореходстве и торговле. Особо интересовался он, чем занимается народ в уездах и есть ли здесь люди не крепостные, в отличие от других губерний, а если есть, то как они рассчитываются с государевой казной за жизнь на земле...

Ходил Ромм в губернскую канцелярию, и в управление корабельными пристанищами, и даже к епископу под благословение подошел, дабы и от того выведать кое-что для своего дневника. Но епископ был осторожен, благословил его и, даже в беседу не вступая, огорошил строгановского гувернера ответом:

— Нечего мне поведать вам, да и удивите ли вы кого своим писанием? Бывал тут господин академик Лепехин, он всё записал. Вам трудиться чего ради? Ступайте с миром...

Из Архангельска всей компанией пустились в плаванье по Северной Двине к старой вотчине Строгановых Соли-Вычегодской. И тут, на пути бойком, двинском, шли встречные суда с грузом товаров для торгова с иноземцами, и обгоняли их бурлацкие ватаги из устюжан и зырян, тянувших караваны судов на юг, к Устюгу, Тотьме и Вологде.

Привольно жилось на этой путине Ромму и Павлу.

Прохлаждались они на палубе расписной барки, развлекались игрой в карты, выходили на берега там, где хотелось, в попутных селах Копачеве, Конецгорье, в Красноборске и всюду, где было им желательно, чтобы поглядеть на строения, на северный деревенский народ.

Воронихин успевал наскоро рисовать деревянные церкви и такие избы, что при Иване Калите были из лиственницы срублены, на синь-горюч камень поставлены и со всех сторон ветрами обвеяны, и стояли те избы до той поры, пока не сразит их огонь. Альбом воронихинских рисунков дополнялся с каждым днем.

Павел как-то спросил:

— Ну зачем время тратить на изображения мужицких изб? Не плотником же тебе быть, Андре?

— А почему бы и не плотником, если надобность в том постигнет? Зодчество настоящего и будущего времени только тогда и станет успешным, когда будет исходить из умения пользоваться опытом прошлого, опытом стариков-умельцев строить из дерева церкви и дома. Вы посмотрите, Попо, на эти крыльца, церковные паперти, оконные наличники, на их резьбу. Всюду увидите мастерство художника, кости которого истлели под покосившимся деревянным крестом у той же высоченной и прекрасной деревянной шатровой и многоглавой церкви, как бы сродни приходящейся и Василию Блаженному, и Спасской башне Кремля, и Коломенскому Вознесению!..

— И ты находишь, Андре, что-то общее между деревянными зданиями Севера и архитектурой Москвы?

— Несомненная преемственность!.. — ответил Воронихин. — Разность лишь в строительных материалах и во времени, двигающем строительное искусство вперед. Архитектор по-гречески означает высший строитель. А высшим он может быть, наследуя искусство прошлого и стремясь сделать лучшее для будущих поколений. Да, Попо, для нас это всё вроде как бы старо, но поучительно. Да, поучительно, — твердо повторил он. — Даже в выборе места для построек нам у стариков-зодчих надо учиться. Вот мы только что побывали около Архангельска, в древнем селении Неноксе. Чем там поражает наше воображение чудесная церковь, как бы спрятанная в гуще соснового леса?

— Меня она поразила неожиданностью, — сказал Павел.

— Совершенно верно, Попо, вы справедливо заметили

самое главное: неожиданность! Издали мы смотрели на ту церковь и видели одни только ее главы, возвышающиеся над вековым приморским лесом. А потом зашли в лес, и главы скрылись из наших глаз. Узкая просека вела нас чащей леса. Нас поглотили сосновые дебри. Дикая, но прекрасная природа заставила на время забыть о церкви, к которой мы шли.

— Да, это действительно так, — согласился Павел. — Природа Севера изумительна, невзирая на ее суровость.

— Я рад, что вам нравится выбор мест в нашем путешествии, — сказал Воронихин и продолжал: — Помните, Попо, когда мы шли лесом, ветер шумел в хвойных вершинах. Мы были как бы на дне глубокой дорожной просеки. Над нами голубел просвет неба. Белоснежные облака, как последние ладожские льдины на Неве, плыли над нами. Наше внимание сосредоточилось на том, что нас окружало и вдохновляло своей природной прелестью. И вдруг!.. — Как вы сказали, Попо? Неожиданность. Великолепнейший деревянный храм! Безукоризненно чистая работа. Соблюдены все строительные правила и пропорции. А главы! Зодчий, не задумываясь, нашел решение задачи на месте. Вероятно, он думал, какие должны быть главы на шатровых, приподнятых над лесом куполах, и, увидев под ногами сосновые шишки, сказал себе: «Сделаю главы наподобие этих шишек», — и сделал!.. Смелость, находчивость, изобретательность, продуманный выбор места для строения, — всё это вместе вылилось в очаровательную неожиданность!..

— Дорогой друг Андре, — выслушав суждение Воронихина, проговорил Павел, — я, кажется, начинаю разбираться в умении и вкусах русского мужика-плотника: строить просто, красиво и долговечно.

— А спросите вы этого хитреца-мужика, как он делает столь прекрасные вещи. Он так же просто и мудро ответит вам: «И сам не знаю — умишком да топоришком, вот и всё»...

Поездка по северу России очень пригодилась Воронихину для изучения мастерства зодчих северян. В Сольвычегодске, в этом сказочном городке, где было представлено искусство всех видов — архитектура, живопись, медное литье, резьба по дереву и кости, шитье жемчугом и многие другие рукоделия умельцев, — они пробыли десять дней, и этого времени не хватило осмотреть все художественные

ценности, находившиеся в этой древней строгановской вотчине.

По зырянской реке Вычегде из Сольвычегодска они поднимались до самых верховьев и где-то там, через тайгу, волоком добрались до Чердыни и Камского Усолья. Здесь юный граф Строганов и Ромм остановились в соликамском дворце барона Строганова; Воронихин гостил в деревне Огурдино у матери своей, Марфы Чероевой.

Прошло немного лет с того дня, как Марфа и Гаврила Юшков провожали к Дедюхинской пристани Андрея, уезжавшего в Москву на учение. Андрей не только вырос и возмужал, но и стал представительным, деловитым человеком. Его учитель, иконописец Гаврила Юшков, заметно постарел за эти годы. Но узнав о приезде Андрея, запряг лошадь в телегу, положил копну пахучего сена, чтоб не трясло его старые кости, и поехал из Ильинского в Огурдино. Повстречались приветливо, ласково.

Гаврила Юшков продолжал, пока зрение совсем не ослабло, обучать молодых ребят богомазному мастерству и отдавался своему делу с душой, всячески понося владимирских и холуйских иконников, не видевших якобы в сем деле ни святости, ни призвания, ни искусства, а только лишь торгашескую цель. Пословицу «Не годится молиться, годится горшки закрывать» Гаврила относил за счет холуйских и владимирских оптовых малевателей. Себя считал он ярким последователем Симона Ушакова с некоторой особенностью изящного почерка строгановской школы и этим немало гордился.

Повстречавшись с Андреем у матери его, Юшков рассказал о своих делах, о церковных и монастырских заказах, расспросил Воронихина о его поездках, об учении в Москве, о житье в доме Строганова.

Послушал старик Андреевы рассказы, короткие и толковые, узнал, что у самого графа Воронихин пользуется покровительством, и сказал Гаврила не то с грустью, не то с незлобивой доброй завистью:

— Ох, и залетела ворона в высокие хоромы. Дай-то бог на пользу добрым людям...

И залюбовался Юшков на Андрея. Хорош больно! Прямо архангела Гаврила с него пиши. Роста приличного, лицом приятен, глазом быстер, хоть и книзу смотрит из-под бровей. Такие глаза на сажень сквозь землю видят. На крепких, красивых руках ни мозолинок...

Внезапно Юшков заметил у Андрея на безымянном пальце левой руки тонкого литья чугунный перстень, а на перстне изображение черепа и скрещенных костей. Понимал старый иконник, что это означает, слышал, что такие перстни и знаки носят масоны, приверженцы какой-то новой веры, именуемые в народе «фармазонами».

— Что это у тебя, Андрейка? Смотри, не фармазонь, парень. Антихристова печать. Граф-то Александр Сергеевич, говорят, сам в масонах ходит.

— А я в масонах не хожу, — ответил Воронихин, — туда крепостных да дворовых людей не принимают. Я же числюсь в дворовых у его сиятельства, однако на особом счету и надежду имею вскорости вольную получить.

— А всё-таки не надо, Андрейка!.. Христом богом прошу, стой в сторонке да подальше от барских затей, да знай преотменно свое дело. Марфа, не давай ему благословения родительского на это беспутство..

— А я уж не знаю, что и сказать! — всплеснула руками Марфа, думая совсем о другом. — Умен стал, и какой детина — и любый, и дорогой, а словно бы и не мой. Ведь пройдет по деревне, ну, будто солнышко по небу. Так и светит, так и светит... Какое уж тут ему от меня благословение!..

Покидая Соликамские края, Воронихин обнадеживал мать добрыми, ласковыми словами и обещал в скором времени взять ее в Петербург.

Из соликамских вотчин путешественники через Нижний и Москву вернулись в столицу. Воронихин привез большой альбом рисунков и акварелей; Ромм — дневники записей и двенадцать ящичков минералов; а Павел Строганов в эту поездку увидел многое в жизни народа-труженика и не мог без сочувствия отнестись к его тяжелой доле..

Поездка по северу и в Прикамье не была последней. Снова зима прошла в учении у Ромма, для молодого графа — по обязанности, для Воронихина — попутно, но с желанием и рвением постичь всё, чему учил умница-губернер. А на будущий год они ездили на юг. Побывали в Туле на ружейном заводе, Приднепровщине и в Крыму.

Во время этой поездки самым примечательным было их длительное пребывание в Киеве. Где, как не в этом древнерусском городе, можно было убедиться в зрелости мастерства древних зодчих! Архитектура, фрески и мозаика

Софийского собора, основанного во времена Ярослава Мудрого; величественная древняя лавра Печерская, «Золотые ворота» и многие другие исторические строения привлекли внимание путешественников. Подолгу, иногда оторвавшись от своих спутников, обозревал Воронихин эти творения — наследие и гордость Киевской Руси. Как было не поучиться ему на новых образцах зодчества! Всего только тридцать лет назад знаменитый Растрелли совместно с зодчим Мичуриним украсили Киев Андреевской церковью, воздвигнутой на высоком сугорье над Подолом, где когда-то находился бастион старой Киевской крепости. И в ней, в этой пятиглавой церкви необычайной легкости, словно бы зацепившейся на краю обрыва, на взлете над Подолом и разлившимся могучим Днепром, Воронихин увидел нечто родственное с церковью Смольного монастыря, но в более тонких, изысканных и изящных формах. Спаренные колонны поддерживали карнизы и фронтоны с их виртуозной декоративной лепкой; широкая каменная лестница вела с булыжной мостовой в церковь.

Воронихин зашел во время утренней службы в храм, и позлащенное убранство восхитило его. Слышалось пение с клироса, а он устремил свой пытливый взгляд вверх, в глубину купола, прорезанного круглыми окнами, придающими легкость сооружению и много света, падающего косыми лучами. Он стоял, как зачарованный, не в силах оторвать взор от великолепия, созданного именитыми зодчими и безымянными строителями-киевлянами.

После заутрени Андрей внимательно разглядывал эту церковь снаружи, затем спустился с горы и по кривым улицам вышел в низовье Подола. Издали Андреевская церковь казалась не менее величественной, ее воздвигли на выгодном месте, откуда весь город виден и всему городу она видна.

— Прекрасно! Из истории искусств подобное не вычеркивается!.. — вслух подумал восхищенный Андрей Воронихин, любуясь на творение Растрелли и Мичурина.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Кончились пятилетние разъезды по России. Граф Александр Сергеевич Строганов был доволен, что Жильбер Ромм и Воронихин сопутствовали в этих путешествиях его любимцу Павлу. То ли Павел подсказал отцу, то ли граф

сам догадался, но Андрей Воронихин получил, наконец, вольную-отпускную. Андрею исполнилось двадцать пять лет. Это было в те дни, когда с позволения графа начались сборы Павла Строганова в долгосрочную, на несколько лет, поездку за границу.

Павел Строганов за прошедшие годы полюбил своего гувернера Ромма. С уважением и не меньшей любовью относился он и к Андрею Воронихину, теперь уже не крепостному, а вольноотпущенному, хотя и неравному в правах с ним, графским наследником. Формально Павел Строганов уже был зачислен по военной службе на должность адъютанта светлейшего князя Потемкина-Таврического.

При отчете о поездках по России Жильбер Ромм мог блеснуть перед старым графом достойным количеством собранных на севере ценных минералов, коими он подтвердил многие догадки покойного Михайлы Ломоносова и восполнил богатую коллекцию графа.

Отчет Воронихина о поездке по России был весь сосредоточен в альбоме рисунков из ста двадцати пяти листов. Альбом, озаглавленный «Путешествующий по России живописец», стал одним из интереснейших в картинной галерее графа. Граф, неоднократно перелистывая альбом рисунков, исполненных акварелью, тушью и карандашом, выспрашивал Воронихина:

— Скажи, Андре, я всё еще не разгадал тебя — живописец ли ты в настоящем или зодчий в будущем? Пейзажи Украины и наш Север изображены превосходно; гляжу на твои рисунки архитектурных памятников с их перспективой и опять восхищен умением твоим. В этих рисунках, в обмерах и чертежах ты не уступишь Старову и Кокорину. Тебе нужен лишь опыт, испробование своих сил. И это я помогу тебе сделать...

— Спасибо, ваше сиятельство. Поработать на строительстве — мечта моя. Желательно по своим чертежам. А пока я ни то ни сё.

— Нет, Андре, ты живописец с задатками зодчего. Верю, способности твои расширятся. Заранее предвижу тебя моим архитектором. Полагаю, что вольность, данная тебе, не явится помехой.

— Рад буду оправдать надежды ваши, — покорно ответил Воронихин. — В чем не угожу, поправите меня.

— Полагаю, Андре, что поездка за границу с Попо и

месяц Роммом принесет тебе не малую пользу. Да кроме того, для моего Попо ты образец в поведении. И мне по душе твои стремления к поставленной цели. Что греха таить, Попо избалован положением, он еще молод и опрометчив. На мой взгляд, Ромм слишком свободолюбив; боюсь, как бы характер Ромма не отразился пагубно на моем сыне. Вот вы отправитесь за границу. Для Ромма Франция — родина, да ведь и мой Попо там же рожден, и ему не чужда Франция. Надеюсь я, Андре, что в случае надобности ты именем моим сумеешь остановить Поло, отвлечь его от пагубных поступков, кои во Франции на каждом шагу возможны.

После многократных наставлений граф снарядил всех троих в полном достатке и морским путем отправил во Францию. Распорядителем среди них и руководителем, разумеется, был учитель Жильбер Ромм, давно не бывавший на родине. По прибытии во Францию он немедленно направился домой в небольшой городок Риом к своей старушке матери. Желанными гостями были в доме Ромма Павел Строганов и Андрей Воронихин. Гостили там долго и весело, посетили всех гостеприимных друзей и родственников Ромма, которых оказалось не так уж мало. Павлу очень нравилось ездить верхом в горы, участвовать в скачках, слушать по вечерам веселые песни, распеваемые подвыпившими французскими крестьянами. Всё здесь для него и Воронихина было ново, интересно. Да и сама природа Франции с ее плодородными, цветущими долинами, журчащими горными ручьями, с обилием всяческих земных благ и достатком свободного времени располагала к жизни разгульной, однако не всех...

В те дни и недели, когда Павел весело проводил время под наблюдением своего гувернера, Андрей Никифорович занялся рисованием пейзажей в окрестностях Овернских гор. Писал он красками портрет матери Ромма, гостеприимной, ласковой и доброй старушки, благоволившей к русским гостям, друзьям ее сына. Потом Воронихин успел еще написать три портрета приятелей Жильбера. Все портреты оказались превосходными и стали достоянием Риомского музея.

Вскоре месяц Жильбер повез своих друзей в Швейцарию продолжать образование. Там они поселились в пятикомнатных покоях на одной из лучших улиц Женевы, наняли прислугу и стали подыскивать профессоров для

занятий по различным предметам. Теперь уже не исключался из плана образовательных уроков и Воронихин. О нем позаботился Ромм, писавший в Петербург графу:

«...Прошу дозволения, чтобы Андрей занимался совместно с молодым графом Павлом, так как его выдержка, способности и такт дают ему на это право».

Старый граф ответил на это согласием, будучи вполне уверен, что близость Андрея к его сыну благотворна для последнего. Физика и химия, ботаника и минералогия, история и богословие, танцы и музыка, фехтование, осмотры заводов и рудных разработок, изучение астрономии, иностранных языков — всё теперь входило в занятия Павла и Воронихина. Не избегали они знакомств и связей в Женеве с людьми учеными. Девяностолетний старик, историк Вернет принимал их запросто и подсказывал, с чего начать изучение мировой истории, какими книгами пользоваться и где их брать. Когда-то отец Павла, граф Александр Сергеевич, учился у Вернета; и конечно, лестно было старому профессору оказывать помощь сыну знаменитого русского вельможи.

В женевской библиотеке они познакомились с ученым-книгохранителем Сенбье, от которого не было им отказа в пользовании необходимой литературой.

Один из видных женевских профессоров — астроном Мале охотно согласился обучать двух русских, представленных ему Жильбером Роммом. Естественно, астрономия, как и всякая наука, находящаяся не в ладах с законом божьим и богословием, заинтересовала Павла и Воронихина. Павел писал об этом своему отцу:

«Мы начали ходить на астрономический курс. Сия наука очень приятна, но и очень трудна. Однако мы до сих пор с помощью господина Ромма всё превозмогли. Оный курс дает господин профессор Мале...»

Видные деятели науки читали в Женеве лекции по физике и химии, показывали опыты, стоящие больших денежных затрат, и всё-таки Ромм платил из строгановских средств за лекции и опыты знаменитому химику Тенгри, и все трое не пропускали ни одной лекции, ни одного урока прославленного в Женеве физика Пикте. Время было заполнено учением значительно больше, нежели в Петербурге под наблюдением графа. В Женеве и сам Ромм не

без интереса слушал лекции профессоров о новых открытиях в научном мире.

Ромм советовал Воронишину и Павлу летние месяцы проводить порознь: Павлу — знакомиться с работой на рудниках, изучать минералогию, осматривать заводы. Наследнику графа и крупного промышленника всё это пригодится; Воронишину — на две недели поехать в Германию для изучения образцов готической архитектуры и перспективной живописи немецких художников. В конце лета они возвратились в Женеву и до наступления занятий у профессоров делились летними впечатлениями. Так незаметно пролетели два года в Женеве и в разъездах. Перед тем как поехать в Париж, предупредительный Ромм, зная существовавшее в то время положение во Франции, исподволь стал готовить своих русских питомцев к поездке, дабы не ошеломить их возможными неожиданностями.

— Друзья мои, — держа в руках раскрытый том Вольтера, говорил он Павлу и Воронишину с волнением, какого они еще не примечали за своим учителем, — я хочу уведомить вас заблаговременно, что во Франции назревают глубокие потрясения. Еще четверть века назад Вольтер писал в предвидении будущего Франции: «Всё, что я вижу, сеет семена революции, которая настанет неминуемо. Но я буду лишен удовольствия быть ее свидетелем... Просвещение мало-помалу распространилось до такой степени, что взрыв ее последует при первом удобном случае, и тогда будет славная возня. Счастливая молодежь — она увидит хорошие вещи». Вольтеру можно верить. Я верю, но только лишь в этом вопросе, и духовенству Франции, которое, подчас находясь в противоречиях с королевской властью, заявляет во всеуслышание о том, что «в королевстве между скипетром и каминойницей происходят постоянные столкновения, рано или поздно непременно разразится революция. Кризис в разгаре и эта революция может быть только очень близка...» В наше время Мирабо, человек довольно известный у меня на родине, заявляет открыто: «Франция созрела для революции...»

— А разве нет законов против революции? — наивно спросил Павел. — Разве король так слаб, что не может наказать злоумышленников, стремящихся к перемене власти?

— Революция не будет считаться ни с чем: уже трещит королевский трон, пишутся новые законы, старые отжили свое время. И что значит закон? — продолжал Ромм убеж-

дать Павла и погрузившегося в раздумье Воронихина. — Закон, прежде всего, должен обязывать самого короля соблюдать все законы, направленные на облегчение жизни народа. Если же король нарушает их, то ему полагается смертная казнь. Такой порядок был в древние времена на Цейлоне. Хороший порядок!.. Я знаю, что аббат Рейналь в книге, присужденной к сожжению, писал: «Закон не имеет значения, если нет меча, без различия носящегося над всеми головами и отсекающего всё то, что подымается выше горизонтальной плоскости, по которой он движется». Итак, друзья мои, не наше дело теперь разбираться в том, кто и что изрек по поводу революции и законов. Мы из Женевы едем во Францию, в родную мою Францию, в Париж. И хотя время тревожное, поездка наша неотложна. Не советую писать старому графу ничего его беспокоящего. А вам, Попо, не лишнее будет соблюдать в Париже инкогнито. Фамилия Андре — Воронихин — ни о чем не говорит. Строгановы в Париже давно известны как виднейшие русские вельможи. А вельможи теперь не в чести у простого народа. Итак, Попо, выбирайте себе псевдоним...

Павел Строганов не испугался поездки в Париж в это тревожное время. Заинтригованный своим учителем, охваченный его волнением и неизвестностью, которая его ожидала, он сказал:

— Учитель мой, и ты, Андре, я с удовольствием еду с вами в Париж. Не покидайте меня ни на час. Я люблю вас, моих самых дорогих друзей. Зовите меня Полем Очером, по названию нашего нового завода — Очерского, что построен в Камском краю... Не вижу беды в том, что в Париже, в доме, принадлежащем отцу моему, я буду Очером. Так будет, пожалуй, удобней...

Воронихин слушал Жильбера Ромма, верил ему, и молча соглашаясь с ним, одобрительно отнесся к его предложению. «Пусть молодой граф на время спрячет свое графское превосходство, пусть побудет обыкновенным русским. Но сумеет ли?»

По пути в Париж они заехали на родину Жильбера — в Риом. Мать Жильбера в предчувствии тревожных событий просила сына стоять подальше от них, знать лишь свое скромное дело — быть воспитателем двух взрослых русских учеников. Ее любящий сын не хотел тревожить старушку и вскоре написал ей из Парижа:

«Мы — люди чуждые политике, и нам нет никакого дела до народных соборищ...»

По простоте своей мать поверила сыну и была спокойна за него, пока не узнала от друзей Жильбера о том, что он в те же дни писал им совсем другое:

«...Мы не пропускаем ни одного заседания в Версале. Мне кажется, что для Очера это превосходная школа публичного права. Он принимает живое участие в ходе прений. Мы беспрестанно беседуем о них. Великие предметы государственной жизни до того поглощают наше внимание и время, что нам почти не приходится заниматься чем-либо другим».

В своих письмах Жильбер не упоминал о Вороникине. Андре всего менее привлекали бурные соборища парижан. Париж увлекал его архитектурой дворцов, соборов, ансамблями улиц и площадей.

Воронихин не готовился стать политическим деятелем. Он — художник по натуре и призванию, а на образцах архитектуры Парижа было чему поучиться...

И опять — альбомы, зарисовки — каждый день. Луврская колоннада с ее внушительным центральным павильоном казалась ему одним из самых интересных сооружений. Сюда Воронихин приходил много раз осматривать здание снаружи и его внутреннее устройство. На некоторых памятниках зодчества в Париже он заметил влияние древней Греции, пришедшее сюда через Рим. Здание парижской биржи, многие церкви, увенчанные легкими, как бы несущими на себе всю тяжесть строений, колоннами коринфского ордера, и другие подобные здания, составлявшие красоту и гордость классически правильных площадей Парижа, были замечательными образцами для изучения. Пытливый ум Воронихина не останавливался только на внешнем изучении «на глазок» лучших произведений архитектуры. Он приходил в библиотеки и, владея французским языком, заранее знал, к чему проявить интерес: спрашивал чертежи, рисунки зодчих, пользовался нужной литературой, приобретал знания самостоятельно, прочно, ибо к этому был подготовлен в России.

В то время в Париже он успел не раз прочесть трактат Палладио «Четыре книги о зодчестве» и все «Десять книг о зодчестве» Леона-Баттиста Альберти в переводах Мартэна. Труды древнего автора Марка Витрувия Полиона,

жившего в первом веке до нашей эры, стали настольной книгой Воронихина. Из трактата «Об архитектуре» Андрей Никифорович узнал очень много полезных сведений, дополнявших его познания, полученные в Москве у Баженова. Кстати, Баженов, преподавая архитектуру, нередко ссылался на Витрувия, имея в своем пользовании лишь крайне сокращенную переделку его знаменитого трактата. А тут, в Париже, Воронихину представилась возможность в подлиннике изучить труды древних, непревзойденных мастеров зодчества.

Из десяти книг Витрувия, составлявших цельный единый труд «Об архитектуре», Воронихин узнал как общие принципы строительного искусства античного мира, так и отдельные частности технического порядка, свойства и качество строительных материалов и применение их.

И не только эти сведения привлекали Воронихина, поставившего себе цель быть зодчим; он внимательно изучал по Витрувию и Альберти технические приемы и механические приспособления, без коих в строительстве зданий обойтись невозможно. Интересовался даже метеорологией, влиянием определенных климатических условий на строительство зданий.

Целые дни и вечера Андрей проводил в библиотеке, тщательно выписывая из книг и запоминая мысли древних зодчих о том, как они соблюдали пропорции зданий, как мостили полы, как сочетали архитектуру и ваение в целях придания красоты строениям. Иногда Павел и Ромм, отвлекаясь от бурно протекавших событий, просматривали из любопытства записи, чертежи и рисунки Воронихина и одобряли его настойчивость в учении.

Павел спрашивал, что означают эти непонятные ему колеса, рычаги и наброски неких конструкций, напоминающих запутанные геометрические фигуры. Воронихин вкратце объяснял их назначение.

— Вам, Павел, это знать не обязательно, ибо в жизни вашей не пригодится: здесь вот чертеж тимпана с водоподъемными колесами для откачки воды из земных углублений, выкопанных для фундаментов; а это вот чертежи подъемных приспособлений для передвижения и поднятия тяжестей... Надо знать не только о пользе их применения, но и конструкцию устройства этих и подобных им приспособлений.

— В час добрый, Андре, в час добрый. Будь успешен. Как говорится, тебе и книги в руки... А мы сегодня с учителем моим Роммом тоже изучали, однако не допотопного Витрувия, а слушали речи знаменитых современников, Мирабо и Байи — этих любимцев мятежной Франции.

— Ну и что услышали? — хладнокровно спросил Воронихин.

— А прежде всего, от этих людей, не боящихся ни виселицы, ни расстрела, мы слышали, что все люди рождаются вольными в рассуждении прав равенства, а права сии суть: вольность, собственность, безопасность и сопротивление угнетению!.. И что всякая верховная власть имеет основание свое в трудовом народе... Париж рукоплещет этим ораторам. А ты заметил, Андре, что сегодня наш Жильбер необычаен?..

— Да, он как-то особенно энергичен и, кажется, чем-то возбужден.

— Еще бы! — отозвался Павел. — Из провинции приходят известия, радующие парижан, разумеется, и Ромма.

— В чем суть их?

— Из Оверни, где мы были на родине Жильбера, сообщают о великих беспокойствах: крестьяне громят помещиков. В Бретани истреблено огнем двадцать шесть замков. В Керси и других местах чернь свирепствует, убивая богатых землевладельцев...

— Не ново, — спокойно ответил Воронихин, — и никто не знает, чем всё это кончится. Мятежный дух российской пугачевщины вихрем несется по Франции. Только надолго ли?..

— Да, возможно и успокоится, но с тем, чтобы с новой силой воспрянуть. Народ, отведавший свободы, трудно уговорить силой. Порядок восстановится законами, принятыми большинством. А это что у тебя такое в тетради начертано? — спросил Павел, взглянув мимолетно на воронихинские чертежи в тетради.

— Это просто так, интереса ради. Такие конструкции, разумею, не пригодятся мне, устарели. Сие есть устройство осадных сооружений — таранов, приводимых в движение при разгроме крепостных стен.

— Очень важно! — воскликнул Павел, — есть слухи, что народ будет громять Бастилию; побываем там, Андре, посмотрим, не будут ли такие штуки там пущены в дело?..

— Не думаю, — опять сухо и равнодушно ответил Воронихин.

— Почему?

— Гнев народа сильнее стенобитных орудий. Мир дунет — ветер будет, мир плюнет — море будет. Мирская сила страшная и великое дело совершить может. Зачем в Париже тараны?..

— Да, да, зачем тараны, и без них падут тираны! — весело срифмовал Павел и не тревожил более расспросами Андрея, увлеченного своими делами и заботами.

Как ни занят был Жильбер Ромм происходившими политическими событиями и каждодневным участием в них на собраниях и диспутах, изредка находил он время для Андре и Попо, которым, объезжая Париж, показывал достойные примечания памятники архитектуры.

Ромм любил свою родную Францию, ее народ, он превосходно знал историю страны, отлично был знаком с искусством, сосредоточенным в столице Франции. Повидав многое в поездках по России, он не хотел остаться в долгу перед учениками у себя на родине. Не раз, выбрав свободное время от повседневных суетных дел, Ромм отправлялся с ними осматривать город, сопровождая экскурсии эти подробными объяснениями из истории Парижа. Однажды по крутым каменным лестницам поднялись они на балкон к химерам, что на соборе Парижской Богоматери. Был ясный день. Улицы и кварталы четкими прямыми линиями раскинулись перед ними.

— Друзья мои, — сказал Ромм, обращаясь к Воронихину и Строганову, — начнем осмотр парижских памятников искусства с этого замечательного произведения архитектуры и скульптуры. Вот они — знаменитые химеры. Они расположены вокруг башен. Опираясь на балюстраду, эти чудовища склонились, смотрят вниз на прохожих, вызывая к себе отвращение своим внешним омерзительным видом... В облике химер представлены враги церкви, противники христианства. Надеюсь, меня и вас они могут заинтересовать лишь как произведения искусства?

— Безусловно! — отозвался Павел Строганов, приблизившись к рогатому, с бараньей головой дьяволу, высунувшему язык.

— Вероятно, каждое из этих чудовищ, созданных ваятелем по заказу церкви, имеет свое объяснение, назначение и обоснование? — спросил Андре Жильбера.

— Я не смогу исчерпывающе ответить вам. Химер так много, и не каждый церковный служитель мог бы своим ответом удовлетворить ваше любопытство, — сказал Ромм. — Однако об этом дьяволе, что привлек внимание Попо, могу сказать: это тот самый дьявол, который, судя по сказкам нашего духовенства, носил по свету на своем крыле святого Антония, показывая ему чудеса мироздания. Когда Антоний спросил дьявола: «Какая цель этого полета над вселенной?» — дьявол, посмотрев на него грустно, ответил: «В мире нет никакой цели!..»

Воронихин выслушал, усмехнулся:

— А всё-таки есть цель. Она преследовалась и при создании химер.

— Вы правы, Андре. Тут цель такова: вызывать у верующих чувство омерзения и ненависти к врагам церкви. Посмотрев на эти страшные и противные морды, кому не захочется войти в храм богородицы и обратиться, уже с другими чувствами, к прекрасным изображениям Христа, похожего на среднего французского обывателя, или как не обратиться с молитвенным взором к деве Марии, изображенной в самых различных видах на манер средневековой французской дамы?.. На подобный лад вера в бога преподносится и в русских церквях, не правда ли? Вспомните все эти «страшные суды», писанные на досках, в храмах Сольвычегодска, Архангельска, Киева и других городов России.

— Вы мне напомнили, учитель, Гаврилу Юшкова, который в юности учил нас иконописанию, — заметил Воронихин. — У нас были ребята, мастерски малевавшие чертей. Гаврила никогда не позволял тем способным и злоязыким парням набивать руку на писании святых ликов. Мы же, в шутку и в отличие от богомазов, величали тех живописцев «чертомазами»... Эх, как-то они поживают? Вспоминают ли меня? Нет, им и в голову не придет, что Андрейка «вороний сын» вспомнил сегодня о них, да где? На крыше знаменитого парижского собора!..

Осмотрев город с высоты собора, Жильбер, а за ним и Андрей с Павлом спустились вниз. Потом, наняв извозчика, они ездили по главным улицам Парижа. Ромм давал пояснения, когда, кем и для кого построены лучшие здания. От него узнали Попо и Андре, что не так давно, во времена Людовика Четырнадцатого, Париж начал перестраиваться заново. Король приказал министру Коль-

беру сделать столицу Франции самым красивым городом в мире.

— Париж мог бы быть еще краше, если бы Людовик Четырнадцатый не затратил огромных средств на создание Версаля, — заключил Ромм.

Обозревая кварталы Парижа, Воронихин видел явные следы чередования времени, отразившегося на преобразовании столицы Франции. Новый Париж уже изменял планировку улиц и вытеснял строения предыдущего, семнадцатого века с таким же успехом, как некогда Париж классический преодолевал в архитектуре стиль средневековья. Но образцы классического зодчества, независимо от времени их создания, оставались образцами для изучения. Воронихин, увлекаясь творениями давнего прошлого, понимал, что архитектурная древность вызывает у него восхищение не потому, что она «древность», а потому, что она привлекает своей красотой, величавостью и удобствами, необходимыми человеку во всякие времена. Бессмысленная громоздкость некоторых зданий Парижа вызывала у него раздражение. Он чувствовал, что монументальность строений, рассчитанных на века, должна находиться не в громоздкой тяжести, а в легкой стремительности здания, в его простоте и строгости, в правильности сочетания всех частей и пропорций.

Думая так, он перебирал в памяти все знаменитые произведения зодчества Москвы, Петербурга и Киева, мысленно обращался к биографиям их создателей и находил, что для совершенства в архитектуре ему еще и еще необходимо глубокое знание законов этого мастерства.

С утра до позднего вечера, а иногда и ночью при свете уличных фонарей Воронихин один ходил по улицам и неустанно осматривал город. Возвращаясь в строгановский особняк, он заставал Ромма и Очера уставшими от проходивших бурных собраний. Спать он ложился в одной комнате с Жильбером. Тот спросонья бормотал что-то на родном языке, иногда вскрикивал и называл имена неизвестных Андрею политических деятелей Франции. Воронихин пробуждался, долго не мог заснуть, думая о себе и своих спутниках. Потом, среди ночи, вставал, зажигал свет, садился к столу и начинал рисовать по памяти, делать чертежи, наброски. Просыпался и Ромм:

— Вы, Андре, чем это заняты?

— Рисую, месье Ромм, рисую.

— Что рисуете?

— Да всё, что вздумалось, что зародилось в голове, то и заносу на бумагу, дабы не забыть...

— Доброе дело, Андре. А я устаю и, кажется, начинаю бредить во сне.

— Да, учитель, вы и меня разбудили, громко называя спросонья имена Робеспьера, Марата, Мирабо. Кто они?

— Мои товарищи и замечательные люди. Наш Попо, виноват, наш Очер, страстно влюблен в этих людей. А что вам, Андре, больше всего нравится в Париже?

— Очень многое, прежде всего ансамбли, или, как говорят у нас, «целокупности» площадей и улиц Парижа. Так умно строилось, что не находишь ничего лишнего, ничего безобразного, мешающего. Как из хорошей песни слова не выбросишь, так и тут.

— Хорошее, Андре, сопоставление: зодчество и поэзия. А что, по вашему мнению, есть в архитектуре Парижа пригодное для заимствования Москве или Петербургу?

— Для Москвы не нахожу ничего, разве кроме арок. Здания Парижа ничего не имеют общего с московским зодчеством. Для Петербурга здесь нашлось бы многое. Пожалуй, будь я волшебником, я перенес бы, например, из Парижа в Петербург Лувр с его колоннадой, строящийся Пантеон, нашел бы и еще немало зданий. Но при условии, если бы мне было дозволено изменять архитектуру соответственно природе нашей невской столицы, ее местности, а также подходило и к тем зданиям, что сегодня у нас имеются и хулы не заслуживают.

— Совершенно правильно вы говорите, Андре. Так и я понимаю. Что прекрасно для Парижа, то не гоже для Москвы, и наоборот. А что вам, Андре не нравится в прекрасном Париже?

— Не берусь судить. Чтобы осуждать такой город, видеть погрешности в зодчестве, надо самому осуждающему не только много знать, но и нечто заметное сделать. Я еще такого права не добыл.

— Приходилось ли бывать вам в кварталах, где живут ремесленники, рабочие и вообще бедные люди?

— Да, приходилось, — отвечал Воронихин Ромму, — там люди живут густо и тесно. Улочки узкие, свету мало.

— Будет свет, Андре, скоро будет! А за узкие улочки надо благодарить зодчих. На узких улицах, в случае мятежном, удобно строить укрепления.

— Какие, зачем? Разве быть большой драке в Париже? — спросил Воронихин, удивляясь, но без тревоги в голосе.

Он знал, разумеется, что происходило во Франции. Знал о возмущении народа и его недовольстве. Однако «народ» бывает разный. Разве Поль Очер, он же молодой граф Павел Александрович Строганов, близок к народу? Но он против королевской власти. Кто-то кого-то собирается вытеснить вон из Франции, но ради каких общих и благих целей? — Воронихин не вникал глубоко в эти тонкости.

— Отдыхайте, Андре, довольно вам расчерчивать листы. Будут дела посерьезней. Утро вечера мудренее, как говорит ваша русская пословица. Битва, борьба неминуема, размеры ее неизвестны... Боюсь, что гром пушек может на время помешать вам заниматься изучением архитектуры.

Месье Жильбер повернулся лицом к стене, и скоро слышалось его похрапывание.

Воронихину не спалось, но и не работалось. Задумчивый, склонился он над большим листом, на котором циркулем был вычерчен круг и нанесены очертания купольного перекрытия какого-то воображаемого здания.

В соседней комнате, запершись на ключ, неслышно ступая по ковру мягкими туфлями, ходил взад-вперед Поль Очер и, держа перед собой листовку, заучивал наизусть ее революционное содержание.

В ГОРНИЛЕ СОБЫТИЙ

В тревожные июльские дни 1789 года Жильбер Ромм и его воспитанники Павел Строганов и Андрей Воронихин находились в Париже. Революционные события захватили и увлекли их. Они участвовали в захвате оружия из Дома Инвалидов и вместе с вооруженным народом были на площади во время взятия Бастилии.

Гарнизон знаменитой крепости-тюрьмы состоял всего лишь из восьми десятков инвалидов и небольшого отряда солдат швейцарского полка. Против них, засевших в крепости, выступили тысячи вооруженных парижан. Бастилия сдалась и, как памятник многовекового деспотизма, была разрушена до основания. Вместе с восторженными парижанами Жильбер Ромм и Павел Строганов при осаде Бастилии возглашали на площади:

— Долой тиранов! Да здравствует революция!

Их восторгов не разделял Воронихин, хотя он и не скрывал любопытства к тому, что происходило на улицах и площадях Парижа. Он не осуждал ни Ромма, ни Очера за их поведение и отношение к событиям. Ведь Ромм у себя на родине, он достаточно умен и знает, что ему делать, а Очер молод, увлечен своим учителем, охвачен новыми идеями, не всегда ясными, но уже господствующими в мятежной Франции. А он, бывший крепостной, мысленно, в душе своей, конечно, сочувствует революционному народу, но, с другой стороны, он не за тем приехал в Париж, чтобы рисковать своим участием в революции, а потом, по возвращении в Россию, по всей строгости отвечать за свои деяния.

Воронихин по-своему оценивал происходящие события и решил, что даже в такое время в чужой стране ему надо заниматься изучением архитектуры, преследуя единственно поставленную цель.

Между тем революция разворачивалась с невероятной быстротой. Уничтожались всякие права и привилегии дворянства; десятки тысяч аристократов бежали из Франции, их имущество конфисковывалось. Арестованного Людовика XVI перевезли из Версаля в Париж; началось преследование духовенства, которое раскололось на «ослушников», подлежащих репрессиям, и на «конституционное», состоявшее из сторонников революции и искавших в ней спасения.

С первых дней революции Жильбер Ромм и Поль Очер стали членами клуба якобинцев. Они получили дипломы с девизом: «Жить свободным или умереть».

Повседневно участвуя в собраниях парижан, в решениях судеб народа, Жильбер Ромм быстро показал свои немалые способности революционного деятеля, создал известный в Париже клуб «Друзей закона». Ведал библиотекой клуба Очер, руководила канцелярией и оберегала архив этого клуба боевая революционерка Теруань де Мерикур, ставшая близкой подругой Павла Строганова. Она возглавляла женщин революционного Парижа. Находясь в ореоле славы, как страстная, бунтующая особа, она неожиданно появлялась на заседаниях и собраниях. Выходила на трибуну с двумя пистолетами за поясом и саблей.

И не было другой столь одержимой и романтической женщины в революционном Париже. Как было не влюбиться Павлу Строганову в Теруань де Мерикур, перед которой преклонялись почтенные люди и трепетали враги революции? Очер влюбился и был с нею неразлучен. Воспитателю приходилось наблюдать за ним и предостерегать иногда от опасных увлечений. Ромм не забывал еще и об обязательствах перед старым графом, посылал ему в Петербург успокоительные письма о своей непричастности к революции и о благополучном пребывании в Париже Попо и Андре.

Однако официальные сообщения из Франции не могли не встревожить Александра Сергеевича. Он, удрученный заботами о сыне, писал Ромму:

«...Вот наступает теплая погода, надеюсь, что вы ею воспользуетесь, чтобы куда-нибудь проехаться. Умы страшно возбуждены в вашей стране. Вся Европа смотрит на то, что у вас творится, и, признаюсь, ожидать чего-либо доброго трудно...»

Не дождавшись ответа, граф шлет второе письмо и требует от Жильбера уже невозможного. Он предлагает Ромму немедленно покинуть Париж и вместе с воспитанниками — Павлом и Андреем — переехать в Вену к послу Голицыну.

На это письмо графа Ромм ответил с некоторым раздражением:

«...В воспитании, мною принятом, я ни разу не покинул мысли о том, чтобы оно велось под влиянием любви ко благу, к человечеству и на основаниях здоровой философии. Если желания мои не вполне осуществились, в том виновны вовсе не мои намерения, а несчастные обстоятельства, которые нас преследуют и над которыми я не властен; разве считать виною то, что я люблю и желаю заставить любить невинность, простоту нравов, справедливость, свободу, порядок и мир, столь необходимые при столкновениях, самолюбиях и выгодах...»

Но сын старого графа Павел Строганов не обращал ни малейшего внимания на отцовские письма. Он слушал речи Мирабо, Дантона и Робеспьера и чертовски был рад, когда в день праздника Федерации на Марсовом поле в Париже Ромм познакомил его с этими знаменитостями.

Восторженный Очер думал, что главнейший этап его образования проходит именно в эти дни и месяцы в горниле революционных событий. Он не раз говорил своему учителю, что лучшим днем его жизни будет день, когда он увидит Россию обновленной такую же революцией.

— Может быть, я буду играть там ту же роль, какую здесь играет гениальный Мирабо...

Влияние революции на Павла Строганова, авторитет учителя Ромма были настолько глубоки, что, если бы Жильбер Ромм пожелал оставить своего воспитанника навсегда в Париже, ему удалось бы это сделать. Но Жильбер, став страстным деятелем революции, оставался человеком мягкосердечным. Он не захотел вести за собой Очера дальше; к тому же связь молодого графа с Теруань де Мерикур и его активная роль в революции получили широкую огласку...

В то время находившийся в Париже русский посол Иван Симолин получал указания от императрицы сообщать ей не только о событиях, происходящих во Франции, но и о поведении ее подданных, пребывавших тогда в Париже.

Посол Симолин жил в центре Парижа на Монмартрском бульваре в доме маркиза ла Ферьера и мог видеть революцию своими глазами, не говоря уже о более подробных данных, добытых им через тайных агентов.

За годы революции Симолин послал в Петербург свыше тысячи донесений, не считая «приложений» в виде брошюр, газет, журналов, карикатур и прочих документов.

В первый день революции, 13 июля, накануне взятия мятежниками Бастилии, Симолин доносил:

«...Вчера вечером произошло восстание. Французская гвардия соединилась с чернью, начала стрелять в отряд королевского немецкого полка... Вот и сейчас, когда я пишу, стреляют под моими окнами, и я боюсь, что эта трескотня и шум продлятся всю ночь... Ночь прошла беспокойно, Было нападение на главный штаб войск, помещающийся против меня, во дворце Ришелье. Были стычки на Итальянском бульваре, на площади Людовика XV и на Елисейских полях. Стреляли из пушек. Надо надеяться, что будет найден способ прекратить эти безобразия».

Донесения за донесениями слал Симолин Екатерине, а в них о ее верноподданных русских, находящихся в Париже, долгое время — ни слова.

Спустя год после того, как прогремели первые оружейные залпы революции, Симолин сообщил императрице:

«...Меня уверяли, что в Париже был, а может быть находится и теперь, молодой граф Строганов, которого я никогда не видел и который не познакомился ни с одним из соотечественников. Говорят, что он переменял имя, и наш священник, которого я просил во что бы то ни стало разыскать его, не мог этого сделать. Его воспитатель, должно быть, свел его с самыми крайними бешеными из Национального собрания и якобинского клуба, которому он, кажется, подарил библиотеку... Даже если бы мне удалось с ним познакомиться, я поколебался бы делать ему какие-либо внушения о выезде из этой страны, потому что его руководитель, гувернер или друг предал бы это гласности, чего я должен и хочу избежать. Было бы удобнее, если бы его отец прислал ему самое строгое приказание выехать из Франции без малейшей задержки...»

Узнав о поведении графского наследника в Париже, Екатерина к донесению посла приложила собственноручно написанную записку:

«Читая вчерашние реляции Симолина из Парижа, полученные через Вену, о российских подданных, за нужное нахожу сказать, чтобы оные непременно читаны были в Совете сего дня и чтоб графу Брюсу поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына, Ромм, сего человека младого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов (якобинцев) и «Пропаганды», учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, и чтобы он, Строганов, сына своего из таковых зловерных рук высвободил, ибо он, граф Брюс, того Ромма в Петербург не впустит.

Положите сей лист к реляции Симолина, дабы ведали в Совете мое мнение».

Нелегко было графу, любимцу Екатерины, выслушать донесение Симолина и резолюцию государыни. Потрясенный, он не мог понять, как же так, единственный, любимый сын его, наследник многомиллионного состояния, будущий самостоятельный хозяин и владелец земель, заводов, приисков и имений, вдруг сделался сторожником мятежников в Париже. А этот молчаливый, выдержанный и умный Андре, видимо, в стороне от всего ужасного, — о нем нет даже

слова в донесении посла! И действительно, послу сказать о Воронихине было нечего. Разве то, что Андрей Никифорович продолжал усиленно изучать художественные сокровища Парижа? Так ведь он за этим и приехал в столицу Франции. Правда, Воронихин изредка бывал в масонских ложах, но если бы только лишь такое увлечение водилось за Павлом, тогда граф Александр Сергеевич мог бы радоваться, ибо масонство ему, как и многим знатым людям Петербурга, не было чуждо.

«Нет, несчастный Попо, развращенный чуждыми идеями, погряз в этом страшном омуте. И почему вся Европа равнодушно смотрит на Париж? Почему не вмешается? Королю грозит смертная казнь, а все державы сидят сложа руки и наблюдают, со злорадством ожидая ослабления Франции, падения ее мощи. Не лучше ли было бы двинуть со всех концов объединенные войска на Париж?.. Спихватятся, да поздно будет...» — так думал Строганов, сядя в своем кабинете за послание Рому.

«...Долго я противостоял буре, которая, наконец, разразилась. Сказано, что вы оба состоите членами якобинского клуба, именуемого «Клубом пропаганды», или «Клубом бешеных». Буря разразилась, и я обязан отозвать моего сына и лишить его почтенного наставника в то самое время, когда он нуждается в его советах...»

«Да уж какие теперь могут быть советы от человека, ушедшего с головой в революцию? Что он может дать, кроме вреда, молодому, увлекающемуся Попо? Нет, довольно, это уже не воспитатель!» — думал граф и снова дрожащей рукой хватался за гусяное перо.

«...Признаю крайне опасным оставлять за границей и, главное, в стране, обуреваемой безначалием, молодого человека, в сердце которого могут пустить корни начала, несогласные с уважением к правительству его родины...» — писал граф Александр Сергеевич.

Медленно двигалась из Петербурга в Париж почта. Письма задерживались в «черных кабинетах», вскрывались, прочитывались, копировались и только затем, аккуратно обработанные, поступали адресату.

Но мало беспокоили Очера отцовские ультиматумы. Каждый день вместе с Теруань де Мерикур он разъезжал по Парижу и там, где бывало скопление народа, на площадях и даже у церковных входов, произносил яростные речи,

призывая народ к уравниению состояний, к перемене нравов, и заканчивал обычным возгласом: «Долой тиранов!»

Наконец, Жильбер Ромм внял мольбам и строгим заклипаниям графа Строганова. Однажды, возвратясь поздней ночью из Национального собрания, Ромм сказал своим воспитанникам:

— Друзья мои, Попо, и ты, Андре, мы должны расстаться. Граф настаивает на вашем возвращении в Россию. За вами приедет от него посланник. Таков указ самой Екатерины. А пока, до его приезда, подальше от опасности — отправляйтесь в деревню, в Овернские горы. Очер отдохнет от мятежной жизни, а ты, Андре, и там найдешь себе дело. Где же писать этюды, как не в горах?

Воронихин молча выслушал Ромма. Переписываясь с графом Александром Сергеевичем, он ожидал такого решения и воспринял его покорно. Павел Строганов задумался. Не хотелось расставаться с Парижем, где он родился и провел детские годы, не хотелось расставаться и с учителем, которого он полюбил и готов был с ним на революционном пути идти в огонь и в воду. Задумался он не без тревоги и о том, что по приезде в Россию потребует отец объяснения о его поведении в Париже, и как это воспримет он, старый вельможа и друг царицы?..

Всю ночь не сомкнул глаз Павел, бродил из конца в конец по коридору, тускло освещенному свечами, и насвистывал «Карманьолу». Тревожные думы не давали ему покоя. Потом он прошел в спальню, достал из ломберного столика игральные карты. В этой колоде карт дама называлась «свободой», валет именовался «равенством», туз — «законом»... Павел тщательно перетасовал новенькую, скользкую в руках колоду, поправил свечи в канделябрах и принялся гадать. Ему хотелось, чтобы перед ним на столике оказалась дама — «свобода» — червонная или трефовая, означающая приятные встречи с любимой женщиной. Но как ни старался молодой граф угадать свое счастье, как ни выкидывал, зажмуря глаза, на скатерть карту за картой, перед ним ложился туз, означавший «закон», и одна за другой появлялись шестерки, сулившие ближнюю и дальнюю дорогу. Да, ему оставалось подчиниться законному требованию графа и быть готовым в путь-дорогу.

На другой день в конфискованной дворянской карете, запряженной в четверку, Жильбер Ромм проводил отъезд

жавших в деревню воспитанников. Навстречу им попадались похоронные процессии без духовенства. На трехцветных знаменах, склоненных над гробами, были золотом вышиты слова: «Люди рождаются и умирают равными».

— Что верно, то верно! — мрачно проговорил Воронихин, прочтя эту надпись. — С этим я согласен. А между тем вся людская жизнь протекает везде и всюду под другим девизом: «Кто кого смог, тот того и с ног». Желал бы я, гражданин Ромм, чтобы ваша революция привела для примера и начала Францию к равенству и братству, желал бы, но... сомневаюсь.

— Мы стремимся к этому идеалу, мы, французы, первые добьемся равенства, мы победим и утвердим победу...

— Не смею спорить с вами, дорогой учитель. Но право думать и сомневаться оставляю за собой...

За зеркальными стеклами кареты мелькали пригородные дома. Из многих таких домов бежали владельческие аристократы, теперь там хозяйничал кто-то другой, погружая на повозки конфискованные ценности для дешевой распродажи с аукционов.

— Вот видите, гражданин Ромм, — сказал вдруг Воронихин, — вы уничтожаете богатство, стремитесь к равенству. А эти люди, увозящие ценности нынешних эмигрантов, вероятно, стремятся к обогащению. Происходит такое перемещение богатств из одних рук в другие.

— Не забывайте, Андре, — возразил Жильбер, — что разоряется меньшинство, не забывайте о большинстве, готовом делить то, что когда-то принадлежало привилегированной клике. Революция оправдывает большинство. Однако и большинство нуждается в направлении. Вопрос в том, кто, как и куда направляет. Революцию, друг мой, остановить уже невозможно. Все попытки Людовика провести запоздалые реформы никого не устроили. Король остался без дела, а чтобы он не мечтал о возврате былого, ему, возможно, предстоит лишиться головы... Конечно, если это будет предписано волей народа... — задумчиво, но уверенно добавил Ромм.

Наступило длительное молчание. Павел хмуро смотрел на дома, украшенные флагами и лозунгами, величавшими Революцию, Свободу, Республику. Воронихин, расставаясь с Парижем, сожалел, что поведение Очера в революции помешало продолжить ему изучение зодчества в этом прекрасном городе...

На окраине Парижа, не доезжая до первого шлагбаума, Ромм приказал кучеру свернуть с пути и остановить лошадей. Дальше, во избежание того, чтобы патрули не сочли Очера и Воронихина за беглых дворян и не учинили им неприятностей, им предстояло идти на родину Ромма пешком, переодевшись в приготовленное для этой цели матросское платье. Здесь они ненадолго расстались с Жильбером Роммом. В скором времени предстояло расстаться с ним навсегда.

Между тем посол Симолин, не перестававший через своих агентов вести наблюдение за Павлом Строгановым, узнав об этом перемещении, сообщал на вопрос Екатерины:

«Я склонен думать, что все русские, живущие в Париже, воздержались от участия в сумасбродной затее. Единственно, на кого может пасть подозрение, это на молодого графа Строганова, которым руководит гувернер с чрезвычайно экзальтированной головой. Меня уверяли, что оба они приняты в члены Якобинского клуба и проводят там все вечера. Ментор молодого человека, по имени Ромм, заставил его переменить свое имя, и вместо Строганова он называется теперь г. Очер; покинув дом в Сен-Жерменском предместье, в котором они жили, они запретили говорить, куда они переехали, и сообщать имя, которое себе присвоил этот молодой человек.

Я усилил свои розыски и узнал через священника нашей посольской церкви, что они отправились две недели тому назад пешком, в матросском платье, в Риом, в Оверни, где они рассчитывают остаться надолго и куда им недавно были отвезены их вещи...»

Краткость и запоздание доноса, поступившего послу от священника, видимо, имели свою нарочитость и обоснование. Священник, некто Павел Криницкий, выполняя поручения Симолина, не имевшего прямого отношения к православной церкви, сам попал под влияние французской революции, о чем свидетельствовало одно из посланий Симолина в коллегия иностранных дел.

Ходатайствуя об отозвании Криницкого из Парижа, посол доносил, что «...священник Криницкий ведет себя самым порочным и соблазнительным образом. Со времени здешней революции права человека вступили ему так в голову, что он более ни приходит ко мне на требования

по церковным делам, ни повиноваться не хочет; на возражения же мои отвечает, что он призовет меня к суду в здешний трибунал».

Агент в рясе оказался для посла безнадежен. Зато другой агент Симолина из числа депутатов Национального собрания — Гиллерми — за соответствующую мзду продолжал слежку за Роммом и Строгановым и в одном из доносов сообщил, что Ромм внушает своему ученику мысль о необходимости революции в России, и подтвердил это письмом своего родственника. На доносе, попавшем Екатерине в руки, была наложена «высочайшая» резолюция: «Покажите Строганову, дабы знал, как и чему сына его готовят».

И опять в этой переписке посла Симолина ни слова о Воронихине, находившемся вне подозрений на положении отчасти слуги Павла Очера и в большей части вдумчивого ученика, усиленно изучавшего зодчество и занимавшегося живописью, не теряя даром ни одного часа.

Однако недолго пришлось в ту осень 1790 года находиться Воронихину в Оверни. В скором времени из Петербурга в Париж приехал посланный графом Строгановым двоюродный брат Павла — Николай Новосильцев. Во исполнение воли монаршей, по требованию старого графа был вызван из Оверни его сын Павел, а, следовательно, вместе с ним и Андрей Воронихин.

Пришла, наконец, пора окончательной разлуки друзей.

Воронихин с грустью упаковывал свои чертежи и рисунки, среди которых было много незаконченных. Павел, не скрывая слез, целовал высокий лоб учителя:

— Прости, друг, за всё прости и знай — ты был и всегда будешь любимым мною и Андре...

Глаза Ромма увлажнились, голос его дрожал, когда он пытался говорить в эти последние часы перед отъездом питомцев. За долгие годы их обучения, во многих путешествиях по России и Европе он подружился с ними бескорыстно и навек. Чтобы отвлечь внимание Павла и Воронихина от Ромма, Новосильцев пытался рассказывать что-то им о Петербурге, но его и не слушали и ни о чем не спрашивали. Тогда он сказал, обращаясь к Воронихину:

— Андре, знаете ли вы, что скончался ваш батюшка?

— Который? — спросил Воронихин. — Если барон, то об этом я слышан. Если же названный крёстный отец

Никифор из Усолья, то этот, надо полагать, крепок и проживет еще долго. Да и едва ли весть о смерти Никифора дойдет до Парижа...

Пробовал Новосильцев в присутствии молодых людей завести разговор с Жильбером, поговорить об опасности избранного им пути:

— Эх, Ромм, Ромм, не ведали мы в Петербурге, что из строгановского гувернера вылупится столь хищная птица, ярый якобинец, бунтарь над бунтарями. Скажите мне, Ромм, я хоть «порадую» старого графа, какой чин, что за титул у вас в Республиканском собрании, кто вы такой? Не полагаются ли вам эполеты или золотая шейная цепь?

— Неуместны ваши шутки, господин Новосильцев, — отвечал ему Ромм. — Титул у меня незаметный, но труд мой суров и нелегок. Я, сударь, всего лишь — дворник! Да, я дворник французской революции. Народ вручил мне не скипетр, не державу, какие у вас в России вручают царям, и даже не маршальский жезл. Народ мне дал в руки метлу и сказал: «Всякую лестницу должно мести сверху, правительственную — тем более!..» Что ж, почетное дело — выполнять волю народа. Вот я и моим друзьям, моим ученикам говорю: будьте всегда с народом. Пусть простой народ груб, беден знаниями, зато он имеет чистую душу. У аристократов же, пресыщенных жизнью, нет ни малейших внутренних достоинств, одна лишь внешняя оболочка...

Новосильцев, перебивая, сказал:

— Да-а, Ромм, вы превзошли все ожидания старого графа. Несчастный Александр Сергеевич, кому доверил он воспитание сына!.. Нет, ни минуты нельзя оставаться более во Франции. Прощайте, Ромм! Дорога в Россию вам закрыта.

— Знаю... Прощайте, дорогие мои Попо и Андре... Счастливого пути. Что пожелаете вы мне, друзья?

— Дорогой Ромм, я прошу вас, как старого друга и как деятеля новой власти: есть в Париже знаменитый архитектор Леду, он строит городские заставы. Найдите ему работу, достойную его таланта. А вам, гражданин Ромм, желаю успехов. Стройте новую Францию так, чтобы народу было хорошо!.. — и Воронихин трижды расцеловался с Роммом.

— А я желаю, — воскликнул весь в слезах Павел Строганов, — чтобы вам, мой учитель, всегда была свободная

дорога в Россию. И чтобы вы стали послом в России от республиканского правительства!.. Да здравствует свободная Франция! Смерть тиранам!.. До свиданья, друг!..

ВЫСЛКА «ПОЛЯ ОЧЕРА»

Мягкий и добродушный граф Александр Сергеевич с нетерпением ожидал сына из-за границы. Было у графа опасение, что из страха перед государыней или под влиянием Ромма да еще какой-то там парижанки Павел откажется поехать в Россию. Казалось бы, хватит одной семейной беды: супруга покинула его и живет под Москвой в имени Братцево с любовником своим Корсаковым; нет, еще и сын оказался «не от мира сего», отщепенцем, возмутившим Екатерину.

Смешанное чувство радости и гнева охватило графа при возвращении сына из Парижа. Сверх посольских реляций Александр Сергеевич узнал кое-что о поведении сына и от Новосильцева. Он чистосердечно поведал об этом императрице. Та выслушала, повздыхав, сказала:

— Милейший граф, если бы «якобиниска» Попо был не вашим сыном, я знала бы, как с ним поступить. Уважая и любя вас, старшего и умнейшего из всех Строгановых, ценя заслуги ваши, повелеваю вам отправить сына в Братцево. Пусть любят на него Корсаков с Трубецкой. Он вам явится здесь помехой, а седин у вас и без того достаточно...

Графу Строганову оставалось только благодарить государыню за высочайшую милость.

Вскоре после возвращения Павла и Воронихина из Парижа в доме графа состоялся небольшой, но довольно шумный бал. Это было перед отъездом Павла в Братцево на срок неопределенный. Столы, накрытые хрустящими французскими скатертями, были загромождены яствами и винами. Среди гостей преобладали молодые люди — сверстники и сверстницы Павла. Воронихин сидел в центре застолья рядом с Павлом. Старый граф не пожелал присутствовать на этом печальном торжестве. Для наблюдения явился в качестве распорядителя Новосильцев. Его никто не замечал, никто не обращал на него внимания. Звенели хрустальные бокалы, слышались прощальные речи. Возбужденный вином, преисполненный наивной гор-

дости за столь любезную «высылку», Павел чувствовал себя великолепно и был несказанно рад, что некоторые из «благородных» девиц выражали ему сочувствие, смотрели на него с любопытством и волнением.

Слегка опьяненный Павел — красавец высокого роста с помутневшими от вина глазами и лоснящимися пухлыми губами — то и дело чокался, расплескивая искрометное вино и целуясь с кем попало из своих приятелей. Он уже не раз выпил с Воронихиным за друга, оставшегося в Париже, не называя его имени, выпил за «даму, близкую сердцу», тоже не называя ее имени. Гости, разумеется, знали, кому адресованы были эти тосты, ибо слухом земля полнится, а похождения молодого графа, доставленного Новосильцевым в Петербург, были немало преувеличены в разговорах о нем. Наконец, когда мужская половина гостей изрядно захмелела и слышались звуки клавесина, приглашающие к танцам, Павел возгласил:

— Друзья мои! Еще один, последний тост! Я прошу поднять бокалы за здоровье моего скромного друга, за его одаренность, за его настойчивость, за благородство души, за его стремления, которые, я уверен в этом, будут осуществлены в области зодчества, а быть может и живописи. С этим другом я провел несколько лет, учась у общего нашего наставника и путешествуя с ним по России и за границей. Я говорю об Андре Воронихине... В то время, когда во Франции вспыхнула и разгоралась революция, некоторые наши россияне, проживавшие в Париже, только тем и занимались, что с утра глотали устриц. В те дни я насыщался на иной манер, упиваясь событиями. А мой друг Андре весь предавался искусству, он оставался жаден до пищи духовной. Изучением зодчества и живописи, изготовлением чертежей, чтением Витрувия, Альберти и Виньоли и других великих мастеров архитектуры, — вот чем неусыпно и страстно занимался мой друг, мой товарищ, мой брат!.. За будущие его успехи, друзья мои!..

Все встали с мест и подняли бокалы. Павел звонко чокнулся с Воронихиным:

— Не забывайте меня, Андре, жду вас в гости в Братцево, и чем скорее, тем лучше.

Через неделю Павел прибыл в имение Братцево в усадьбу своей матери Екатерины Петровны. Приняла она полузабытого сына так же сухо и холодно, как принимала любого из своих близких и дальних родственников. При-

пухшая, с темными подглазницами, она, полулежа в кровати, обложенная подушками, протянула сыну руку для поцелуя:

— Это ты, мой Попо! Я счастлива видеть тебя. Надолго ли, какими судьбами? И как это тебя отпустил отец?.. Письмо? От графа?

Трубецкая небрежно разорвала конверт, быстро прочла послание старого графа и не проявила никаких признаков удивления.

— Гм, по воле государыни. Вот как!.. Блудного сына вернули в материнское лоно... Что ж, я рада: живи, мой мальчик, живи у меня. Я не боюсь твоей парижской испорченности, как ныне пугается Екатерина всего, что идет из Франции. В былые времена я у самого Вольтера с отцом твоим не раз бывала. Всё, что старик предсказывал, всё, всё ныне сбылось!.. Ужасно всё это... Ужели никто и никогда не увидит уже более той прекрасной Франции?..

Павлу были отведены комнаты в доме опальной мамыши. Имение было богатое, в красивой, заросшей дубравами местности. Скучать молодому графу здесь не приходилось. Он ездил по окрестным деревням, не чуждался бывать в народе, видимо, выполняя совет Жильбера Ромма. Наставнику своему он писал еще с дороги, когда возвращался в Петербург из Парижа, и только теперь, в Братцево, пришло от него ответное письмо. Ромм никак не представлял себе, что Екатерина разлучит Павла с отцом и Ворониным, он, между прочим, писал любезному Попо о последнем: «...Устройте у себя отдельный стол, где бы вы могли вспомнить Киев и Женеву, где с вашими друзьями будут обращаться так же, как с вами, без предпочтения, без этикета, без принуждения. Пусть добрый Воронихин занимает маленький угол в вашем помещении и живет вместе с вами...»

Изредка Павел Строганов, живя в Братцево, получал письма от Воронихина, последний решил даже отправить через него письмо Жильберу Ромму, преисполненное добрых чувств и приятных воспоминаний. Письмо Андрея Никифоровича носило характер дружеского послания, в нем не было ни малейшего намека на политические вопросы. И это не удивило «революционера» Поля Очера. То ли Андре осторожничал, дабы не дать «черным кабинетам» выудить строки из его письма, то ли это был новый признак равнодушия Воронихина к политике, — не всё ли

равно. Павел прочел письмо, улыбнулся и подумал: «Какие же мы с ним разные. И всё-таки нельзя не любить нашего милого Андре». Письмо Воронихина он отослал Ромму в пакете со своей фамильной сургучной печатью, отнюдь не препятствовавшей почтовым чиновникам рыться в его переписке.

Имя Жильбера Ромма было на строгом учете, как имя опасного якобинца, имеющего связи в России, объездившего всю ее вдоль и поперек.

Однако переписка его со Строгановым и Воронихиным была весьма безобидной, дружеской. Вот одно из писем Ромма, посланное им через Павла для Воронихина:

«Вы мне доставили очень большое удовольствие, мой дорогой Воронихин, тем, что вспомнили обо мне. Мне не нужно выражать вам свою привязанность, на которую я себя обрек; мне не нужно также уверять себя, что вы не совсем забыли меня. Я слишком хорошо знаю ваше сердце, чтобы причинить ему подобную обиду, но я страдал от молчания, которого не ожидал; я знаю его причину, и она доставляла мне мучительную тягость. Вы, наконец, избавили меня от этой тяжести, и моя первая, моя единственная забота — засвидетельствовать вам глубокую благодарность. И я также, мой добрый друг, сохраню драгоценные воспоминания, возвращайте их мне всё более и более дорогими, давая мне время от времени уверенность, что они для вас так же драгоценны, как и для меня.. Прощайте, мой дорогой Воронихин, продолжайте всегда оставаться самим собой, и вы будете еще долго наслаждаться счастьем, и вы заставите наслаждаться им ваших искренних друзей. Прощайте, я вас обнимаю так же, как я вас люблю».

Понемногу Павел стал остывать от парижских впечатлений. В окрестностях Братцева, во многих подмосковных усадьбах и в самой Москве он находил немало чем развлечься в обществе праздно живущих вельмож. Больше всего его привлекало имение Городня, где на попечении старой княгини Натальи Петровны Голицыной, пережившей шесть коронованных повелителей, находилась образованная и красотою не обиженная дочь София. В обществе княгини Натальи и княжны Софии Голицыной Павел все чаще и чаще стал проводить время. Наталья Петровна немало жила за границей, была знакома и с королями и с

различными знаменитостями; при первых же залпах парижан, громивших Бастилию, опрометью бежала из Парижа. Наталья Петровна, будучи всю свою жизнь близка к российскому царствующему дому, никогда не пугалась дворцовых переворотов и отлично преуспевала в придворных интригах. Но видно, годы уже были не те, и события во Франции потрясли и напугали княгиню.

В обществе старухи Голицыной Павлу было скучно; взгляды их во многом не совпадали. И тем не менее усадьба в Городне стала для него одним из самых заманчивых и любимых мест. Княжна София вскружила ему голову. Павел решил, что княжна, конечно, не чета Теруани де Мерикур, но что лучшего уже не сыщешь. Он предложил «руку и сердце» Софии Владимировне и не встретил при этом ни малейшего сопротивления. Жизнь Павла, отгулявшего свою бурную молодость и томившегося одиночеством, скрасилась удачной женитьбой.

Был ли Воронихин в Братцево и Городне на свадьбе у своего друга, остается неизвестным. Но когда княгиня Голицына задумала перестроить свою усадьбу, Павел Александрович Строганов рекомендовал ей своего друга, начинающего архитектора, Андрея Воронихина. За способности его Павел Строганов ручался вполне.

ПЕРВЫЕ РАБОТЫ ВОРОНИХИНА

Екатерина Вторая знала о расточительности графа Строганова, о его широком гостеприимстве, о крупных расходах на редчайшие произведения искусства, о том, что он не жалеет денег и на изгнанных в Братцево бывшую супругу и сына Павла. Царица отзывалась о Строганове, как о человеке редчайшей доброты и большого ума, иногда обращалась к нему за советами и не прочь была пошутить над добродушным и по-своему несчастливым графом.

— Вот человек, — говорила она, — который тщетно старается разорить себя и никак не преуспевает в этом...

Да, разориться графу при его огромных богатствах было невозможно. Даже поджоги имений, заводов, ему принадлежавших, на Вычегде, в Прикамье и иных местах мало тревожили графа, — они приносили ему незначительный ущерб.

Ни развод с Трубежкой, ни высылка сына не подейство-

вали столь ошеломляюще на графа, как пожар, случившийся в его замечательном дворце на Невском проспекте у реки Мойки. Картины великих мастеров живописи, эстампы, коллекции монет, сокровища минералогического кабинета и прочие ценности — всё было спасено от огня, но внутренняя отделка почти во всех комнатах и залах дворца была уничтожена пожаром. Как же было не горевать графу по поводу постигшего его бедствия? Мало было в Петербурге дворцов, подобных Строгановскому, построенному самим Растрелли!.. По своему внешнему виду и внутреннему великолепию дворец Строганова соперничал с дворцами русских царей. Фасад, выходящий на Невский проспект и на Мойку, окрашенный в светлые тона и увенчанный лепкой, придавал дворцу весьма торжественный вид. Каждый прохожий и проезжий не мог не любоваться на это лучшее здание Невского проспекта. И вдруг — пожар. Рухнувшая крыша, зияющие темные впадины окон, запах гари и золы, развеянной по опустевшим анфиладам комнат, — всё это производило удручающее впечатление. Строитель дворца отошел «в жизнь вечную». Теперь другому архитектору предстояло восстановить дворец в его былой красоте, вновь отстроить его, с некоторыми изменениями в духе времени, но и в духе прекрасного творения Растрелли. Мощные стены дворца выдержали, не пострадали от огня, а чертежи комнат, залов и рисунки интерьеров со всеми их лепными деталями, орнаментами, плафонами были спасены от пожара.

Александр Сергеевич выписал из своих прикамских вотчин плотников, столяров, художников-лепщиков и иных мастеров, потребных при восстановлении дворца. С большим тщанием, еще и еще раз просматривал он воронихинские чертежи, хранившиеся в альбомах, изучал его архитектурные пейзажи, зарисованные во время путешествий по России и за границей. Воронихину — вот кому решил он поручить перестройку и отделку дворца. «Этот справится: есть у него талант, есть трудолюбие, честность и образование...» — думал Строганов о Воронихине, вошедшем в полное его доверие и ставшем его любимцем. Сближало графа с Воронихиным и тщетно прикрываемое родство, и то, что Воронихин, как и старый граф, и многие в ту пору представители столичных верхних слоев образованной публики, примыкал к одной из групп петербургских масонов. Воронихин уже обладал не только

внешними отличиями члена этого ордена, — лопатой каменщика, брелоком в виде лопатки, перстнем с изображением черепа, медным крестом в виде кинжала и тому подобными атрибутами, — но и убеждением, воспринятым из литературы и бесед в ложе «совершенного согласия». Он уверовал в возможность пересоздания мира в духе любви и братства из людей разных религий, бедных и богатых, простых и знатных; это всё-таки не французское неистовое якобинство.

Екатерина не любила масонов, однако относилась к ним с насмешливым равнодушием, как к людям, увлекающимся безопасными бреднями.

Окруженный и обслуживаемый многочисленной дворовой челядью, граф Строганов жил в уцелевших после пожара комнатах нижнего этажа с малыми окнами, выходящими во двор. В этих комнатах когда-то помещались сын его Павел, Воронихин и Ромм, тут же находилась и библиотека.

Однажды граф позвал Воронихина и, выложив перед ним сохранившиеся зарисовки интерьеров, спросил:

— Скажи, мой дорогой Андре, имеешь ли смелость взять на себя заботу по восстановлению дворца в прежнем его виде?

Воронихина не смутила неожиданность графского предложения, он ответил:

— Дозвольте, ваше сиятельство, ознакомиться с бумагами и подумать. А затем, почитаю справедливым сам сделать рисунки некоторых комнат, коридоров, вестибюлей с полной моделировкой стен, сводов, пролетов, балконов внутренних, балюстрад и прочего, дабы вы наглядно могли себе представить, как мыслю я учинить перестройку.

— Хорошо, Андре. Делай сообразно рисункам, а если будет надобность изменений, не весьма существенных против Растрелли, но обещающих наибольшие удобства и красоту, допускай таковые в согласии со мной. Ум хорошо, а два лучше. Действуй...

Радостно взволнованный, Воронихин принялся за работу. Осматривал обгорелые комнаты, измерял их, проверял прочность стен и перекрытий; в своем рабочем кабинете набрасывал схемы, лепил образцы рельефных украшений, строил макеты. Целые дни и долгие вечера, далеко за полночь, проходили в подготовительных работах. А потом стали прибывать из далекого Камского Усолья

десятки и сотни строгановских людей — строителей, набивших руку на каменных кладках соликамских церквей и особняков. Были среди них мастера по внутренним отделкам, краснодеревцы, резчики сольвычегодские, живописцы галичские, умевшие художественно расписывать стены и плафоны, штукатуры, лепщики, мраморщики и прочие отборные мастера.

Обгоревший дворец обнесли высоким крашеным забором, клетками лесов и — закипела работа. Мертвые стены здания стали оживать, приобретая свой прежний вид.

Люди разных профессий трудились в две очереди — дено и ношно. По ночам — при грандиозном освещении кулибинских фонарей и зеркальных рефлекторов — Строгановский дворец, охваченный строительной горячкой, привлекал множество зрителей. На Полицейском мосту, на Невском толпилась публика, участливо наблюдая за работой строгановских смысленных холопов. Всё шире и шире полз по столице слухок, что у старого графа не только дешёвая рабочая сила взята из его владений, но даже архитектор и тот из холопов выучен и на волю пущен, но оставлен при его сиятельстве дворцовым зодчим, поскольку не то самому графу, не то покойному барону приходится он незаконным сыном. На чужой роток не накинешь платок. Воронихин с безразличием относился к подобным разговорам, да и не были они ему в новинку. В этот период первой и серьёзной работы он неуспешно следил, как отобранные им люди выполняли его распоряжения. Одни работали над восстановлением парадной лестницы, ставили колонны, увенчанные легкими капителями, раскрашивали своды, отделывали мрамором стены. Другие трудились над восстановлением большой и малой столовых, украшая их пилястрами и барельефами, обставляя зеркалами и расписывая плафоны. Скульптор Прокофьев, привлечённый Воронихиным к работе, руководил лепщиками и сам лепил более сложные барельефы в биллиардной комнате. Художники переписывали с эстампов Рафаэлены арабески, украшая ими стены гостиной. Одновременно шла облицовка мрамором кабинета, выходящего окнами на Мойку, а также минералогического кабинета, где ранее хранились за балюстрадами на хорах богатые коллекции минералов.

Быстро восстанавливался графский дворец. Строганова радовала не только быстрота перестройки, но и то, что

Воронихин умел подбирать людей, зная, кого куда поставить, в чем поправить и научить.

Андрей Никифорович контролировал и распоряжался, кроме того, он взял на себя главную, наиболее трудную задачу — заново восстановить зал Строгановской картинной галереи. Отделка этого изящного зала понравилась старому графу. Он сказал Воронихину:

— Дорогой Андре! Преотлично! Умело изменены устаревшие интерьеры. Сам Растрелли не обиделся бы на твои поправки. Ни одной лишней детали в украшениях, строго и умно. А когда будут размещены здесь шедевры живописи и расставлена мебель, ты изобрази, ради меня, на картоне этот зал натурально, как есть... И еще, гляжу я на твоё старание, Андре, а думы мои забегают вперед: хочу тебе доверить строение загородной дачи в Новой Деревне на моем участке, что на Мандуровой мызе. Побывай там, осмотри местность и делай проект. За отличие и успехи будешь ты вознагражден без обиды. Ни в чем стеснен не будешь, таланту нужен размах. Постройшь и себе дачу с флигелем для помощников.

— Ваше сиятельство, премного благодарю вас за оценку трудов моих. Но зачем мне, одинокому, дача? Разве для работных людей, для чертежников и писарей флигелек не мешает построить, — ответил Воронихин.

— Андре, не век тебе быть одиноким. В тридцать лет пора подумать о женитьбе.

— Подожду еще, ваше сиятельство... К чему спешить...

— Вольному воля. Пожалуй, ты прав: человеку, занятому искусствами, бывает и семья помехой. Подобное неприятство мною испытано на своем опыте...

Воронихина пока не прельщала мысль о женитьбе, однако он понимал, что иметь собственную дачу с удобствами для жизни и работы было бы не так плохо. «Будет дача, можно и стряпуху-прислугу свою иметь; мать из деревни в Питер выписать; гостей, друзей принять иногда...» Но дела у Воронихина было много, и мыслям о даче не оставалось места в голове.

Строгановский дворец был полностью восстановлен с незначительными отступлениями от старомодных пышных украшений елизаветинских времен, ибо новое екатерининское время подсказывало другую, более строгую манеру в отделке зданий. Снова в Строгановском дворце пошли

балы, приемы, встречи знатных особ и представителей искусств.

В свободные часы Воронихин начал пером зарисовывать контуры картинной галереи. Надо было воспроизвести перспективу соединенных залов, тонкости архитектурных деталей, скульптурной лепки и освещенную дневным светом стену, сплошь завешанную картинами великих мастеров. Казалось бы, замысел прост — дать в застывшем состоянии ряд соединенных дворцовых залов, сделать грубоватые намеки акварелью и гуашью всех лепных, живописных и архитектурных деталей и кончить на этом беглый набросок. Но Воронихин не хотел наскоро писать эскиз, он решил создать произведение, в котором сочетался бы показ трех знатнейших искусств: живописи — в картинах знаменитых художников; архитектуры — в изображении удлиненного зала с ионическими колоннами, поддерживающими своды и карнизы, украшенные лепкой; скульптуры — барельефов и горельефов работы Пименова. Нужно было показать и образцы прикладного искусства: подсвечники, люстры тончайшей работы крепостных чеканщиков, мебель, украшенную золотом и шелком. Всё это было превосходно, со знанием дела изображено художником-зодчим. Особенно удалось Воронихину передать свет, падающий из окон в залы, и воспроизвести картины на стенах, так что можно было без труда отличить Ван-Дейка от Рубенса, выделить особо ярко наиболее редкие и любимые из них. Однажды Строганов подошел посмотреть эту работу Андрея. Восхищенный точностью и изяществом воронихинского рисунка, граф сказал:

— Ну, Андре, ты вдвойне талантлив. Не боюсь хвалить, ибо похвала не может испортить художника. Да, вдвойне!.. Сам от начала до конца восстановил ты эти залы, привел их в такой великолепный вид, и сам прекрасно изобразил акварелью. Здесь гуашь и след пера почти незаметны. Благодарю, Андре, благодарю... Однако не находишь ли ты, друг мой, что здесь чего-то недостает?..

— Нахожу, ваше сиятельство, — ответил Воронихин. — Недостает людей. Вся живность изображена лишь в виде канарейки в клетке над первым справа окном. Этого мало. Нужны фигуры людей и на первом плане и в отдалении перед вторым и третьим залом. Разрешите, Александр Сергеевич, устранить эту погрешность?

— Работай, Андре; надеюсь, вкус тебе не изменит. Какие хочешь внести дополнения, поведай мне.

— Вот здесь, слева, на первом плане в среднем кресле хотел бы поместить вас. За круглым столиком. Отдыхающим, в полудремоте...

— ...и чтобы у ног возлежал мой любимый мопс, — добавил граф.

— Справа, в тени у двери, надлежит поставить три фигуры: купца, пришедшего к вам якобы по делу; около купца — лакея с камердинером. Да еще подальше, за колоннами, будет кое-кто из знатных посетителей, человек пять-шесть, рассматривать ваши редчайшие картины...

— Задумано верно, работай, Андре. Но знай: твоя акварель будет собственностью Строгановской, как и эти залы, — навсегда!.. Работай — вознагражу. Да, еще вот что, друг мой, годы-то мои идут. Художники грешат перед вельможами, подкрашивая их вопреки правде. А ты так пиши, как делает портретные бюсты Шубин, без прикрас, без боязни. Что ж, Андре, было время и меня изображали живописцы Ротари, Лампи, Рослен и Варнек то юношей-красавцем, то умником, соответственно моему сану. Теперь годы берут свое: стар я и немощен. Однако еще поживу!.. Изображай меня, Андре, и дремлющим. В мои годы захочется и тебе вздремнуть в мягком кресле.

Вскоре после завершения работ по восстановлению дворца Воронихин закончил акварелью «Строгановскую картинную галерею» и преподнес ее графу. Александр Сергеевич до слез смеялся над своим изображением и над безобразным, покорно вытянувшимся у его ног мопсом, и над купцом, стоящим у двери и ожидающим, когда старому графу угодно будет обратить на него свое высокое внимание.

— Хороша вещь! — похвалил граф воронихинскую акварель, — поистине хороша. Чем же вознагражу тебя, друг мой? Деньги? Зачем тебе деньги, ты сам золото... Поезжай-ка на лето в Братцево и Городню к моему шальному Попо. Отдохни, запасись здоровьем, а к осени — обратно. Ежели скучно будет, дело и там найдется. Слышно, княгиня Голицына, теща Попо, усадьбу намерена строить, глядишь, понадобится. Голова твоя — золото!.. Бриллиант!..

Охваченный добрыми чувствами, граф обнял Андрея и поцеловал его в гладкий высокий лоб.

ВЕСТИ ИЗ ФРАНЦИИ

Увлечшись в Петербурге перестройкой Строгановского дворца и другими делами, Воронихин почти не интересовался событиями, происходившими во Франции. Слышал о них кое от кого из вельмож, мимолетно вычитывал в «Ведомостях» и знал лишь в общих чертах, не вдаваясь и не вникая в подробности. Говорили и писали, что во Франции по-прежнему весьма беспокойно, что все державы отвернулись от нее и ждут, когда ослабевшая Франция займет прежнее свое место, оставив позади одни лишь горькие воспоминания о тяжелых прошедших годах...

В начале лета, как и советовал граф, Андрей Никифорович отправился в Братцево погостить у Павла Строганова. Попутно он задержался на два-три дня в Москве, посмотреть, что за эти годы построено нового в древней столице.

Построено было много, но самым примечательным зданием было творение зодчего Баженова — дом Пашкова на холме Моховой улицы. О намерениях своего бывшего учителя Баженова Воронихин знал еще до отъезда за границу, но только теперь пришлось ему убедиться, какая огромнейшая сила таится в этом архитекторе. Целый день провел Андрей Никифорович в доме Пашкова, с неослабным вниманием изучая здание, его внешнюю и внутреннюю отделку. Вспомнил Андрей Никифорович, что несколько лет назад на этом холме был небольшой сквер, обнесенный решеткой. А теперь стоял изумительный, сказочной красоты дворец. «Вот создать бы нечто подобное, — думал Воронихин, — и можно было бы почитать себя счастливым, не зря утратившим время свое, и умереть можно было бы со спокойной совестью...» И чем дальше рассматривал он здание, тем больше оно ему нравилось не столько пышностью, сколько композицией, напоминающей загородные особняки, а красотой и великолепием превзошедшей любой из них.

В центре — трехэтажное, всего лишь с четырьмя колоннами здание; первый этаж служит основанием, на котором воздвигнется главный корпус; справа и слева два флигеля с фронтонами, лепными карнизами и с удачно к ним приставленными прямо на землю колоннами, отчего малые флигеля не затерялись в общем плане здания, соединенного могучим цоколем, галереями и балюстрадой. Пи-

лястры, увенчанные роскошными капителями из листьев аканфа, легкие вазы, стоящие над колоннами и пилястрами по краю крыши и как бы продолжающие их, две статуи по краям центральной колоннады, круглая беседка в виде купола поверху здания, — всё привлекало внимание Воронихина.

— Прекрасно, прекрасно! — твердил он. — Поистине, великий мастер! Вот редчайшее сооружение, к которому ничего нельзя добавить и от которого нечего отнять. Прикоснись к этому дому рука другого зодчего, — и эта чудесная песня, созданная гением, будет испорчена... Место выбрано весьма удачное: на такой возвышенности свет и тени так играют на выступающих деталях и выемках, что, следя за этими неуловимыми эффектами, не хочется оторвать глаз от чарующего здания. Всё учтено, всё взвешено и поставлено на свое место без малейшей помехи одному другому; даже самое солнце и то призвано украшать и возвеличивать этот дом!..

Воронихин отошел к берегу Москвы-реки и оттуда, издали, продолжал любоваться зданием.

«Как, должно быть, великолепно выглядит дом Пашкова в светлую лунную ночь! Надобно побывать около него во всякое время суток, чтобы понять, почувствовать душу поэта, создавшего песню из камня... Увидеть бы Василия Ивановича, поздравить его!» — думал, рассуждая сам с собой Воронихин. Снова зашел он в дом Пашкова и у кого-то из сведущих людей узнал, что Баженов живет за городом, но собирается в эти дни поехать в Петербург по высочайшему вызову.

— А не знаете ли, где находится Матвей Федорович Казаков и каково его здоровье? — поинтересовался Воронихин.

Ему ответили, что Казаков здоровьем не обижен, под его началом строятся сразу две церкви: одна на Маросейке — Космы и Демьяна, другая — Иоанна Предтечи на Садовой Земляной. Но сам Матвей Казаков, в полном спокойствии за своих сыновей-архитекторов, которым поручил наблюдение за постройкой храмов, уехал не то в Калугу строить усадьбу барину Еропкину, не то на Смоленщину, к купцу и промышленнику Барышникову.

Так и не пришлось Андрею Никифоровичу в этот раз повидать славных московских зодчих. До отъезда в Братцево он не пошел смотреть строящиеся казаковские церкви,

но в дом московского дворянства, в казаковский колонный зал «благородного собрания», решил пойти. Об этом зале ему уже приходилось слышать в Петербурге наилучшие отзывы. Колонный зал, созданный Матвеем Федоровичем, восхитил Воронихина беспредельно. Это было огромное прямоугольное помещение, со всех четырех сторон уставленное массивными коринфскими колоннами. Зал строгий и величественный, приспособленный для официальных и торжественных собраний московского дворянства, по замыслу зодчего мог служить для балов и представлений. Ради этого Казаков решил допустить роскошную роспись потолка, которая показалась Воронихину излишней. Впоследствии, спустя годы, эта «амурная» роспись была уничтожена пожаром и вновь не восстанавливалась...

На следующий день Воронихин выехал в Братцево.

Павел Строганов с нетерпением ожидал дорогого гостя. Обрадованный приездом Воронихина, он на той же неделе устроил пирушку, пригласив многих гостей из Москвы и соседних усадеб. Среди них были родственники матери — княгини Трубецкой — и родственники тещи — княгини Голицыной. Воронихин здесь чувствовал себя не отщепенцем и как бы не выходцем из Камского Усолья, а вполне своим человеком. Павел Строганов почитал его даже выше всех остальных гостей. Он с нескрываемым торжеством представил им Воронихина, сказав, что это и есть тот самый Андре, о котором он много им рассказывал и о котором старый граф пишет восторженные письма в связи с перестройкой дворца. В шумном веселии, происходившем в усадьбе Трубецкой, только супруга Павла Строганова — красавица, похожая на Сикстинскую мадонну Рафаэля, Софья Владимировна, чувствовала себя слегка омраченной: ее первенец, младенец Саша, прихворнул, и поэтому она часто отлучалась от гостей, бегала в детскую комнату, где нянюшки и мамушки с лекарем заодно суетились около ребенка. Между тем веселье в доме не умолкало, слышались изысканные разговоры на русском и французском языках вперемешку. Сама знаменитая Голицына, которой приходилось и с царями разговаривать и с королями танцевать, приставив лорнет к заплывшим глазам, разглядывала Воронихина и находила в его приятной внешности и манерах много общего с бароном Строгановым: «Вот ведь

от простой девки, а каков человек! Князь да и только! Скромнен? Да, но за этой внешней скромностью кроется волевая, устремленная натура!.. Шутка ли, взял на себя труд восстанавливать и исправлять непревзойденного Растрелли. Дерзко, однако похвально, стало быть чувствует в себе силу. Женить бы его. На ком только?..»

— Андре, — обратилась старая княгиня к гостю, — не спешите покидать наши палестины. Попо вас так ждал, так ждал.. Побывайте и в Городне. Я хочу, чтобы вы осмотрели мою усадьбу. Мне она ужасно надоела. Вы будущая знаменитость, — да, да, я не шучу. Составьте мне проект новой усадьбы. Быть может, вскоре вы мне его и представите на усмотрение?..

— Скоро не могу, ваше сиятельство, — сказал Воронихин. — Я очень медленно работаю, а главное, прежде чем думать о проекте сооружения, обязан я осмотреть местность, где надлежит ему быть.. И еще я должен знать желание владельцев: ради какой цели они намерены построить дом на лоне тихой деревенской природы? Будет ли это усадебный центр с управлением над множеством крестьянских душ, раскиданных в окрестностях, или же та усадьба будет только местом для веселого отдыха знатных особ?..

— Я вас понимаю, Андре. Приезжайте ко мне вместе с Попо, поживете, увидите. Я надеюсь, что вы составите план, достойный вашего дарования, — заявила Голицына.

И все вокруг поняли, что Андрей Никифорович княгине понравился и что зять ее, Павел Александрович, умеет выбирать друзей.

Вечером, при свете цветных фонарей, развешенных на деревьях в приусадебном саду, Павел Строганов и Воронихин гуляли вдвоем по заросшим травой тропинкам. Никто им не мешал. Были у друзей свои сокровенные разговоры, свои приятные воспоминания, были и печальные слухи о событиях последних лет и даже дней во Франции. Первым заговорил об этом Воронихин; он знал, что разговор о Франции будет по душе Павлу, потому и начал с вопроса:

— Скажите, Павел Александрович, как чувствует себя наш друг? Вы, полагаю, переписываетесь с ним?

— Да, переписывался, храню его письма, как святыню, могу показать, если желаешь. Но это после. Теперь наша переписка кончилась, и кончилась навсегда...

— Почему? Разошлись во мнениях?

— Нет, Андре, хотя меня дальнейшие события во Франции и разочаровали, хотя изменились мои мнения о революции. А Жильберу писать некуда, ибо он погиб, как погибают храбрые и честные люди.

Воронихин остановился от неожиданности, помрачнел, и, медленно шагнув дальше, взял под руку Павла:

— Рассказывайте, всё, всё рассказывайте: за множеством дел своих не замечал я происходящего там. Рассказывайте, готов вас слушать хоть до утра...

Они не спеша свернули в глубь сада, зашли в беседку, и там, в кругу невысоких колонн под куполом, в уединении, Воронихин услышал от Павла множество новостей.

— С тех пор как мы по милости ее величества уехали из Парижа, там совершались события самые поразительные, — начал Павел медленно, стараясь припомнить главное. — Во-первых, вскоре после нашего отъезда был убит великий оратор Мирабо... В начале прошлого года — ты это должен знать — казнен Людовик. Смертный приговор королю, вынесенный по приказу Конвента, был подписан Роммом... А потом разгорелась борьба в Конвенте между двумя партиями — жирондистами и монтаньярами. Вспыхивали восстания в Лионе, в Париже. Жирондистов заперли в тюрьму. Но и Гора недолго господствовала. Происходило страшное, чудовищное и непонятное. Каких только декретов не было вынесено за эти годы!.. Три тысячи восемьсот семьдесят декретов!.. Ромм создал даже свой «революционный календарь». Между прочим, он успел мне его прислать; покажу. Робеспьер в Конвенте предложил декретировать существование какого-то нового бога и бессмертие души. И даже справляли праздник «высшего существа» под председательством Робеспьера... Марат погиб от кинжала Шарлотты Корде... Казнили Дантона, Робеспьера, Шомета, ученого Лавуазье, поэта Шенье... Нет, видимо, они не научились ни революции делать, ни управлять собой... Я разочарован, друг мой. Я уже не тот, что был в Париже. Но, скажу по совести, любил Ромма и горько оплакивал его смерть... — Павел замолчал и белоснежным платком вытер глаза, влажные от нахлынувших воспоминаний об учителе.

Воронихин молчал и задумчиво смотрел на двух бабочек, кружившихся в беседке около зажженного фонаря.

«Вот так и люди летят на огонек, кружатся, не ведая об опасности и не предвидя гибели своей», — подумал он.

— Монтаньяры, — продолжал Павел, — более близкая к народу партия в Конвенте из революционеров-якобинцев, потерпели поражение; на время восторжествовали жирондисты, ставшие врагами революции, как и предвидел это Марат, называя их «свободоубийственной партией». Жирондисты вернулись в Конвент. И опять потекла кровь... Все передрались. Ромм и пять его товарищей были посажены в тюрьму. Назначили и день их казни... А в это время возникают новые и новые мстительные отряды «Дружество Иисуса» и «Дружество Солнца». Они рыщут, ловят и уничтожают якобинцев, народ требует хлеба и конституции, требует арестов, сам не ведая, кого и за что... И вот наш друг, сочинитель «революционного календаря», и его товарищи Гужон, Субрани и другие, узнав о смертном приговоре, разоружают стражу и их кинжалами убивают себя поочередно, не желая идти на гильотину... Вот всё, что я знаю и могу сообщить... Завтра я покажу тебе последние письма Ромма и его «революционный календарь»... Пойдем, Андре; чего доброго, нас будут искать. Мы еще успеем наговориться. Я чертовски рад твоему приезду. Здесь мне не скучно, но нет у меня друзей, подобных тебе... Отцу я писал, чтобы приблизил он тебя к Академии художеств. Что сделал он для этого? — спросил Строганов, поднимаясь с места.

— Графу Александру Сергеевичу я благодарен премного. Он открыл мне доступ в академию. Я числюсь назначенным на выполнение академической задачи, с коей справлюсь, не посрамлю ни себя, ни батюшку вашего. Но не удивляйтесь, Павел Александрович, я вошел в академию не архитектором, а «живописцем перспективы», меня нашли сильным в рассуждении рисунка «Строгановской картинной галереи». Надеюсь, однако, что смогу делом доказать и другую сторону своего искусства.

Воронихин и Павел вернулись в зал. Посредине, в глубоком кресле, откинувшись всем корпусом, важно восседала Наталья Петровна Голицына. Ее окружили гости и подобострастно в сотый раз слушали о том, как в молодые годы она запросто беседовала с Вольтером, Дидеротом, как танцевала она с двумя королями Франции...

Назавтра Павел и Воронихин устроили утренний «променад» верхом на бойких иноходцах. Хотел прокатиться

с ними и Корсаков, но княгиня Трубецкая воспрепятствовала:

— Куда? У Андре и Попо свои интересы, разговоры. Зачем им мешать? Лучше распорядись по хозяйству.

После прогулки друзья сидели в обставленном книжными шкапами кабинете Павла. Из резной холмогорской шкатулки Павел достал связку писем Ромма и составленный им печатный «революционный календарь».

Странное впечатление произвел на Воронихина этот труд их учителя. Ему показалось, что Ромм уходил в какую-то болезненную крайность; в горячую революционную жестокую пору, когда нож гильотины не просыхал от крови, нужно ли было увлекаться такими мелочами? К чему такой календарь, хотя бы и «революционный» по названию? Кому он нужен? Народ привык к григорианскому, освященному веками календарю и к христианскому летоисчислению, а тут досужий ум Ромма изобрел и провел через постановление Конвента календарь, открывающий новую эру, начиная с основания республики — 22 сентября (или Вандемьера) 1792 года!.. Воронихин листал календарь и не мог скрыть от Павла своего насмешливого отношения:

— Да что это, Павел Александрович? Вместо веками утвержденных недель, какие-то декады. Дни потеряли свои наименования, имена святых заменены именами плодов и овощей. Какой же в этом смысл?

— Смысл один, — ответил Павел: — разрушение старого и замена его новым.

— В этом новшестве, введенном нашим покойным другом, вижу я только путаницу и несурязицу. Не могу представить себе, как бы мог воспринять такой календарь наш православный русский мужик! Да полагаю, и французы от него не в восхищении. Вот злополучный месяц термидор, одиннадцатый в году, а начинается с девятнадцатого июля и кончается семнадцатого августа. Смотрите, первый день термидора в переводе на наш язык называется полба, второй — коровяк, третий — дыня, пятый — баран, двенадцатое число — солянка, пятнадцатое — овца, двадцатое — шлюз, двадцать третье — чечевица, тридцатое — мельница!.. Павел Александрович, курьез, сплошной курьез!.. Станный умница был месье Жильбер, как полагаете вы, Павел Александрович?

— Да, пожалуй!..

— Чем же кончится столь длительная мятежная обстановка во Франции? — спросил Воронихин.

— Думаю, что там не будет ни республики, ни монархии, — ответил Строганов. — В конце концов истекающий кровью народ всех сословий объединится и придумает третью форму правления. Впрочем, и в этом я не особенно уверен, — сознался Павел, — я уже перестал понимать. Сначала мне всё казалось ясным, ныне никакой ясности не вижу, густой туман и зловещие тучи вот уже сколько лет! А теперь, мой друг, посмотрите письма от Ромма. В них он весь — чуткий друг наш и рассудительный учитель.

Павел подал Андрею Никифоровичу пачку писем. Все они были писаны по-французски, четко, разборчиво и во многих из них добрым словом упоминалось имя Андре Воронихина.

Недолго гостила в Братцеве княгиня Наталья Петровна Голицына. Целым «поездом», на парах и четверках, в сопровождении ближних и дальних родственников, приживалок и прихлебателей уезжала она в свое калужское имение — Городню. В богатой рессорной карете, украшенной фамильным гербом, на мягких пружинных сиденьях блаженствовала сама княгиня. Рядом сидела ее дочь, София Владимировна, и в той же вместительной карете, в маленькой качалке, завернутый в пуховое одеяльце, лежал внук Сашенька.

Павел Строганов и Андрей Воронихин скакали верхами, то отставая, то обгоняя длинный «поезд» княгини.

В Городне Воронихин загостился, прожил в доме Голицыной не одну неделю. В те дни Павел Строганов настойчиво изучал римское право, перечитывал греческих философов, писателей и ораторов, интересовался древней историей и военными походами. К событиям последних лет он охладел и считал, что после создания сильной коалиции из европейских государств — Австрии, Германии, Англии, Голландии, Испании, Португалии и Сардинии — против одной Франции, притом расшатанной революцией, французам никак не устоять. Будут они «утихомирены», перестанут бунтарствовать, и всё опять пойдет своим чередом. Но и в этих расчетах молодой граф Строганов ошибался: всё выходило наоборот. Франция имела достаточно сил, республиканские войска били англичан, выгнали австрийцев из Бельгии, заняли Голландию, вступили в

Италию, уже вырисовывалось на горизонте грозное имя артиллерийского офицера Бонапарта. И удивлялся Павел Строганов, как же Франция — жертва революционных катастроф — не только устояла против европейской коалиции, но и одерживает победу за победой. Странно и непонятно. Тем более непонятно, что революция не завершилась, а главные ее зачинатели, бывшие любимцы народа, уже истреблены...

Когда Строганов путался в подобных раздумьях и суждениях, Воронихин говорил ему:

— Павел Александрович, не ломайте голову над вопросами внутренней жизни нынешней Франции. Рано. Не пришло еще время убедиться в том, что есть истина. Разве только через десятилетия беспристрастная история расскажет человечеству сущую правду о событиях наших дней. История, настоящая, правдивая, одинаково отмечающая людовиков и маратов, устраняющая личные страсти вожаков и предрассудки толпы, история не потерпит лжи и взаимной злобы отдельных личностей, установит правду. Зло будет низведено, добродетель восторжествует. Наше с вами дело — любить истину, стремиться к справедливости и к торжеству разума...

— В твоих словах, Андре, есть резон, — соглашался с ним Строганов, — но истина, справедливость, разум — всё это из масонского лексикона взятое. Зло и добро понимаются по-разному и потому приходят в жесточайшие столкновения. Да, хотел бы я, и как можно скорее, увидеть историю французской революции, созданную беспристрастными людьми, где черное не было бы подбелено и белое было бы без прикрас!..

— Придется подождать, — улыбаясь, сказал Воронихин и добавил: — Подождать, пока историки не отойдут на приличное расстояние от этих событий. А пока, Павел Александрович, изучайте римское право и читайте греков, готовьтесь быть деятелем...

— Как же! Приходится, положение обязывает!..

— А я, чтобы время праздно не уходило и чтобы не даром ел я хлеб в гостях, займусь составлением чертежей для постройки нового особняка княгини. Надо и вкусам ее угодить и не остаться в разладе со временем. В зодчестве, как ныне замечается, есть крутой поворот от французов в сторону греческой классики. И особенно это приметил я под Москвой, на постройках новых усадеб.

Понадобилось очень немного дней Андрею Никифоровичу, чтобы проект с рисунками внутреннего оформления нового дома был готов окончательно. Наталья Петровна приняла проект без возражений. Но к строительству княжеского особняка в Городне было приступлено не сразу. Спустя три-четыре года после пребывания здесь Воронихина Голицына писала дочери и зятю в строгановское имение Марьино, куда они в то время переехали из Братцева:

«...Здание производит самый прекрасный эффект, какой только возможен. Ну, спасибо от меня Андре, ведь это он составил план...»

Воронихин составил не только план господского дома в стиле, близком к классицизму, он оставил княгине рисунки подражающих скульптуре орнаментов, рисунки для росписи плафонов с изображением античных фигур и арабесок. Да еще княгиня пожелала, чтобы он сделал чертеж бани, какие прежде были у греков: нарисовал бы въездные ворота, должны соответствовать главному зданию, а также образец железной или чугунной решетки.

Воронихин всё это выполнил.

В конце лета другим путем — через Марьино и Лугу — Андрей Никифорович вернулся в Петербург.

ДАЧА НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

Классический стиль архитектуры упрочился в Петербурге в те годы, когда престиж Франции, охваченной революцией, упал в глазах русской аристократии. Прибывший в невшскую столицу архитектор Камерон, образованный теоретик зодчества и строитель, скоро приобрел признание в дворцовых кругах, стал любимцем Екатерины. Он был одним из зачинателей этого стиля, уходившего своими корнями в далекие века античной культуры. Камерон построил в России немного, но его влияние отразилось и на творчестве Воронихина. При жизни Екатерины к Царскосельскому дворцу, построенному Растрелли, Камерон сделал известные пристройки — агатовые комнаты в висячем саду для императрицы, баню с Камероновой галереей и отлогим спуском в сад к искусственному озеру. Там же по его проектам построены колоннада на высоком постаменте и лестницы к озеру. В Павловске

Камерон строил дворец для наследника царицы Павла и его семьи.

Угождавший новым вкусам высочайших заказчиков, шотландец Камерон привлек к себе внимание петербургских зодчих и удачно начинавшего Андрея Воронихина. К этому времени относится и воронихинский проект дачи Строганова на Черной речке, при впадении ее в Большую Невку. Желание ли самого графа или влияние нового зодчего, а всего скорей и то и другое, подсказало Воронихину при составлении проекта едва уловимые внешние черты Камероновой галереи. Но это было только внешнее, кажущееся сходство. При внимательном рассмотрении и сопоставлении этих зданий общие черты их как бы исчезали. Это была первая самостоятельная работа зодчего Воронихина, от проекта до завершения строительства. Дом княгини Голицыной в Городне по чертежу Воронихина строился без его надзора.

Граф Строганов, желавший провести остаток дней в уютной обстановке, в тишине загородной дачи, следил за составлением чертежей, не нарушая своим вмешательством творческого замысла зодчего. Одновременно, работая над проектом, Воронихин был озабочен составлением плана и устройством сада на обширном участке в районе дачи. Когда всё было Воронихиным на бумаге расчерчено, графом облюбовано и утверждено, сразу же на строительстве дачи и сада появились сотни вологодских землекопов и строителей из отдаленных северных волостей, где не было помещиков и крепостного права, где люди поселились с незапамятных времен на «черносошной» государственной земле и откуда они могли свободно уходить на тяжелые земляные и другие работы в город. Они-то и начали по проекту Воронихина копать в саду пруды, проточные каналы, укреплять и поднимать берега Невки и Черной речки, чтобы место для дачного дома было краше, нежели оно досталось графу при покупке участка на этой заброшенной Мандуровой мызе.

К удивлению Воронихина, подрядчиком у землекопов оказался не северный вольный крестьянин, а крепостной дельный мужик из строгановской вотчины, который и набирал «вольную рабочую силу» из приходивших в Питер сезонников по цене гораздо более выгодной, чем запрашивали дворяне при сдаче внаем своих крепостных. Подрядчик и десятники сначала осмотрели место, назначен-

ное для выемки земли под фундаменты, и решили расспросить Воронихина о проекте дачи, посоветоваться с ним, прежде чем начать вынимать землю под каменный фундамент. Зодчий удивился мужицкой любознательности, хотел им возразить, но решил, быть может любопытства ради, выслушать их, — как-никак у этих людей имеется опыт и глаз наметан на земляных работах.

— Так вас интересует проект дачи?

— Да, барин, надо бы посмотреть, что-то вы нам большую задачу задали: и рыть глубоконько, и булыжнику понадобится многонько; как бы вам не было лишнего расхода. Давайте вместе на план поглядим?..

— Разве я против? Давайте посмотрим, — согласился Воронихин, — только условимся: не называйте меня баринном.

— А как же прикажете?

— Андреем Никифоровичем, согласно записи при крещении. Я хоть и зодчий, но из простых.

— Ну, ваше счастье, что выучились. С циркулем да линейкой полегче работать, не то что лопатой да тачкой... А ведь и наше дело сноровки и головы требует.

Воронихин развернул перед ними свои чертежи, план дачи с фасадов, в разрезе, схему первого, каменного этажа и второго — деревянного, расстановку ионических колонн, опирающихся на цоколь первого этажа и поддерживающих крышу и купол дачи, объяснил, каким должен быть спуск к Большой Невке. Всё показал как есть и с интересом смотрел на мужиков, внимательно, прищуренными глазами разглядывавших, казалось бы, совсем непонятные им расчерченные листы.

— Легко. Красиво. Вид будет с реки и из сада тоже прелестный, — сказал подрядчик.

Десятники спросили Воронихина, какой толщины должны быть каменные стены первого этажа, велики ли будут разрезы окон, входов и выходов. Прикинув всё это на глазок да в уме, они заговорили, не споря друг с другом, а больше соглашаясь. Воронихин молча, но участливо слушал их. Потом, когда у подрядчика с десятниками кончился разговор, подрядчик обратился к архитектору:

— Вот мы так кумекаем, Андрей Никифорович, послушайте нас, а делать можете и по-своему, дело ваше, как желаете. Мы работы не боимся, нам бы народу побольше

да шей с говядиной погуше. Мы хоть насквозь всю землю до преисподней прокопаем.

Другой подхватил и продолжал недосказанное подрядчиком:

— А наш совет такой, чтобы и вас не обманывать, и себя зря не утруждать, и дело не удорожать, и лишней работой время не затягивать. Послушайте-ка: дача-то кирпичная с бревенчатым вторым этажом да с такими большими проемами для стеклянных окон и дверей будет не ахти как тяжела. А земля здесь плотная, выдюжит и не под таким строением, на этой земле хоть колокольню ставь. Ни подвала, ни погреба под низом по плану нет, значит, не надобен общий котлован, а надо прорыть лишь канавы соответственно толщине стен, а по глубине на целый аршин мельче, сообразуясь с легкостью здания...

— Сваи под фундамент тоже не просятся. Лишняя трата, — добавил третий спокойно и веско. — Тут хватит одного булыжного, скрепленного известью фундамента. А вот по берегу Невки, с передней части здания, сваи просятся в большой мере — и тяжесть лестницы, и статуи кентавров, и прочие фигуры держать, а главное, чтобы водой не подмывалась береговая стенка. Тут, Андрей Никифорович, и свайничка не жалейте и камня. А на выемке земли и на фундаменте под стены можно и выгоду иметь... Наше дело маленькое, но только и мы кое-что смекаем...

Воронихин слушал их и думал о том, что это первое его строительство. Здесь, столкнувшись с грубой черновой землекопной работой, с мужиками, чувствующими силу земли, он сразу же склонился на их сторону, доверяясь их опыту и честности. Поблагодарив их за дельный подсказ, Воронихин усвоил этот первый урок и решил, что и впредь не следует пренебрегать опытом простых людей...

Земляные работы, крепление берега, посадка деревьев в парке, подвозка камня, кирпича, распиловка выкатанных на берег бревен — всё началось дружно. Многолюдье на строительстве походило на потревоженный улей. Землекопы отвозили на тачках землю на возвышение берегов Невки и Черной речки; каменщики укладывали булыжник под кладку цоколя, с барок сгружали на берег негашеную известь, гальку и песок.

Граф Строганов был при закладке дачи. Он бросил под каждый угол здания по серебряному рублю с изобра-

жением Петра Первого и на длинной жерди водрузил деревянный крест в знак того, что и счастье с богатством в этой даче будут обеспечены навечно и с нечистой силой счеты сведены. Не верил граф в эти предрассудки, но для народа, для рабочих — каменщиков, плотников и землекопов — надо было соблюсти правило. Мужики, приметивши графскую щедрость, пожалели тех брошенных четырех рублей — хватило бы и по пятаку. Но не станешь же на глазах самого хозяина обменивать серебро на медяки!.. Так и ушли сверкающие белизной рубли под первые тяжелые камни фундамента. Графа от Мандуровой мызы на Мойку до дворца отвезли на раскрашенном быстром челноке, и больше на постройке дачи он не показывался...

У Воронихина было немало и других мелких работ на строительстве садовых павильонов и мостов в Павловском парке. Он часто отлучался туда к Камерону. Была тому и другая причина. На четвертом десятке лет пора всерьез подумывать о женитьбе. В Павловске же на строительстве, в Стрельне и Петергофе стала часто появляться помощница зодчего Камерона, чертежница Мери Лонг, англичанка, дочь британского пастора. Знакомство Воронихина с ней заводилось не спеша и не сразу перешло в дружбу. Встречались они на совместных работах. Мери Лонг несколько раз возобновляла в своем посольстве паспорт для проживания в Санкт-Петербурге. Не раз из Павловска Андрей Никифорович привозил ее на Мандурову мызу, где они вместе наблюдали за ходом строительства Строгановской дачи. Мери Лонг восхищалась, говорила комплименты архитектору и хвалила русских мужиков-строителей — таких трудолюбивых, выносливых и терпеливых.

— У нас в Англии, Андре, таких дешевых и столь нетребовательных рабочих нет, — сказала однажды Лонг, наблюдая за вологодскими и других губерний строителями. — Какая-то очень добросовестная, безмолвная, не ведающая устали сила...

— В России это не в диковину, Мери; может быть, это оттого, что народ наш не принадлежит сам себе и поэтому мирится со всеми тягостями. Впрочем, русский человек не почитает труд за тягость.

— Как же можно не принадлежать себе? Разве это все люди графа Строганова? Мне известно, что на севере России нет крепостного права и что Строгановы пользуются

людьми вольными, беглыми и даже берут себе на службу пленных, искусных в мастерстве людей. Так ли это?..

— Во владениях графа на Вычегде и Каме — десятки тысяч вольных, бежавших и сто двадцать три тысячи крепостных. У графа всякие есть люди, — отвечал Воронихин. — Надо полагать, столь владетельного человека, господствующего над людьми, нет у вас в Англии?

— Как сказать; у Англии есть собственные колонии, а там миллионы людей...

— Да, я упустил из виду, что ваша держава — хозяйка многих островов и владычица морей, — проговорил Воронихин, наблюдая, как строители бечевами и лебедками поднимали колонны на выступ первого этажа, уже вполне получившего свои очертания.

Они обошли вокруг строившейся дачи; наклонившись и осторожно ступая по доскам, проникли внутрь первого этажа.

— Здесь будет вестибюль, вход с реки от пристани и через зал в парк. В вестибюле при желании можно устраивать балы и собрания. Верхний этаж, окруженный галереей из ионических колонн, будет весьма легок и почти весь из стекла. Там разместится графская библиотека. Для жилья будет в парке другой дом, неподалеку от этого главного дачного здания.

— Прекрасное место, — сказала Лонг: — две реки, парк, пруд, каналы, аллеи. Наш Камерон мог бы здесь применить свои фантазии.

— Кое-что и мы сделаем, — ответил Воронихин. — Поучимся и у Камерона, не отбросим и французской манеры, а у греков учиться и сам бог велел. А сделаем всё-таки так, как русский вкус требует. Графу мой план понравился, а его сиятельство видал на своем веку сотни всяких дач.

В тот раз, когда легко и умело строители ставили колонны, окружая ими верхний этаж, Мери Лонг, плохо владевшая русским языком, пожелала, с помощью Воронихина, побеседовать с мужиками. Когда те во время перерыва уселись пообедать, Воронихин и Мери подошли поближе к одной из артелей. С завидным аппетитом, вприкуску с ржаным хлебом, мужики деревянными ложками хлебали что-то похожее на жидкое тесто.

— Что, мужички, кушаете? — поинтересовалась Мери Лонг.

— Мы-то, барыня, не кушаем, — ответил один из се-

зонников, — а лопаем, то бишь брюхо набиваем... А пища наша хлебовом именуется, тяпушкой величается. Овсяная мука на голом квасе по всем постным дням. Обедает — за ушами пищит, отобедаем — в брюхе трещит...

— Андре, поясните, что они говорят? Не понимаю.

Воронихин, смягчая мужицкую прибауточную речь, разъяснил ей. Тогда Мери Лонг, осмелев, снова спросила:

— Из каких вы мест и кто ваш владелец?

На этот вопрос любознательной англичанки было отвечено другим, не менее речистым крестьянином:

— Мы из тех мест, откуда и каждый лез... а роду мы крестьянского из-за лесу да из-за гор, где недород да недобор. Из деревни мы из Надсадной, волости Неотрадной, уезда Насиловского, губерния наша Грабиловская. А хозяйка, наша владелица, барыня Нуждакова. Она и пригнала нас в город...

Кто-то из сезонников засмеялся, кто-то сказал:

— Не надо бы так...

— Как красиво он отвечает: Но я опять ничего не поняла, чувствую, в словах есть насмешливое, злое. Поясните, Андре...

— Пойдемте, Мери, пусть они на здоровье обедают, а то еще не такое скажут. Они, эти вологодцы да архангелогородцы, на язык острые. И пока не наедятся досыта — злые...

Взяв Мери Лонг под руку, Воронихин отвел ее в сторону аллеи. Там они сели против круглого пруда, аккуратно обложенного дерном и заселенного карасями и водоплавающей птицей.

— Аллея вся будет обставлена вазами. На берегу пруда будут сооружены два гранитных сфинкса. У малого пруда, как бы на страже, будет стоять Нептун с трезубцем. Здесь много воды, морскому богу в парке не зазорно, — пояснял Воронихин, показывая Мери Лонг расположение и планировку сада. — Когда дача будет построена, — продолжал он, — сюда станут стекаться графские гости. Удобно здесь, в парковой тиши, собираться масонам. Потому и библиотека поместится в стеклянном зале за галереей для общего пользования всех посвященных в степень «мастеров» и «товарищей».

— А когда же себе будете строить виллу? — спросила Лонг Андрея Никифоровича, думая о чем-то другом.

— Граф позволяет мне строить хоть сейчас. Место отведено недалеко отсюда. Моя дача будет скромна, для жития и работы. Ни пирушек, ни сборищ в ней не будет. Для чертежников и ближайших помощников построю флигель. Есть мечта, для вас не тайная: хочу, чтобы чертежная мастерская при моей будущей даче была возглавлена Мери Лонг...

— Она не возражает. Стройте скорее, не теряйте, Андре, дорогое время... — Этими словами было многое сказано, и застенчивому, под сорок лет, холостяку Воронихину оставалось только ответить ей счастливой улыбкой.

Наконец, в пределах предусмотренного планом времени, дача на Черной речке была построена. Как подобает, по приглашению графа благочинный поп с дьяконом отслужили водосвятный молебен. В верхнем этаже, в уголке под лепным карнизом в окружении безбожных, обнаженных рельефных фигур повесили еле-еле заметный, в серебряном облачении, образок Иисуса Христа, и с этого часа дача на Черной речке стала местом привлекательным не только для друзей старого графа. Сюда приходили, как в своеобразный храм, на сборища петербургские масоны. На одном из первых же собраний в этом новом доме, построенном якобы для благовидных целей масонства, Воронихина поздравляли с удачей и пожелали ему еще более крупных успехов в зодчестве. Сам Строганов предложил из «мастеров» поднять Воронихина на ступень выше, то есть произвести его в «товарищи» и оказывать ему полное доверие, как равному среди равных высшего света. Старому графу построенная Воронихиным дача на Черной речке нравилась во всех отношениях. Во-первых, не была она похожа ни на одну из загородных дач других вельмож и сановников; во-вторых, она чем-то по стилю напоминала модную в то время, построенную для царицы, Камеронову галерею, хотя и на нее была мало похожа.

— Угодил, Андре, опять угодил... Построил то, что надобно, — хвалил граф Воронихина. А на одном из собраний масонов в светлом зале второго этажа граф, выслушав похвальные отзывы друзей об этой даче, сказал: — Не называйте эту дачу строгановской, зовите «воронихинской дачей». Пусть будет присвоено ей имя зодчего, а не владельца.

— Достоин похвалы и вознаграждений достоин! — сказал присутствовавший при этом глава ложи. — Умному

человеку награды и поощрения голову не затемнят. Будем же, братья, называть дачу на Черной речке «воронихинской» — по достоинству ее строителя и нашего товарища... Кстати, где сейчас Андрей Никифорович? — спросил он, оглядывая гостей, — почему его нет среди нас?..

— Он на плотях, — ответил Строганов.

— То есть как на плотях?

— На плотях подаренного ему для дачи леса, — пояснил граф и, распахнув стеклянную дверь, показал на противоположную сторону Большой Невки. Там, у самого берега, на сплоченных сосновых бревнах босоногие бабы полоскали белье, сгучающий, пригретый солнцем старичок удил рыбу, а на головной части плота, составленной из бревен толщиной в два обхвата, стоял за мольбертом Воронихин.

— Вот он, наш Андре. Пишет картину «Дача на Черной речке». У него и циркуль зодчего, и кисть художника из рук не валятся. Хорошо, друзья, быть человеком, для которого творчество превышает праздности и наслаждений. Андре из таких... — И, чтобы не отвлекать его внимания, Строганов снова закрыл дверь, ведущую из библиотеки на галерею...

В те яркие солнечные дни теплого и бодрого петербургского лета после окончания строительства дачи и устройства парка Воронихин был вправе считать, что его архитектурная работа — восстановление Строгановского дворца и особенно дача на Черной речке — дает ему право на звание академика. Но в Академии художеств существовало строгое правило принимать в число избранных по назначению. Воронихин всё еще числился «назначенным» кандидатом, но не по архитектуре, а по живописи, за картину «Строгановская картинная галерея». Подошел срок оправдать «назначение», выполнить следующую работу в живописи на звание академика. Вот почему искусный зодчий Воронихин, построив дачу на Черной речке, был вынужден писать с нее еще и картину, дабы пройти баллотировку по классу перспективной живописи. И это ему удалось.

ОСНОВАНИЕ КАЗАНСКОГО СОБОРА

Современники и сотоварищи Воронихина по зодчеству невольно спрашивали себя: «Как же так могло случиться, что архитектор, построивший всего лишь какую-то дачу на

Черной речке, мог взять на себя смелость строить одно из самых величественных зданий в столице и получить на сей счет высочайшее утверждение?..»

Такой вопрос не был случаен еще и потому, что в составлении проекта Казанского собора соревновались и другие зодчие с громкими именами; среди них был Камерон.

Мысль о постройке в Петербурге нового собора возникла у Павла Первого еще до того времени, как он стал императором. Она появилась у наследника во время его путешествия по Европе в 1781—1782 годах. Павел побывал в Италии, восхитился собором Петра в Риме и захотел иметь нечто подобное в Петербурге. Разумеется, при жизни матушки Екатерины Павлу нечего было и думать об этом. Но желание будущего императора не держалось в тайне от Александра Сергеевича Строганова. Граф был близок к наследнику Екатерины, еще когда тот обучался у небезызвестного наставника Порошина. Желание Павла воздвигнуть собор нашло своего деятельного сторонника в лице Строганова. Заблаговременно знал об этом и любимец Строганова архитектор Андрей Воронихин. К тому времени Андрей Никифорович упрочился в звании архитектора-академика, и прошлое положение крепостного было навсегда позабыто.

В бумагах Воронихина уже давно бережно хранилась следующего содержания «отпускная грамота».

«Я, А. С. Строганов, в роде своем не последний, отпустил крепостного своего дворового человека Андрея Никифоровича сына Воронихина, который достался мне по наследству после покойного родителя моего барона С. Г. Строганова... И вольно ему, Воронихину, с сею моею отпускною записаться на службу, в цех, в купечество, или у кого он в услужении быть пожелает, и впредь мне, графу, и наследникам моим до него, Воронихина, и до будущих потомков его дела нет и не вступаться...»

Воронихин пожелал «в услужении быть» у Строганова, да иначе и быть не могло. Скрытое и в какой-то мере явное родство обязывало к этому и графа и благодетельствованного им «дворового» человека.

24 ноября 1800 года из Гатчины Павел Первый в своем указе предписал генералу фон дер Палену:

«Я поручил архитектору Камерону составить проект Казанской церкви в Санкт-Петербурге. Уведомляю Вас о

сем для того, чтобы Вы оказали ему содействие, сделав распоряжение. Благосклонный к Вам Павел».

А между тем, независимо от этого императорского поручения, данного Камерону, Андрей Воронихин, не иначе как по подсказу Строганова, уже тщательно работал над различными вариантами проекта Казанского собора. И все они были преемственно оригинальны, каждый по-своему хорош, не подражателен. Со дня предписания Павла Первого о постройке собора и до момента утверждения проекта прошло всего лишь полтора месяца. Естественно, не за этот короткий срок Воронихин смог составить чертежи и детально, с внешней и внутренней стороны, разработать свои предварительные проекты, которые и были представлены Павлу графом Строгановым.

Проект Камерона был забракован. Павел и Строганов сошлись во мнениях, что лучше принять план собора русского зодчего, нежели человека не православного, англичанина Камерона; к тому же проект Воронихина с колоннадой, выходящей на Невский проспект, напомнил Павлу римскую колоннаду Бернини. Одной из важных причин предпочтения, оказанного проекту Воронихина, было и то, что Камерон считался любимцем Екатерины, а Павел не жаловал ее любимчиков. Павел верил понимавшему и разборчивому в искусствах графу Строганову, а тот, в свою очередь, верил в способности Воронихина.

«Комиссия о построении Казанской церкви» — так именовала она себя — 8 января 1801 года, во главе со Строгановым, явилась к императору окончательно утверждать воронихинский проект.

Комиссия определила расходную смету в сумме 2843 434 рубля и, подчиняясь повелению Павла, обязалась построить собор в три года. Павел согласился со всем, кроме постройки колокольни и дома для церковнослужителей. Вычеркнув эти расходы, он учинил надпись: «Кроме сих статей, быть по сему», — и собственноручно определил жалованье архитектору три тысячи рублей в год. По тем временам плата немалая, сообразуясь с тем, что рабочий каменщик получал не более трехсот рублей в год. Хотел было при этом граф Строганов сказать слово в защиту колокольни, но понял, что его соображение напрасно, так как Павел, словно предупреждая его, вычеркивая из сметы колокольню, пробурчал тоном, не терпящим возражений:

— В Риме у Петра нет колокольни, а нам она и подавно ни к чему!.. Что касается церковнослужителей — эти без жилья не останутся. Итого сто восемьдесят шесть тысяч и восемьсот восемнадцать рублей выгоды...

Две недели после утверждения проекта Андрей Никифорович составлял опись работ и реестры материалов, необходимых для начала строительства. Комиссия с первых же шагов работы поручила контроль над строительством архитектору Ивану Егоровичу Старову, как «производившему великолепные здания и знающему совершенно в практике укреплять строения».

За этим последовал подбор и наем помощников. Воронихин, в свое время поработав в Павловске у Камерона и на строительстве дачи на Черной речке и соприкасаясь с делами других зодчих Петербурга, знал многих искусных мастеров лично. В скором времени все основные помощники были подобраны и обязанности между ними распределены. Руководителем чертежной мастерской был назначен академик Михайлов, земляными работами ведал Чижев, каменными работами распорядились поначалу иностранцы Руджи и Руско, проверкой добротности материалов было поручено заниматься академику Филиппову, на отливку воды и на забойку свай Воронихин поставил десятниками Железнякова и Попкова, на железную поковку — Кормалева. Всё это были люди, испытанные на работах, зарекомендовавшие себя честностью и трудолюбием.

Началось дело с очистки площади под строение. На участке, где должен был поместиться собор, теснилось одиннадцать мелких частных домиков, настолько мелких, что владельцам их при переселении было выдано всего лишь по 500 рублей. Зимой приступили к рытью рвов. Подрядчик Карпов обязался вынуть четыре тысячи кубических сажень земли. Не успел он со своей артелью землекопов и возчиков вынуть и первую, как в жизни Петербурга произошли значительные перемены.

В Михайловском замке дворцовые заговорщики задумали Павла Первого. Плакальщиком по царю было немного, к их числу не принадлежал, разумеется, и Воронихин. Одно лишь обстоятельство беспокоило Андрея Никифоровича: как бы новый император не изменил решения своего отца и не прекратил начатое строительство собора. Но и тут его успокоил главный шеф строительства граф Строганов.

— Колесо вертится, остановить нельзя, — сказал граф. — Двести тысяч рублей пущено в расход. Отступление быть не может. И, надо полагать, новый император будет после дворцовой встряски покладист, а в строении святыни и украшении столицы славным зданием — наипаче того. Нет причин для сомнений, Андре. Смотри лучше, чтобы нас вода не осилила и не вытеснила...

Вода просачивалась из Екатерининского канала и непрерывно заливала рвы. Опасность постоянного затопления тревожила Воронихина. Вода мешала выемке земли, мешала забойке свай и закладке фундамента. Воду отливали круглосуточно, и не было видно конца этой сизифовой работе. Отливали вручную, отливали водолейными колесными приспособлениями, архимедовыми винтами, приспособили к отливке конную тягу, а один из вологодских землекопов — Чусов, увидев несовершенство в архимедовых винтах, приладил к ним дополнительные колеса с шестернями и тем самым усилил откачку воды.

Воронихина поразила смекалка простого вологодского мужика. Андрей Никифорович когда-то читал по-латыни десять книг Марка Витрувия об архитектуре. Запомнил чертежи тимпана — подъемного колеса для откачки воды, знал и об улитке архимедовой и прочих водоотливных приспособлениях, но никогда не приходила ему в голову мысль о несовершенствах машин, созданных в древние времена гениальными людьми. А тут какой-то грамотей добавил от себя колеса и шестерни к архимедовой выдумке, описанной Витрувием еще до Рождества Христова! Увидев такие полезные новшества на откачке воды, Воронихин сначала снисходительно улыбнулся над простой мужицкой хитростью, потом одобрил эту затею и потребовал, чтобы его помощник Железняков показал ему этого диковинного мужичка Чусова. Изобретателя-самоучку вызвали в контору к самому архитектору.

Чусов явился без шапки, подпоясанный веревочкой, холщовая косоворотка застегнута единственной крупной кожаной пуговицей, на ногах непромокаемые, неуклюжие, измазанные глиной бахилы.

— К важней светлости, господин барин, приказанием водолейного мастера Железнякова послан... — Чусов низко поклонился и снова выпрямился, готовый услужить архитектору.

Воронихин, отложив в сторону чертежи, вышел из-за некрашеного дубового стола, протянул ему руку:

— Здравствуй, дружище!..

— Не могу, барин, руку дать, обе они у меня в глине. Пошел и вымыть не успел, не ведая о такой надобности!..

Но Воронихин, взяв его за широкую пятерню, которую не смог ухватить своими пальцами, как-то неловко пожал ему ладонь и спросил:

— Это твоя выдумка, колеса и шестерни к отливным винтам?

— Моя, барин!..

— Хвалю за ухватку. И вот тебе двадцать пять рублей наградных от меня лично!..

— Не могу, барин, я за жалованье работаю. И в урочное время колеса и шестерни мастерил и деньги получал сполна двадцать рублей в месяц. Грешно мне брать вторые деньги за одно дело.

— Удивительный народ! — сказал Воронихин и, свернув ассигнацию, положил обратно в карман.

— Грамотный? — спросил он Чусова.

— Как же, в нашем деле не так азбуки-веди знать надо, как цифири для подсчетов и обмеров надобны. Грамотный. Читаю и подпись поставить могу.

— Да-а, — протяжно произнес Воронихин. — Смышленный ты, брат. Ведь ты о Витрувии и слыхом не слышал, а вот колеса шестерни смог приспособить, да так удачно!..

— Ну, как сказать, господин барин, ветродувье, нам оно знакомо, — не поняв архитектора, ответил Чусов. — Ветродувьем мужик испокон веков пользуется, опять же и водой. Так что это нами и видано, и слыхано, и себе на пользу делано много раз!..

Воронихин хотел было поправить Чусова, вернее, дать понять, кто такой был Витрувий, но, скрыв улыбку, кивнул Чусову и, не прерывая его, слушал.

— Я, барин, на своем небольшом веку пять ветродувных мельниц построил в своих краях за Кубенским озером: одну в Ваганове, одну в Беркаеве, две в Зародове да еще одну у себя в Лахмокурье. И две водяных однопоставных: одну на речке Лебзовке, другую у Рукомойного брода на Меленке, так и речку прозвали — Меленкой!.. Шестерни и колеса — это, барин, себе на пользу многоенько делал!..

— Спасибо, спасибо. Прикажу жалованья тебе приба-

вить. Молодец!.. — похвалил Воронихин и, похлопав Чусова по могучему плечу, проводил его к двери.

И всем землякам в тот день Чусов говорил об архитекторе:

— Человек, ребята, Воронихин простой, ласковый, говорил со мной по душам и спасибо за шестерни сказал. Для такого человека, ребята, постараться надо. Пустое дело вода, а сколько от нее помехи. Наждем, ребята..

И народ действительно нажимал во всю силу. Вода из рвов отступала в запасные бассейны, стекала в Екатерининский канал. Как только в отдельных рвах обнажался грунт, девять чугунных баб грохали по сваям, закрепляя место под кладку бревенчатого в два ряда ростверга и каменного, из береговой плиты, фундамента

Приближалось время торжественной закладки собора. Павел не успел до своей кончины произвести закладку, хотя медная с позолоченными литерами доска была изготовлена и слова на ней вещали о том, что «благочестивейший, самодержавнейший великий государь император Павел Первый всея России в царствование его пятое лето, а великого магистерства в третье лето, — основание святому храму положил...» Не сбылись слова, крытые позолотой.

Закладывать собор пришлось Александру Первому. Царь отнесся к закладке как к важнейшему в жизни столицы событию. На торжествах, при великом народном стечении, присутствовала вся императорская фамилия, придворные, иностранные принцы и принцессы и столичная знать. Когда царь положил первый кирпич с вензелем и серебряной лопаточкой плеснул на него раствор извести, Воронихин перекрестился и вместо благодарения богу подумал:

«Ну, теперь-то не сорвется!.. Но в три года не построить... И сметы не хватит...»

Через две недели после закладки Александр Первый поехал в Москву короноваться в Кремле. Ни Воронихин, ни граф Строганов не участвовали в этом торжестве.

Для Андрея Никифоровича эти дни были отмечены другим немаловажным событием: в сентябре 1801 года состоялась его женитьба на Мери Лонг.

Жениться на иностранке было не так просто. Петербургская консистория затребовала от Воронихина «сказку» — обязательство о невступлении в чужую веру и официальную от него просьбу на разрешение законного брака

с «состоящей в реформаторском законе девицей Лонг, а от роду ей тридцатый год...» Воронихину тогда исполнилось сорок.

Мери Лонг по требованию консистории также подписала обязательство: «по сочетании брака во всю свою жизнь одного своего мужа ни прельщением, ни ласками и никакими видами в свой реформаторский закон не соблазнять».

Свадьба состоялась в Строгановском дворце на Мойке. В числе гостей был старый граф Строганов. Были и некоторые члены комиссии Казанского собора во главе со Старовым, генеральный английский консул Шафт, дозволивший Мери Лонг выйти замуж за русского зодчего.

После свадьбы жениху полагалось бы похвастать своим имуществом, богатством, слаженным хозяйством, но ничего того у Воронихина не было, за исключением довольно приличной бревенчатой на кирпичном фундаменте, пока еще недостроенной дачи. И повел он тогда свою супругу в Строгановскую картинную галерею, где хранились и его альбомы рисунков, чертежи, разные проекты и на видном месте висела известная, писанная акварелью «Строгановская галерея».

Мери знала об этой галерее, а также и о других крупнейших коллекциях картин, находившихся в руках богатых русских вельмож — Румянцевых, Потемкиных, Зубовых, Орловых и Голицыных, но она не могла никак представить себе, что такое неоценимое собрание картин находится в собственности русского вельможи. Войдя в главный зал галереи, Воронихин остановился между колоннами и, показывая на произведения крупнейших мастеров живописи, сказал:

— Всё это богатство собрано в разных странах и в разное время и принадлежит графу Александру Сергеевичу, действительному тайному советнику, сенатору, обер-камергеру, экспедиции мраморной ломки и приска цветных камней главному начальнику и всех российских и многих иностранных орденов кавалеру... А теперь посмотрим всё, что есть блистательного в этих палатах.

Они пошли по залам галереи, а им навстречу с мягких кресел поднимались заспанные лакеи в шитых золотом ливреях.

Имена европейски знаменитостей — Корреджио, Рембрандта, Рубенса, Дитриха, Вернера и многих других ве-

ликих мастеров живописи прошли торжественной чередой перед глазами Мери Лонг.

Устав от хождения по залам, они сели на обитый красным бархатом диван. Китайским веером Мери помахала перед напудренным лицом, слегка поправила волосы и обвела глазами соединенные широкими проходами великолепные залы.

— Я не ожидала, Андре, увидеть такое множество прекрасных картин во дворце русского вельможи. Какими же способами Строганов и ему подобные приобретают ценнейшие сокровища искусств? Ведь они не продаются на базарах, ими гордятся, их берегут, как редкие драгоценности. Они создают славу не только их творцам, но и их владельцам...

Воронихин ответил ей, что русские богатые вельможи, особенно в годы царствования Екатерины, увлекались приобретением в других странах произведений искусств. Их стремлениям способствовали огромные капиталы, нажитые трудами всего русского народа. В войнах с другими державами Россия выходила победительницей; на Западе в это время разорялись владельцы крупных имений, разорялись даже короли, принцы, герцоги, веками оберегавшие в своих хранилищах сокровища, которые из-за опустошительных войн, из-за нужды разорившимся пришлось продавать с аукционов. Андрей Никифорович, не сходя с места, издали стал показывать на отдельные из них.

— Картину Андреа Сарто «Святое семейство», — сказал он, — приобрели для графа в Париже, в доме Морепе, в дни революции... Лучшую вещь болонца Августина Каррачи его сиятельство купил у принца Конти. Картина Карла Чиньяни — женщина на фоне чудесно написанной итальянской природы — куплена в Риме... «Битва кентавров» живописца Луки Жордано когда-то украшала галерею герцогини Кингстон в Лондоне. Твоя соотечественница вынуждена была продать лучшую свою вещь в Россию. Некоторые картины, вернее, многие из них, прежде чем попасть сюда, на угол Невского и Мойки, переходили из государства в государство, из рук в руки много раз. У каждой картины своя жизнь, своя «биография», подчас с приключениями!..

— И ты знаешь происхождение их многих?

— Еще бы! Сотни раз бывал я здесь в галерее. Хорошо знаю рукописное пояснение к ним, подробно состав-

ленное графом Александром Сергеевичем для напечатания в самой малой толике экземпляров не для продажи...

В ту петербургскую слякотную осень после свадьбы, передав присмотр над строением собора первому своему помощнику академику Михайлову, Воронихин вместе с женой поехал, как он сказал ей шутя, в свадебное путешествие. Небластательно было это путешествие в студеную и мокрую осень. И не ради удовольствия, а для дела отправился в путь Воронихин. Он побывал с Мери около Выборга на побережье, где добывался каменотесами «морской» гранит для внутренних колонн собора. Установил правильность размеров гранитных глыб и, одобрив работу карельских мастеров, поехал дальше, в олонецкие края, на мраморные ломки. Там уже были подобраны разноцветные плиты для мозаичного пола. По шлифованным образцам архитектор мог представить себе красоту и добротность настила, по которому в Казанском соборе пройдут миллионы людей.

Потом супруги Воронихины побывали вблизи Гатчины, в деревеньке Пудость. Там добывался основной строительный материал — пудостский камень. Люди, невзирая на сырую погоду, под косым, непрерывным осенним дождем трудились в глубоких карьерах, шаг за шагом отвоевая у природы матерые глыбы камня. Здесь, на участке каменоломни, впервые повстречался и познакомился Андрей Никифорович с подрядчиком-каменотесом Самсоном Сухановым. Узнав о нем и делах его, Воронихин предложил Суханову из Пудости перебраться на строительство собора.

СТОЛКНОВЕНИЕ СТАРОВА С ВОРОНИХИНЫМ

Прошли первые два года подготовительных работ по строительству собора. Около двухсот раз заседала комиссия. Но заметного на строительной площадке еще ничего не показалось.

Третий год строительства Казанского собора был наиболее плодотворен. В этот год, 16 мая по старому календарному стилю, Петербург отмечал свое первое столетие. И Воронихин мог только сожалеть о том, что высочайшим

особам не пришла ранее в головы мысль о строительстве грандиозного собора на Невском проспекте. Ведь как было бы прелестно и знаменательно к такому юбилею иметь Петербургу столь величественное сооружение!

В теплый майский день в добром расположении духа Андрей Никифорович вместе с супругой шел от своей дачи с Петербургской стороны по наплавному мосту, упиравшемуся одним концом в берег Невы против главного входа в Летний сад. Скрипели дощатые помосты на плашкоутах, слегка покачиваемых на волнах. На Дворцовой набережной было многолюдно. По-праздничному нарядно одетая публика огромной толпой двигалась к памятнику Петра Великого. На Сенатской площади состоялся парад гвардии под командованием самого Александра Первого. После молебствия был произведен пушечный салют с Петропавловской крепости. Таким же салютом грянули сто десять орудий с корабля «Гавриил», стоявшего на Невском рейде. На палубе «Гавриила» находился знаменитый Петровский ботик — «дедушка русского флота». Четыре столетних старца, помнившие Петра Первого, несли почетную вахту около ботика. Трехцветные флаги развевались на всех домах. На улицах было тесно от гуляющих жителей столицы и приезжей из окрестностей публики. Напротив Академии художеств толпа наблюдала за гонкой лодочников-матросов. На Дворцовой площади, на Марсовом поле, в Летнем саду — повсюду были гулянья.

Во дворце царь принимал депутацию с поздравлениями от верноподданных, а в Петропавловском соборе и около толпились горожане и мужики-сермяжники, пришедшие поклониться гробнице основателя города Петра Первого.

Как ни весел был день столетия Петербурга, Воронихина это мало развлекало. Посмотрев на парад гвардейцев и на военный корабль, стоявший против кунсткамеры, он предложил Мери отправиться с ним на строительную площадку собора. Они прошли к Екатерининскому каналу, где, невзирая на праздник, люди безропотно отработывали положенные восемнадцать часов в сутки. Но удивило Воронихина другое: он увидел здесь главного контролера-надсмотрщика Ивана Егоровича Старова. Ему ли, знаменитому строителю Таврического дворца, находиться тут в такой торжественный день?.. Воронихин знал, что Старову за наблюдение по строительству Казанского собора выплачивается как контролеру ежедневно по шесть

рублей, что это на старости лет его почти единственный заработок. Знал Андрей Никифорович и то, что к нему как к молодому архитектору, смело принявшему на себя задачу — построить грандиозный собор, Старов относился со скрытым недоверием. Поэтому, увидев Старова, производившего какие-то записи, и не предчувствуя доброго с ним разговора, Воронихин попросил жену пройти в чертежную, а сам направился к Старову.

— Честь и почтение Ивану Егоровичу, с праздничком вас! — шагая по дощатым настилам, проговорил на ходу Воронихин. — В такой-то день, а беспокойство проявляете?

— Как же, Андрей Никифорович, приходится. Забота возложена комиссией... чуть что, и я на старости лет тоже в ответе. Вот и хожу: интерес имею всё знать, всё высчитать и соразмерить. У нас — у старичков — опыт, да мы и раньше не были опрометчивы. Мы на легкость сооружений не рассчитывали. Стены моего Таврического дворца и тысячу и две тысячи лет простоят, и фундамент не шелохнется. Боюсь я, Андрей Никифорович, как бы вашу громаду через полста лет не стали каменщики разбирать, как угрожающую падением?.. Или, по-вашему, после нас хоть потоп?..

— Не извольте, Иван Егорович, по живому панихиду служить. За прочность сооружения хоть сейчас своей головой ручаться могу, — сухо ответил Воронихин. — Да, Иван Егорович, поручусь. Тяжесть собора будет не малая, а разве мелки котлованы? Разве мало землицы вынуто? Свыше трех тысяч свай вбито! Плиты тосненской с песочком уложено свыше шестисот кубических сажен. Цоколь соорудим из крепчайшего гранита. На такой подошве всё мироздание устоит!..

— Я говорю не об этом, — возразил Старов. — Я вот о чем: наружность стен собора составляет около пяти тысяч квадратных сажен. Всю облицовку собора вы усматриваете сделать из пудостского камня. Пудостский камень легко добывается, его можно пилой пилить, ножом резать. Правда, добытый из земли на поверхность, он проветривается и затвердевает. Но достаточно ли этого затвердения? Посмотрим, Андрей Никифорович, и подумаем...

Они прошли к месту, куда складывались глыбы пудостского камня самой различной толщины. Воронихин шел нехотя, хмурился. Старов семенящей походкой бежал впе-

реди него и, прикрывая шарфом шею, покашливая, с хрипотой в голосе говорил:

— Известное дело, Андрей Никифорович, близко и удобно доставлять сюда пудостский камень. Подрядчики на этом деле наживутся, не прогорят. Но как этот дешевый и мягкотелый, с позволения сказать, камень отразится на дальнейшей судьбе строения? Вот полюбуйте: тут три сорта по цвету, а по прочности есть ли разница, не нахожу. Турфяной песочно-желтый, серый раковистый и белый ноздреватый. Вот эта ноздреватость и пористость камня в условиях сырого климата — чем отличается наша столица — всегда будет вредна при любом строении. Ноздреватый камень, впитывая в себя сырость, подвержен постепенному разрушению, теряет свою естественную окраску, не говоря уже о том, что, крошась, камень через десятилетия изуродует любую, приданную ему каменотесцем форму. В этом материале заложена опасность быстрого разрушения, а пестрота его не придает красоты внешности собора, на что рассчитывает высочайше утвержденный проект.

— Вы отчасти правильно предостерегаете, Иван Егорович; — согласился Воронихин. — Все эти слабые свойства пудостского камня давно известны. И всё же петербургские строители должны быть благодарны природе, что такой камень есть у нас под боком. А с недостатками, что вы перечислили, легко бороться; надобно только поработать над пудостским камнем, доделать то, что недоделала или исказила в нем природа.

— Интересно, что вы затеваете супротив матушки-природы? — спросил не без лукавства Старов.

— Извольте, Иван Егорович, выслушать меня. На помощь нам в этом деле придут каменотесы и штукатуры. Есть у меня хороший мастер на все руки по камню, человек-самородок Самсон Суханов, он без лишних слов доказал, что ноздреватую пористость камня можно навечно зашпаклевать — затереть рижским алебастром да еще для вящей крепости и однообразного колера по цвету камня окрасить его известковой краской соответственного раствора... Этот Самсон Суханов — вологодский мужичок, простяга, уже во многих работах как способный каменотес и подрядчик отличился. Берется он всю колоннаду поставить и кое-что по мрамору внутри собора сделать. И я

осмелюсь доверить ему подряд на работы этак на двадцать тысяч рублей...

— Крупные подряды дозволяются только по усмотрению самого государя. Едва ли царь дозволит простому мужику на такую сумму подряд. — усомнился и возразил Старов. — Но что касаясь затирания ноздреватостей на камне алебастром и известью, пожалуй, заслуживает проверки на опыте.

— Проверено. Не раз проверено, — ответил Воронихин. — Прочность получается превыше ожиданий. Тот же Суханов на примерах доказал, что из пудостского камня не только колонны и прочие громоздкие работы можно выполнять, но и более изящные и тонкие, как то: балясины, капители к колоннам — всё можно делать красиво и прочно.

— Не представляю себе, как мужик будет хотя бы из этого податливого камня делать коринфского ордера сложные капители? — удивился Старов.

— Мужик наш всё может сделать, лишь бы ему увидеть, что делается и как. Он понятлив, зорек и рукоделен. Это даже иностранцы отмечают, — ответил опять на возражение Старова Воронихин. — И убедить мне вас, Иван Егорович, в этом нетрудно. Пойдем-ка в сарай, посмотрим, я покажу вам две модели капителей, какие должны быть на наружных колоннах собора.

Они зашли в небольшой тесовый сарай, заполненный разными инструментами, образцами скульптурной лепки, различными орнаментами для фризов, кронштейнами, наличниками и всякими моделями, представленными на выбор архитектора. Воронихин снял рогожу с одной капители, сделанной из пудостского камня, затем обнажил вторую, такую же в точности модель и сказал:

— Вот, Иван Егорович, одну из них сделал по заказу нашему скульптор Генрих Берри, и государь утвердил ее как образец, а вторую сделал Самсон Суханов. А теперь вы мне удостоверьте: которая из них и кем делана?

Старов долго молча разглядывал ту и другую модель и, не найдя в них совершенно никакой разницы, сказал:

— Да тут и сам ваятель Федот Шубин не определит. Сделаны будто бы обе одним резцом!..

— Нет, разными резцами, разными руками. Стоит только одну из них перевернуть, и вы можете увидеть чуть заметную внизу отметку — две буквы «С», что озна-

чает Самсон Суханов! А я еще добавил бы две буквы «С» — самородок, самоучка!.. — с торжествующей улыбкой проговорил Воронихин.

— Да, такому человеку можно доверить и крупный подряд на работы, — согласился Старов. — Только я советовал бы вам, Андрей Никифорович, двадцатитысячный подряд разделить на два по десять тысяч; на десяти тысячные суммы царь предоставил графу Строганову заключать контракты без его высочайшего соизволения. А с графом вам обо всем договориться проще. Если я не ошибаюсь, вы тоже в графской сорочке родились? — схитрил Старов.

— Вполне возможно, господин статский советник и кавалер Иван Егорович, блюститель дел моих и приставной контролер. Вполне возможно, что и в графской сорочке я родился. Но это к делу отношения не имеет. Да будет прощена мне, Иван Егорович, моя прямота, а скажу вам, что думаю и чувствую. Вы лично и вся ваша Казанского собора комиссия — люди, обремененные чинами; некоторые из вас, того и гляди, могут рухнуть под тяжестью орденов, однако не это вас всех одолевает, а одолевает недоверие ко мне, не имеющему ни академического образования, ни крупных, построенных мною, украшающих столицу зданий. И вдруг мне такое поручение помимо вашей воли — построить собор, который и посмертно может увековечить память строителя. Но это напрасно вас тревожит. Что греха таить, буду стремиться сделать такое, дабы и меня слава не обошла, не объехала, если ей даже палки в колеса вознамерятся вставлять.

— Без оных не обойдется, такое наше дело, — заметил Старов, усмехаясь и глядя в сторону.

— Обошлось бы, если б не было завистливых ненавистников...

— Так построен белый свет, — заключил Старов и наперед Воронихина вышел из сарая на строительную площадку. Простившись с Андреем Никифоровичем, он пробрался проходным двором на Мойку, где его ожидали раскрашенный ялик и двое дремавших гребцов.

Воронихин еще долго ходил по площадке, следил за слаженной работой каменщиков; спускался в погреба и подвалы, проверял растворы извести и качество просеянного через сита песка. И думал он о том, что с этим старым архитектором, Иваном Егоровичем, еще придется ему

столкнуться. «Выстою, удержусь, но только жалко тратить время на возражения и доводы... И зачем мне эти контролеры, хотя бы самые именитые? Ведь на других стройках — Мраморного дворца, Невской лавры, Михайловского замка — посторонние архитекторы не вмешивались в деятельность главных строителей. Значит, меня считают недостаточно опытным, полагают, что непосильную работу взял на себя?..»

До позднего светлого майского вечера пробыл Воронихин на стройке. Осмотрел только что привезенный с чугунолитейного завода Карла Берда образец чугунной базы для колонны; он узнал, что Берд запросил за изготовление баз по три рубля с половиной с пуда. Таких баз под все колонны и пилястры надо свыше трехсот штук, весом десятки тысяч пудов. Воронихин вновь прикинул в уме стоимость заказа и сказал приказчику, доставившему образец базы:

— Передайте Берду: хоть он и не православный, но грешно ему надуть Казанскую Божию мать. Наш заводчик Демидов просит по два с половиной за каждый пуд чугуна, вылитый в базу, а директор заводов государственной берг-коллегии господин Гаскония обещает дать нам базы из самого чистейшего чугуна без пузырей дешевле демидовских на тридцать копеек в пуде... Будем брать, что выгоднее, однако и на качество литья еще посмотрим...

Так, в заботах и трудах, шли дни, недели и месяцы. Воронихин следил за работами, ежедневно и подолгу бывал на строительстве, выезжал иногда на каменоломни в Пудость, под Гатчину и к Выборгу. За деятельностью Воронихина наблюдали контролеры, и особенно придирчиво — член комиссии придворный архитектор пятого класса Старов. И всегда на защите самостоятельности зодчего Воронихина стоял шеф строительства граф Строганов, смотревший на постоянно заседавшую комиссию не весьма приветливо.

В 1802 году комиссия заседала семьдесят пять раз.

В 1803 году понадобилось ей сто четырнадцать заседаний, в 1804 году — сто двадцать семь. На каждом заседании разбирались пять-шесть деловых вопросов. Такая чрезмерная опекаемость мешала Воронихину, отвлекала его от многотрудных повседневных дел, затягивала и затягивала строительство, неизменно увеличивая статью расходов. Но так или иначе, дело двигалось, и в начале

1804 года Воронихин доложил комиссии, что «в течение лета нынешнего года здание имеет быть возвышено в стенах церкви до четырех, а колоннады с портиками до трех сажен от поверхности полов».

Андрей Никифорович требовал от заседавших господ деятельной помощи в добыче и доставке двух миллионов штук кирпича, заключения контрактов на изготовление оконных дубовых рам и дверей с запорами, а также контрактов на часть живописных и скульптурных работ.

В этом же 1804 году между Воронихиным и Старовым произошло бурное столкновение.

Некто Берра, мастер по выполнению моделей, по заказу комиссии изготовил крупную, из пятисот пудов алебаstra, модель проездной части будущей колоннады собора. Глава «казанской комиссии» Старов четыре года вынашивал недовольство воронихинским проектом собора. Наконец, ему показалось, что, несмотря на крупнейшие затраты по строительству, пришла пора выступить против Воронихина, разнести его расчеты в пух и прах, не оставить камня на камне от всей его почти четырехлетней работы. Он начал действовать решительно и открыто. В комиссию на предмет тщательного рассмотрения им было в официальной грамоте заявлено: 1) Боковые проезды по обеим сторонам строящейся колоннады с пролетом шириною одиннадцать аршин и прямым перекрытием представляют серьезную опасность, могут рухнуть и вызвать тем самым тяжкие разрушения и людские жертвы. 2) Не меньшую опасность представляет центральная часть собора — купол, основанием которому служат узкие пилястры и тонкие купольные столбы...

Комиссия не могла не прийти в смятение после столь внушительного предостережения. Своим рапортом Старов навел на них страх и ужас и как бы снимал с себя ответственность за возможные последствия. Воронихину срочно было предложено дать ответ на замечания старого зодчего.

Завязался длительный спор, в котором далеко не сразу родилась истина. Ни тот ни другой из спорщиков не прибегал к строго научным техническим расчетам путем вычислений тяжести купола, сводов пролетов, а также мощности и сопротивления опор, поддерживающих перекрытия, ибо такие способы расчетов в ту пору еще не применялись. Свои опасения Старов выводил из того, что

ему в знатных зданиях примеров подобных находить не приходилось. И это понятно: Старов не знал тех примеров строительства, на которые опирался отлично знакомый с европейской архитектурой Воронихин. В своих подробных объяснениях Андрей Никифорович ссылался на то, что перекрытия в пролетах безопасны, ибо они основной тяжестью ложатся на столбы и закреплены подвесной горизонтальной железной затяжкой. Подобное устройство он видел при изучении Луврской колоннады в Париже. Что касается опасений Старова за устойчивость купола, то Воронихин, знакомый с мировой литературой о зодчестве, привел примеры, подтверждавшие смелость его решений в сочетании всех легких и стройных частей купола.

Правда, подобных примеров купольных перекрытий не было в России, не было еще столь воздушных композиций ни в одном из храмов.

Воронихин, убеждая Старова примерами из европейской архитектуры, ссылался на собор Павла в Лондоне, собор Марка в Венеции, Богоматери в Милане и другие. Однако доказательства Воронихина не убедили Старова. Тогда комиссия, не зная, чью занять сторону, передала недоведенный до согласия спор двух архитекторов на решение самого графа Строганова, дабы тот, вникнув в суть сего разномыслия, пригласил на предмет заключения еще сведущих людей, способных разобраться окончательно.

Граф дал этому делу ход, не позволяя ни малейшего бездействия в строительстве собора. С Воронихиным у него состоялся прямой, откровенный разговор. Догадываясь о скрытой зависти Старова к Воронихину, граф сказал:

— Андре, я верю тебе. И убежден в твоей правоте полностью. Этого, пожалуй, было бы достаточно. Но я хочу оправдать тебя в глазах всей комиссии и опытом доказать Старову правильность проекта. Я предлагаю построить модель проездного пролета в три раза меньшую натуральной величины из материалов, предназначенных для строительства. Составим комиссию из представителей от министерств, позовем физико-математиков из Академии наук, а от Академии художеств в ту комиссию введем Андреяна Захарова, и пусть они о прочности модели суждение имеют...

Воронихин согласился с предложением графа, но предупредил:

— Дорого обойдется такая модель. А сметой она не предусмотрена.

— Не беда. У нас есть деньги на шаблоны. Расходуй. Но знай, что на перекрытие возложим тяжесть втрое наибольшую против натуральной, тогда ее выдержка окажется безоговорочно трижды убедительной! Ручаешься, Андре?

— Ручаюсь, ваше сиятельство. Не рухнет и под тройной тяжестью!..

— С богом, приступай к делу!..

Семь месяцев под наблюдением Воронихина строилась модель проездного пролета. Наконец, когда она была в полной готовности, комиссия приступила к беспристрастному исследованию и апробации модели. В заседании приняли участие члены комиссии от министерств — юстиции, внутренних дел, инженерного департамента, академики, статские и тайные советники и генералы.

Модель благополучно выдержала все испытания и была одобрена.

Старову пришлось сдаться. На его «сомнения и опасения» по поводу купола собора не было даже должным образом отвечено.

САМСОН СУХАНОВ

...Медленно, с перебоями и задержками строился Казанский собор. То недоставало людей — опытных каменщиков, то застревал подвоз строительных материалов, то неожиданно поднималась в Екатерининском канале вода и затопляла котлованы. Приходилось ставить на откачку воды архимедовы винты, и десятки людей работали по-сменно дни и ночи. А главный затор в строительстве собора происходил из-за бедности казны. Деньги отпускались неаккуратно и малыми толиками. Спокойный и уравновешенный, безусловно честный, Воронихин каждый раз с волнением докладывал графу Строганову о задержках средств, пагубно отражавшихся на строительстве собора, и каждый раз просил графа воздействовать на государя, дабы тот без промедления подписывал высочайшие рескрипты на имя казначея о выплате денег, предусмотренных сметой и планом.

Граф жил неподалеку, всего лишь в нескольких шагах от строительства, во дворце на углу Мойки и Невского, он постоянно видел и убеждался в прѳомедлении строительных темпов собора. Иногда с неподдельным страхом задумывался Александр Сергеевич о том, а доживет ли он до того дня, когда петербургский митрополит и епископы в присутствии высочайших особ будут освящать Казанский собор, увидит ли он, главный шеф строительства, это величественное здание, которое по замыслу архитектора должно стать украшением Невского проспекта?..

В сумрачный сентябрьский день пришел к нему Воронихин. Вид у архитектора был озабоченный. Граф застенчиво улыбнулся, отчего образовалось множество складок на его дряблом лице.

— Садись, Андре, — предложил он Воронихину по-свойски, ласково и дружелюбно. — Опять насчет финансов? Так я понимаю твой приход и по глазам вижу; скучный вид у тебя, Андре. Что же, голубчик, и мне самому невесело. Казна, видно, тощая. Затыжка неизбежная... Государь ворчит и сожалеет, что его отец соизволил начать это дело. Не по одежке протянули ножки. Широко замахнулись. Ладно, не грусти, Андре, что-нибудь из казны выжмем в ближайшие дни. Не стоять же делу, раз оно начато и достигло размеров внушительных. Сколько людей занято на добыче камня и на строительстве?

— Ближе к двум тысячам, ваше сиятельство.

— Вот видишь. Да ведь это еще не всё. А на мраморных ломках, а на заказах по отливке чугунных баз для колонн и пилястров, да мало ли еще всяких подрядов. Ох, тяжеленько, Андре, тяжеленько. — Граф вздохнул, с грустью поглядел на Воронихина. — Скажи, друг мой, доживу ли я, увижу ли дивный храм во всей его красе? Увижу ли, как во всю богатырскую ширь развернется собор и великолепной колоннадой поразит воображение жителей города? Доживу ли я, Андре, когда флорентийские врата раскроются и густая толпа народа с двух сторон портиками и прямо через портал хлынет с Невского в наш будущий храм? — Поглаживая со лбана зытылок сплошь седую шевелюру, граф умолк, пытливо глядя на архитектора.

— Не извольте так думать, ваше сиятельство, построим! Скоро построим. Дело за деньгами. Правда, очень

много надо денег: расчеты за работу, оплата подрядов. Лекарь Мартын Зегер с ног сбился, ухаживая за больными людьми; надо для рабочих лекарню построить. Обязательно. Болезни и смертность не должны быть бичом нашего дела. Нужно в скором времени контракты заключать с ваятелями и живописцами. Только за ломку и снос дома купца Еропкина мы обязаны уплатить сто тысяч рублей!.. Вся надежда на усилия вашего сиятельства.

— Будем действовать, Андре. Беспокойство твое понимаю и разделяю. Предпримем. — Строганов побарабанил тонкими костлявыми пальцами по малахитовой столешнице и проговорил, насупя седые брови: — Ладно, Андре, не грусти, будем действовать. Да вот еще что: побывай, Андре, в Пудости на каменоломне, узнай, отчего там рабочие ропщут. И если за подрядчиком Копыловым заметишь подлость — гони его в шею. При острой надобности можно его и под суд отдать, не ждать же ему второго пришествия и Страшного суда. Пусть теперь, пока жив, ответит...

Воронихин хотел было уходить, но, вспомнив о деле, связанном с добычей строительного камня, пожаловался Строганову на цесаревича, великого князя Константина Павловича, который через свою канцелярию предъявил счет на шестьдесят две тысячи рублей за камень, добытый для собора на его великокняжеской даче в Сиво-рице.

— Удивляюсь! Есть ли у Константина крест на шее? — изумился граф. — Однако ничего поделать не могу: нам нужен камень, а Константину деньги. Не будем ссориться. Ступай с богом, Андре, работай с надеждой и любовью.

Мало успокоенный Воронихин вышел из Строгановского дворца на Невский проспект и по тротуару, вымощенному каменными плитами, направился на площадь, занятую строительством.

Здесь его глазам неожиданно представилась такая картина: за горами камней и бочек с известью столпилось человек триста рабочих. Было слышно, как кто-то роптал и ругался, кто-то со стоном говорил:

— Упокой господи душу раба твоего!

— Господи, не знал, не ведал человек, где его смертынька застигнет...

Рабочие увидели Воронихина.

— Барин! Что же это будет? Подавай расчет, не станем работать: Чусова задавило...

Воронихин протолкался сквозь толпу:

— Что тут случилось?

— Да вот, ваша светлость, с лесов камень сверзился прямо на Чусова — и охнуть не успел.

— Женатый был, дома на Вологодчине, в Лахмокурье, сказывал, жена есть и двое ребятенков. Вот несчастье-то!..

— Какой это Чусов? Не тот ли, что колеса с шестернями приспособил к водоотливным винтам?

— Он, барин, он. Тот самый. Башковитый был, смысленный. Эх, горюшко!..

Воронихин молча перекрестился, мельком взглянул на мертвеца, прикрытого рогожей. Из-под рогожи торчали стоптанные сапоги, у изголовья горела тоненькая свечка, рядом с нею пламенела лужица застывшей крови.

— Уберите блюдо с мертвеца, — сказал Воронихин, ни к кому не обращаясь, — не собирайте ваших грошей. Похороним за казенный счет...

С краю в толпе мужиков стоял опечаленный подрядчик — каменотес Самсон Суханов. Выше всех ростом почти на целую голову, широкий в плечах, с рыжей бородой и могучими руками, скрещенными на груди, он производил впечатление настоящего русского богатыря и вожака этой пестрой, уставшей на тяжелой работе толпы. Воронихин подошел к нему и сказал тихо:

— Самсон Ксенофонович, тебе поручаю похоронить земляка. На могильной плите высечь его имя и крест... Священнику скажи, чтоб хоронил со звоном. На славном деле смерть его сразила. Мир праху честного работника-строителя. Пусть сыра земля будет ему пухом... А после похорон зайти в контору, как-либо поможем семье погибшего. С народом же и сам потолкуй душевно, чтобы и разговоров не было об уходе со строительства. Пусть поймут, какое создание строится великое, уходить с работы нельзя...

В ответ архитектору Суханов поклонился и промолвил:

— Всё исполню, Андрей Никифорович, ни одна душа не покинет работы без вашего соизволения. Беглых от Казанского собора не будет... Расходишь, братцы-товарищи, по своим местам!.. Дело не терпит, работа вас ждет.

Да поосторожней с тяжестями, с оглядкой поднимайте и бережением.

Толпа разошлась. Приехали на дрогах два полицейских и увезли изуродованный труп Чусова.

Самсон Суханов проследовал за Воронихиным внутрь собора, сплошь застроенного клетками лесов. На месте будущего купола в широкое круглое отверстие падал мелкий осенний дождь. Каменотесы и шлифовальщики принялись за работу. И сам Суханов, подрядчик и искусный мастер каменных дел, приступил к отделке большой мраморной глыбы, предназначенной для царского места перед алтарем...

О Самсоне Суханове следует рассказать подробнее. Имя его как талантливого строителя-каменотеса и ваятеля гремело в Петербурге в начале девятнадцатого века. Он был правой рукой, одним из главных помощников Воронихина на стройках Казанского собора, а затем Горного кадетского корпуса на Васильевском острове. Прежде чем стать помощником Воронихина, искусным мастером-каменотесом и ваятелем по отделке мрамором достопримечательных зданий, Самсон Суханов прошел нелегкий путь.

Он родился на шесть лет позднее Воронихина в бывшей строгановской вотчине, неподалеку от Соли-Вычегодской, вблизи городка Красноборска. Отец его был пастух, мать нищенка-побирушка. Зиму кусочки собирала, «христарадничала», чтобы прокормить милостыней семью. Летом она батрачила. В страдную пору на сенокосе родила сына и в честь сказочного ветхозаветного богатыря назвала Самсоном. На ржаных милостынях и хлебном квасе рос Самсон. Едва ему исполнилось восемь лет, как мать повесила на него холщовый кошель и велела ходить по окрестным деревням собирать подаяние. Упрям и настойчив с малых лет был Самсон. Придет под окна, стукнет палкой по стене, и ни слова! Никто не слышал его голоса, не прибегал он к плаксивым упрашиваниям, ни разу даже имя Христово не упомянул маленький нищий. Проку было немного, но сыт всё же был. Потом Самсон стал догадливей. Сочинял песенки-прибаутки и, подобно старикам каликам-перехожим и скоморохам, ходил по деревням и пропевал свои немудреные вирши под окнами. Тогда люди дивились, зазывали его к себе в избы, отрезали кусок хлеба во весь каравай и упрасивали:

— Спой, Самсонушко. И от кого ты так складно обучился?

— Сам придумал, ни от кого не обучился. — И, кашлянув, малыш задирает голову и до красноты в лице, до хрипоты в голосе надрылся:

Как у батюшки-отца
Нет коровки, есть овца.
Нет полоски, нету хлеба,
Я не знаю, куда деться.
Дали мне суму носить,
Я не думаю просить.
Наш народец весь скупой,
Пироги пекут с крупой.
И пекут, и стряпают,
И едят, и прятают.
Хочу хлеба, хочу щец,
Вот и песенке ковец...

Но скоро прошла эта песенная блажь. Уразумел отрок Самсон, что на песнях далеко не уедешь. Надо было браться за труд. Девятилетний, он пошел в работники, на побегушки к хозяину. Готовый харч — хлеб, редька да луковица и «жалованье» двадцать пять копеек в год. Разумеется, родители были рады — лишний рот теперь не требует хлопот. Никто в чужих людях не жалел малыша-работничка. Спать ложился, когда взрослые ложились, вставал до солнышка, когда взрослые на работу поднимались. И не худел, а крепышом становился Самсон с каждым днем, с каждым месяцем. Труд ему был на пользу. Через два года другой хозяин переманил его к себе и стал платить целый рубль в год. Не малое дело — на четыре пуда ржи или на десять пудов соли!.. Четырнадцатилетний Самсон Суханов выглядел взрослым молодцем, красавцем-силачом.

О нем говорили:

— Смотрите, из нищих, а какой вымахал Добрыня, настоящий Самсон не по имени, а по всему корпусу...

Побогаче которые, в утешение себе, судачили:

— Славная подставка растет, да уж выросла. В солдаты, заместо наших ребят. Придется у родителей купить такого рекрута... В воинском присутствии любой начальник за Самсона спасибо скажет. А наши пусть дома отсиживаются...

Не пришлось богачам купить Самсона в рекруты как «подставку», а его, единственного сына у родителей,

не полагалось по закону брать на службу царскую. И пошел Самсон Суханов на чужую сторону бурлачить. В тот год, когда с Усоляя Камского Андрей Воронихин отправился в Москву на выучку к зодчему Баженову, Самсон Суханов появился на родине Воронихина у Дедюхинской пристани и, нанявшись в бурлаки, «гонял» баржи с демидовскими чугунными чушками и строгановской солью по всей Каме и по Волге до Нижнего Новгорода.

Любознательный бурлак, обладавший крепким здоровьем, смекалкой и такой силой, что двенадцатипудовый якорь не казался ему ношей, не любил долго странствовать в одних и тех же местах. На следующее лето он бурлачил на Северной Двине, на реках Сухоне и Юге. Против течения нелегкое дело — лямка! Единственная помощница — песня бурлацкая и разудалое уханье, вместо припевки. А в свободный от нелегкого труда час Самсон Суханов был не прочь спеть, сплясать под игру дудошника, мог и сказку рассказать, да такую, что у слушателей дух занимался, от страха глаза на лоб лезли и волосы дыбом поднимались. Любили и уважали его бурлаки за трудолюбие, за веселый нрав и прочие качества, присущие доброму человеку.

Поздней осенью лед сковывал северные реки, и тогда привольному бурлачеству наступал конец. С небольшим заработком возвращался к себе в деревню Самсон. И в зимнюю пору не сидел он сложа руки. Сапоги шил, веретена вытачивал, делал колеса для водяных мельниц, и казалось, любая работа ему под силу и не в разладе с умением. Потом он отправился с архангельскими зверобоями на далекий Грумант (Шпицберген) добывать морского зверя, моржа и тюленя, пса и белого медведя, и даже китов. Уходили зверобои на целый год, а иногда нужда и несчастные случаи заставляли их зимовать на Груманте и несколько лет подряд. Много невзгод и тяжестей на этом пути пришлось испытать и перенести Самсону Суханову. Одна полярная четырехмесячная ночь по тем временам и условиям требовала нечеловеческих усилий и выносливости. О том, что собою представлял Грумант, сохранилось предание в песне архангельских зверобоев:

...Грумант угрюмый, прости!
На родину нас отпусти.
На тебе жить так страшно,
Бойся смерти всечасно,

Рвы на буграх, косогорах,
Лютые звери там в норах,
Снеги не сходят долой.
Грумант! Ты вечно седой!..

Наконец приходил тот день, когда на судно погружалась вся добыча небольшой зверобойной артели, и, пользуясь разводьем, кратковременным исчезновением айсбергов и попутным ветром, промышленники отчаливали от угрюмых берегов страшного Груманта, и песня в их устах звучала веселей и радостней. Появлялась надежда — после продолжительного странствования и множества горестных приключений попасть домой, где добытчиков с нетерпением ждали их родственники.

...Вот мы с Грумантом простились
Все домой заторопились;
За работу принялись,
Якорь, парусы подняли,
Мольбы к богу воссылали,
Чтоб попутный ветер в пути
Дал к Архангельску прийти..

Бывали у зверобоев счастливые путины. За проданные медвежьи и песцовые шкуры, за тюлений жир и моржовый зуб выручку делили сотнями рублей на каждого пайщика, рисковавшего своей жизнью.

С деньгами вернулся Самсон Суханов в свою красноборскую деревушку. Ни у него, ни у отца-бобыля не было земли ни единого вершка. А хотелось Самсону стать земледельцем, жить своими трудами на своей земле. Вошел в дом, в приемыши — женился на вдове. У нее было трое детей и небольшой надел земли. Земля на севере без удобрения не прокормит. Скота нет — нет удобрения, — урожая не жди. А оброк за землю подай. Выход для многих северян был в ремесле и отхожих — сезонных промыслах. Петербург всегда нуждался в рабочей силе. Шли северяне — архангелогородцы, вологодцы и каргопольцы — по знакомым, проторенным дорогам в Петербург.

Однажды в Красноборск приехал набирать людей на работу в Питер шури́н Самсона Копылов. Нарядный, щеголеватый. Шуба на лисьем меху, кушак в шесть обхватов с кистями до колен. За пазухой кошелек, туго набитый.

— Поедем, Самсон. На первых порах полтину в день

у меня будешь зарабатывать. Такому медведю, как ты, только и дела камни ворочать. Поедем!..

И вот Самсон Суханов в Питере. Как он в люди выходил, что он своими умелыми руками сделал — длинна сказка, но вкратце следует рассказать.

Прошел Самсон Суханов за несколько лет школу каменщика. Год за годом стал он отличаться на крупных строительных работах в столице.

Колоннаду Биржи и Ростральные колонны по проекту Томона построил вологодский крестьянин Самсон Суханов. Обложил камнем стрелку у Биржи, берега Крюкова канала одел камнем Самсон Суханов со своими помощниками.

Великолепная терраса в Царскосельском саду — дело рук Самсона Суханова.

В Павловске мост у Пильбашни, в Петербурге Синий мост около Исаакиевской площади построил Самсон Суханов.

Несколько цельных гранитных ванн для дворцовых бань из десяти тысяч пудовых глыб вытесал Самсон Суханов, чем удивил самых искусных иностранных каменотесов, воскликнувших при виде его работ: «Со времени древних Фив люди не делали еще таких чудес!»

Способ добычи и обработки пудостского камня Самсон Суханов упростил и ускорил. Пудостский ноздреватый камень послушно подчинился его резцу. Из этого камня Самсон Суханов, будучи ближайшим помощником Андрея Воронихина, создал колонны, украсившие Горный институт и Казанский собор.

Позднее он же вытесал и отполировал из дикого камня постамент под памятник Минину и Пожарскому, воздвиг гранитный монумент в Риге.

Всего не перечесать, что сделано этим русским богатырем, талантливым самородком, великим тружеником, человеком с самобытной натурой...

Нет, не прогадал, не ошибся Воронихин, понимавший толк в людях, когда привлек к себе на долголетнюю службу такого надежного, способнейшего помощника. Жили они и работали дружно. Подвижники искусства, оба были безукоризненной честности, пользовались доверием и уважением окружающих. Воронихин возлагал надежды и на изобретательного строителя Чусова, но случайная смерть оборвала его жизнь.

Вологодские земляки хоронили погибшего самоучку в ненастный сентябрьский понедельник. Неожиданно у раскрытой могилы появился Андрей Никифорович. Он приехал в забрызганной грязью кибитке, подошел к могиле, и, когда поп возгласил «вечную память», снял перчатку и вместе с горстью земли бросил в могилу:

— Прощай, друг. В преждевременной твоей кончине и я повинен: недоглядел, не предостерег. За каждого я в ответе. Прости...

Обратно Воронихин и Суханов ехали в кибитке вдвоем. Долго молчали, горестно переживая злую кончину даровитого работника. Пара вороных, запряженных в кибитку, пронеслась по Литейному, свернула на Невский. Плотнo прижавшись, стояли стена к стене новые нарядные дома. Высилась только что построенная каланча — ратуша; бойкое людское оживление царило вокруг Гостиного двора. Сновали взад-вперед извозчицьи пролетки, лениво расхаживали полицейские. Когда подъезжали к строительству собора, огражденному дощатым забором, Воронихин сказал:

— Нелегко дается стройка, а всё-таки наш-то Казанский преобразует Невский проспект. Чувствую и предвижу, перед собором будет полукруглая площадь, место отдыха и любования собором. Но много еще ломки и немало дела и хлопот. Завтра поеду в Пудость на каменоломню. Уж ты, Самсон Ксенофонтович, как хочешь суди — дружба дружбой, а служба службой: твоему шурина Копылову не сдобровать!.. Избежит ли суда — не ведаю. Граф Александр Сергеевич доверил ему двадцать девять тысяч рублей на ломку и обтеску камня. Он же, мерзавец Копылов, обманывал меня фальшивыми раздутыми сведениями, обсчитывал рабочих и, указанию моему вопреки, производил ломку пудостского камня не тех размеров, что надобны... Главный член комиссии распутал всё это грязное дельцо... Что ты скажешь на это?

— Да, слышал я о том, — проговорил, тяжело вздохнув Суханов, — слышал и не одобряю шурина. И жить-то ему, черту старому, немного осталось, а хапает, хапает... Чего еще ему надо? Да еще и подлоги совершает. Надо всё украденное с него взыскать, а самого от дела отстранить... В острог? Жалко. Семья большая. Виноват он? Да, очень... Крад, воровал, обманывал, глядя на других,

более крупных подрядчиков, которым за взятки любые проступки прощаются. Думал, и его помилуют. Дурак, совесть истратил и заработка лишится. Черт с ним! Шурин шурином, а при первой же встрече в рожу ему плюну: не позорь наше вологодское землячество! Не щадите его, Андрей Никифорович. Достоин наказания. Действуйте так, как некогда подсказывал великий основатель сего города: где дело идет о жизни или о чести человека, правосудие требует взвесить на весах беспристрастия как преступление, так и заслуги, оказанные отечеству; и буде заслуги перевесят преступления, милость должна хватиться на суде...

— Мудро сказано, Самсон Ксенофонович... Но скажем Копылову прямо в глаза словами того же Петра: «Не добро брать серебро, а дела делать свинцовые». На строительстве нашем Копылову не быть. Чистое дело не терпит грязных рук!..

— Ох, кабы не терпело! — сказал, сомневаясь, Суханов и, ловко спрыгнув, помог Воронихину вылезть из жибитки на мостовую.

На другой день подрядчик Копылов был лишен дела, а чести он сам лишился...

ГОРНЫЙ КОРПУС

Строительство собора, украшение его живописью, лепкой и скульптурой уносили немало времени. Но Воронихин поспевал всюду. Составлял проект за проектом новых зданий. Многие из этих проектов не осуществились, остались в собрании его чертежей и рисунков. Среди них — план церкви при Кавалергардских казармах, проект Исаакиевского собора. Немало за эти годы произведено Воронихиным рисунков мебели и предметов прикладного искусства для дворцов и пригородных усадеб.

Из заметных архитектурных сооружений им построен Дом уделов на Дворцовой набережной, между Мраморным дворцом и Машковым переулком. Впоследствии это здание было перестроено. Им же была построена оранжерея на Каменном острове, фонтан-беседка на Пулковской дороге, мавзолей в Мартышкине около Ораниенбаума. В Стрельне Воронихин перестроил дворец, террасу перед дворцом и галерею с колоннадой. Всё это и прочее проек-

тировалось и строилось в то же самое время, — в 1800—1811 годы, — когда воздвигался и Казанский собор.

В период с 1806 по 1811 год Андрей Никифорович начал и завершил строение здания Горного кадетского корпуса.

Строительство этого здания имело свою, достойную внимания историю. Еще в царствование Екатерины Второй, в 1773 году, когда тринадцатилетний Воронихин учился в иконописной мастерской Юшкова у Соли-Камской, в Петербурге было создано Горное училище для обучения наукам рудокопного и плавильного искусства. Потребность в таком высшем училище была давней и наконец стала безотлагательной. Недра российской земли таили в себе огромные, неисчерпаемые богатства, а добывать их стародедовским первобытным способом становилось невозможно при постоянно возрастающей потребности в черных, цветных и «благородных» металлах. Нужны были не только простые умельцы-одиночки, не только грубая рабочая сила, в которой не было недостатка, — были необходимы научно подготовленные мастера рудокопного искусства.

И вот, вдали от горных, рудных разработок, вдали от колыванских, тагильских и прочих заводов, в столице Российской империи, в самом устье Невы, на Васильевском острове, сначала в двух, а затем в пяти смежных и архитектурно разных домах обосновывается Горное училище.

С первых же дней своего существования неудобные классы Горного училища стали наполняться молодыми людьми из окончивших Московский университет. Были выписаны профессора из-за границы, создана своя типография, печатались книги оригинальные и переводы наставлений по изучению и добыче полезных руд и их освоению. На крыше одного из помещений была оборудована астрономическая обсерватория, а во дворе занимаемого Горным училищем квартала в скором времени сооружены модели шахт, штолен и механических приспособлений.

Через тридцать лет после основания училище разрослось.

С 1804 года училищу было присвоено наименование Горного кадетского корпуса.

Спустя два года Александр Первый (не без протекции

графа Строганова), в самый разгар строительства Казанского собора, вызвал к себе в Зимний дворец Воронихина. Из углового кабинета, окнами выходившего на Неву, царь показал архитектору на видневшиеся при впадении Невы в залив беспорядочно стоявшие дома Горного корпуса и сказал, что на их месте должно быть построено цельное здание Горного корпуса, монументальное и приятное глазу, и чтобы из боковых окон Зимнего дворца было видно. И чтобы при смотре с Невы на здание слагалось у иностранцев представление о величии столичной архитектуры. Воронихин согласился, что выбор места для Горного корпуса был весьма удачен. Но только видимость здания из окон дворца, пожалуй, может быть скрыта не из-за дальности расстояния, а по той причине, что архитектор Захаров, перестраивая Адмиралтейство, вытянет боковые павильоны к Неве, отчего вид из кабинета его величества будет стеснен теми павильонами.

— Вы правильно заметили, — сказал Александр. — Но ваши опасения напрасны: Захарову указано не подводить фасады боковых павильонов близко к Неве, не закрывать из окон моего кабинета вид на выход в залив и, следовательно, на будущее здание Горного корпуса. Составляйте план построения да учтите при составлении сметы необходимость экономии в расходах средств. Ради этого используйте излишки строительного камня, остающегося от Казанского собора; не тревожьте без сособенной нужды на месте Горного корпуса старых, но крепко стоящих зданий, а по возможности сумейте включить их в план нового здания.

Андрей Никифорович вместе со своей супругой занялся исследованием всех строений и места, отведенного для строительства.

Осматривая местность, угловатым мысом выходившую на Неву, приземистые, с толстыми стенами дома, когда-то принадлежавшие графу Шереметеву и графине Мушиной-Пушкиной, архитектор убедился в прочности фундаментов и стен, а также, учтя требования главного инспектора Горного корпуса соблюсти все необходимые удобства для учебных занятий, приступил к составлению первых чертежей-набросков.

Задача была нелегкая: надобно было из пяти смежных домов создать единое и величественное здание, чтобы и вход с моря в столицу украшало, и людям и государю

приятно было. Однако постепенно созревало верное решение.

«Старые строения подсказывают, что надо растянуть фасад здания... — размышлял Воронихин о плане, сидя над первыми набросками и перечеркивая их. — На фасаде, обращенном к Неве, поставить колоннаду строгого дорического ордера. Здесь, при впадении Невы в Финский залив, не годится легкость капителей коринфского ордера. Колонны должны стоять, не опираясь на чугунные базы, а как бы вырастая из цоколя широкой гранитной лестницы. Украшениями, лепной скульптурой не перегружать, но и не оставлять фасад голым и холодным...»

Этими соображениями Андрей Никифорович поделился с Самсоном Сухановым и еще до утверждения проекта заручился его согласием строить колоннаду.

— Что ж, Андрей Никифорович, — окаящей вологодской скороговоркой сказал Суханов, — мы, красноборские мужики, работы не боимся. А тут еще и удобство-то какое! Камень выгружать способно — десять шагов от берега... Беру подряд, Андрей Никифорович. Если и скульптуру по чужой модели будет надо делать из пудостского камня, тоже не откажусь. Можете на меня всегда положиться. А я буду в надежде на такой подряд...

Перед началом строительства Горного корпуса Андрей Никифорович решил посоветоваться с ваятелями. Интересно, что они думают, что подскажут? Хотя у него уже было, по существу, всё продумано. Да и как иначе, если мудрый строитель Леон Баттиста Альберти, заканчивая свою девятую книгу о зодчестве, еще в пятнадцатом веке учил, кому и как должен зодчий предлагать свои знания и труд.

Воронихин любил древних зодчих, хранил в памяти их умные наставления и вполне мыслью своей был согласен с флорентийцем Альберти в том, что зодчество пережило юность в Азии, расцвет у греков, а совершенную зрелость у итальянцев. Воронихин сожалел, что ему не довелось видеть Италию с ее многочисленными памятниками зодчества. Но и то, что он знал об Италии по описаниям, чертежам и рисункам, пленило его совершенством, красотой и многообразием. Он вспомнил высказывания Альберти, что «опытный зодчий должен соблюдать достоинство и только в ответ на просьбу давать надежный совет и точный план...» И еще очень верную и живучую в веках мысль

высказал тот знаменитый наставник зодчих: «Если ты решишься взять на себя и всю заботу о стройке и доведении ее до конца, тебе едва ли удастся избежать того, что все чужие ошибки и промахи, сделанные по неопытности или небрежности, припишут одному тебе. Потому нужно найти ловких, осмотрительных, неутомимых помощников, которые прилежно, старательно и неослабно будут заботиться о всем необходимом...»

Одним из таких надежных помощников в строительстве здания Горного корпуса Воронихин и наметил подрядчика — каменотеса Суханова. Нужно было еще подобрать скульпторов не более двух-трех, ибо работы по внешнему оформлению предстояло не очень много. Предстояло сделать две большие скульптурные группы, по сторонам на фасаде расположить фриз с барельефами, а фронтон украсить изображением двуглавого орла — герба Российской империи. Но до выполнения этих работ было еще далеко, и подыскивать ваятелей Воронихин не спешил, а думал над тем, какие скульптурные сюжеты наиболее подошли бы к строгому, казенному и вместе с тем монументальному, выдержанному в новоклассическом стиле зданию.

Когда всё было достаточно продумано, Андрей Никифорович при помощи своей жены составил чертеж обоих этажей всего здания, нарисовал проект главного фасада и определил характер всей внутренней отделки — простой и строгой.

Александр Первый принял его вторично, на сей раз в присутствии графа Строганова.

Разумеется, предварительно план во всех подробностях Воронихин согласовал с графом.

Воронихин доложил проект царю и кратко рассказал, как можно использовать изгиб Невы против Горного корпуса, выпятив центр фасада, — тогда массивная колоннада портика при въезде в столицу со стороны залива и при выходе из Невы в залив будет напоминать пропилеи... Царю эта мысль зодчего понравилась. Дальше Воронихин сказал, что узкие барельефы под карнизом по сторонам портика должны быть соответственны назначению учебного заведения: с одной стороны, изобразить «Приход Венеры к Вулкану за военными доспехами Марса», а с другой — «Приход Аполлона к Вулкану за изготовленной для него колесницей». В центре той и другой

композиции — Вулкан, бог огня и покровитель кузнечного искусства, — стало быть имеющий отношение к рудокопному и плавильному делу. Материалом для рельефов может служить дешевый, удобный в обработке и прочный даже в условиях петербургского климата всё тот же пудостский камень...

— Из этого же камня, оставшегося от облицовки Казанского собора, полагаю сделать две скульптурные группы и поставить их на массивные лестничные выступы с двух концов портика перед крайними колоннами.

— Что собою будут представлять эти группы? — спросил царь.

— Обе группы, ваше величество, из области мифологии: «Геркулес, задушающий Антея» и «Плутон, похищающий Прозерпину». Каждая группа, из двух фигур состоящая, равной величины и немалого размера, оживит портик здания.

— Не вижу связи между назначением Горного учебного заведения и сюжетами этих групп. Поясните!

— Связь отдаленная, ваше величество. Плутон — бог подземного мира, Прозерпина — богиня земных недр, откуда люди добывают рудные богатства. Геркулес, как известно, одолел Антея, сына Земли, оторвав его от земли и тем самым лишил силы сопротивления. Так и рудные металлы, таящиеся в земле и вынутые из оной, будучи преодолены, отдадут свою силу на пользу человека...

Царь одобрил весь проект ансамбля Горного корпуса, особенно похвалил фасад с колоннами и широкой лестницей, удачное ее сочетание с гранитным спуском к Неве. Когда Воронихин начал докладывать Александру о том, как он планирует расположение комнат, устройство ярусов и балконов наподобие кунсткамеры петровских времен, император, отмахнувшись, сказал:

— Делайте как того требуют удобства для обучения юношей и согласовывайте такие мелочи с инспектором корпуса. Нас же интересует общий вид здания.

Обращаясь к графу Строганову, Александр спросил:

— Как полагаете, Александр Сергеевич, не нужна ли при Горном корпусе своя церковь? И не кажется ли вам, что в столице мало храмов? Какая-нибудь Вологда имеет их полсотни, а в Петербурге все церкви по пальцам перечесть можно...

— Едва ли есть в этом надобность, ваше величест-

во, — возразил царю старый граф. — На Васильевском острове церковей достаточно. В воскресные дни учащиеся Горного корпуса могут под командой ходить в Андреевскую церковь...

— А каково мнение архитектора на сей предмет? — спросил император.

— Ваше величество, позволю себе сказать, что церковь при корпусе отняла бы слишком много полезного для учащихся места. Весьма справедливо замечание вашего величества о том, что в Петербурге храмов немного. Но зато какие храмы! Александро-Невская лавра, Петропавловский собор. Полагаю, и наш Казанский собор займет в столице должное место. Опять же полезно сослаться на Леона Баттиста Альберти, который в своем трактате о зодчестве замечает, что чем меньше будет богов, тем больше их будут почитать. Им же сказано: «строгие лики величайших богов с бородой и нахмуренными бровями неуместны рядом с нежными лицами святых дев...» Что нами и учитывается при заключении контрактов с живописцами, работающими над украшением Казанского собора.

— Что ж, — сказал Александр, — мысль Альберти не лишена дерзости, остроты и правильного вкуса. Итак, Горный корпус можете начинать строить. Слава богу, что денег на это здание потребуется немного. Но церковь, пусть хотя бы и мало занимающая места, при корпусе должна быть! Как же без церкви? Более того, мы намерены перестроить старые придворные конюшни в цельное здание Конюшенного ведомства. И там полагаем в центре здания построить церковь...

— Будет исполнено, ваше величество, — ответил граф на высочайшее замечание. — Поищите, Андре, местечко под церковь в стенах главного здания.

— Не смею ослушаться, будет исполнено, — склонив голову, проговорил Воронихин, складывая чертежи и рисунки в сафьяновую папку.

Выходя из дворца, граф и архитектор молчали. Молчали и сидя в карете, на коротком, минутном перегоне между Зимним дворцом и домом Строганова на Мойке. Лишь когда они вошли в вестибюль, граф заговорил:

— Андре, тебя государь любит. Как легко и скоро он принял твой план Горного корпуса. Ему нравится строгий греческий стиль. А мне более по душе легкий, как пти-

ца перед полетом, Казанский собор со всем его предполагаемым великолепием.

— Различие вкусов в зодчестве, ваше сиятельство, зависит от стремлений определенных кругов общества. Это давно замечено. И в древней Греции, и у нас теперь на Руси к торжественной строгости монументальности стремились и стремятся неограниченные властители — владыки... Изящество, блеск и модная роскошь — это то, к чему склонна наша несколько ограниченная в правах, но вполне независимая от нужды аристократия.

— Справедливо сказано, — заметил граф, поддерживаемый под руку Ворониным, ступая по устланной ковром лестнице. — И примеров к тому, Андре, очень много... А церковушку в Горном корпусе приладь где-нибудь внутри, сбоку. Во избежание недомыслия, помни, что алтарь должен выходить на восток по религиозным требованиям.

— Постараюсь, ваше сиятельство.

Строительство здания Горного кадетского корпуса началось в то время, когда Казанский собор был уже возведен, но требовались еще годы для внешней и внутренней его отделки.

Много поработал на постройке Горного корпуса подрядчик каменотес Суханов с артелью подобранных один к одному каменотесов. Из пудостского камня он делал обе скульптурные группы, поставленные у наружного входа. Он же выполнил на фризах барельефы по модели скульптора Василия Ивановича Демут-Малиновского. Одна из скульптур «Геркулес, задушающий Антея» в модели была изваяна другим скульптором — Степаном Степановичем Пименовым. Оба ваятеля в те годы отличились на многих декоративных работах в Петербурге. В частности, ими изваяны фигуры, поставленные в ниши северного портика Казанского собора. Две из них: статуи Владимира Киевского и Александра Невского созданы Пименовым. Андрей Первозванный в полуобнаженном виде изваян Демут-Малиновским.

Кроме строения Казанского собора и Горного корпуса, у Андрея Никифоровича было много других забот. Став академиком и профессором архитектуры, он уделял немало времени преподаванию зодчества в Академии художеств. То ему надо было находиться на строительстве собора, следить за отделкой, принимать работу, выполнен-

ную лепщиками, штукатурками, художниками и ваятелями; то наблюдать за постройкой Горного корпуса. Последнему придавалось немаловажное значение.

Воронихин всматривался в будущий ансамбль с противоположного берега; не раз выезжал на лодке и глядел с Невы, как вырастает это новое классическое здание.

В архитектурном классе Академии художеств Андрею Никифоровичу приходилось немало сил затрачивать на подготовку к преподаванию уроков.

Давно устарели книги, составленные для Московского Пушкинского приказа, по которым Воронихин учился в «Архитектурной команде» в Москве. То были наставления с длинными заглавиями, вроде: «Книга, в ней писаны образцы всяким немецким городам земляным и каменным, и чертежам учить чертить», «Книга, в ней писаны образцы столбов церкви, или в Палате, или у Мостов каменных». На смену этих книг появились в переводах труды знаменитых зодчих-классиков. Готовясь по их книгам к занятиям с будущими строителями, Воронихин постигал многое и для себя. В числе тех трудов были архитектурные каноны Виньоли и Палладио, Альберти и Витрувия и новые наставления по архитектуре Ивана Лема и других. Но главным являлась строительная практика, в которой не было недостатка в растущем Петербурге.

Когда шла обработка стен Казанского собора и начали строить Горный корпус, трудно было определить, чем больше занимался Андрей Никифорович.

Он успевал везде. Даже на дому занимался с крепостными даровитыми ребятами, готовил их для поступления в Академию художеств. То были молодые строители Шаров Петр, Мичурин Иван, Садовников Петр и другие мужицкие дети из крепостных Строганова и Голицыной, впоследствии ставшие архитекторами у своих владельцев. Их способности были примечены Андреем Никифоровичем на работах при возведении Горного корпуса и собора.

ЕЩЕ О ПАВЛЕ СТРОГАНОВЕ

До смерти Екатерины Второй Павел Александрович с женой и ребенком Сашей вернулся из Братцева в Петербург. Давно уже прошли революционные парижские

увлечения «Поля Очера». Молодой граф решил бесповоротно встать на другой путь, занять положенное ему по званию место в общественной жизни России.

Внук Екатерины, будущий император Александр Первый, стал близким другом Павла Строганова. Они нередко встречались и весело проводили время в подмосковных и новгородских дачах-особняках. В то время поговаривали в дворцовых кругах (эти слухи доходили до великого князя Александра Павловича и Павла Строганова) о том, что Екатерина хочет, минуя Павла, передать российский престол внуку-любимцу Александру, если этому не воспрепятствует Сенат.

И тогда уже Павел Строганов помышлял использовать свою близость к Александру в целях служебной карьеры. Что ж, если не пришлось стать русским Мирабо, то не потеряны шансы быть министром при императоре, благо шансы увеличиваются частыми встречами и доверительными беседами и возникшей дружбой с великим князем.

Но случилось так, что воцарился Павел. С первых же дней царствования Павел был одержим манией величия, помноженной на манию преследования.

Недаром в те годы даже его прямой наследник Александр писал во Францию одному из павловских изгнанников, своему бывшему наставнику Лагарпу:

«Мне думается, что если когда-либо придет и мой черед царствовать, то, вместо добровольного изгнания себя, я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустив ее сделать в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законной властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих представителей. Вот в чем заключается моя мысль. Я поделился ею с людьми просвещенными, с своей стороны много думавшими об этом...»

В числе четырех лиц, «много думавших об этом», Александр назвал и Павла Строганова. И когда после убийства Павла Первого стал императором Александр, Павел Строганов с первых же дней его царствования ока-

зался одним из приближенных царя, когда-то рассуждавшего о даровании «свободы» сверху, дабы она не пришла, наподобие французской революции, снизу.

Павлу Строганову была поручена забота о народном просвещении.

Влияние Жильбера Ромма, длительная жизнь за границей помогли молодому советнику государя внести предложение о преобразовании учебных заведений на французский лад: ввести общее образование в стране, строить училища, где бы учили детей наукам, а не только простой грамоте.

Началась кампания 1805 года.

В аустерлицкой катастрофе русского войска, как известно, были повинны штабы союзников и сам Александр Первый, не по разуму взявший командование на себя.

В день незадачливого аустерлицкого сражения Павел Строганов впервые оказался свидетелем и участником горячей схватки. Он видел терпеливость, преданность военному долгу, бесстрашие и героизм русских солдат. Видел трусость и продажность союзников и был свидетелем слабости и неумения государя руководить делами войны. И, возможно, тогда, веря в силу, выносливость и беззаветную храбрость русского солдата, Павел Строганов решил посвятить себя военной службе. Как только началась война, он, имея чин тайного советника и сенатора, поступил добровольцем в отряд казачьего атамана Платова.

В марте 1807 года он участвовал в походе против французов. Платов поручил ему командование казачьим полком.

Первые же дни сражений в районе, расположенном между городами Гутштадтом и Аленштейном, принесли Павлу военную славу. Казачий полк под его командой разбил обозы маршала Даву, захватив при этом богатые трофеи и даже маршальский жезл. Еще два-три удачных сражения, и Павел Строганов становится генерал-майором с Георгием в петлице...

Зимой 1808 года, командуя лейб-гренадерским полком, он выступает в одной из пяти колонн князя Багратиона на Аландские острова против шведов. Трудный ледовый поход увенчался успехом.

Не прошло и года после войны со шведами, началась война с турками. Снова Строганов в армии Платова и командует в первой линии шестью казачьими полками.

Разразилась Отечественная война 1812 года. Павлу Строганову — тридцать восемь лет. В его распоряжении сводная дивизия из лучших полков — Павловского, Таврического, Петербургского, лейб-гренадерского и других, не раз отличившихся в боевых схватках. Его дивизия столкнулась с войсками Наполеона еще за Смоленском и отличилась под Бородином.

Вскоре Строганов стал командовать корпусом, и под городом Красным, действуя вместе с войсками генерала Милорадовича, его корпус разбил корпус маршала Нея...

Некоторое время Павел Строганов лечился и отдыхал среди родных в Петербурге. Но очень недолго. Захватив с собою восемнадцатилетнего сына Александра, он отправился в действующую армию преследовать противника.

23 февраля 1814 года почти у стен Парижа был убит его единственный любимец-сын. Это несчастье сильно потрясло Павла Александровича и подкосило его здоровье. Но и больной он участвовал в сраженьях и, казалось, искал смерти...

В эти бурные годы Павлу Строганову редко приходилось бывать в Петербурге. Участие в войнах, нахождение с дипломатической миссией в Англии и другие государственные дела отвлекали молодого графа, сенатора и генерала от семьи.

Андрей Воронихин жил в то время безвыездно в Петербурге. Строительство Казанского собора, Горного корпуса, работы в императорских резиденциях — в Павловске, Петергофе и Стрельне — поглощали его время и силы.

В один из редких приездов Павла Строганова в Петербург им всё же удалось встретиться на строительстве в Павловске и еще раз в летний тихий вечер на строгановской даче в собрании масонов. Было это еще за несколько лет до наполеоновского нашествия.

Павел Строганов, невзирая на свои чины и звания, не пренебрегал встречами с простыми людьми, умел находить общий язык с ними и вызывать на откровенные разговоры. Да это и не было трудным делом: если русский мужик-строитель видел перед собой человека незапачканный, чуткого, искренне желающего узнать что-либо о его трудовой и нелегкой жизни, он охотно — не без грубинки и хитринки — вступал в разговоры и выкладывал перед кем угодно свои сокровенные думы.

Однажды Павел Александрович переоделся в самую невзрачную одежду и, поглядев на себя в зеркало, убедился, что он из генерала и графа обернулся в человека чиновного, и весьма невысокого ранга. В таком виде он вышел из Строгановского дворца и, затерявшись в толпе уличных пешеходов, прошел по Невскому проспекту до старой, тогда еще не сломанной церкви Казанской богоматери. За этой церковью, за высоким дощатым забором и был в своей основе от фундамента до купола возведен Казанский собор.

В послеобеденный час каменщики и штукатуры, плотники и других профессий рабочие люди отдыхали: кто лежал в самой непринужденной позе, кто спал.

В летнюю пору короткой петербургской ночи рабочий день строителей был слишком длинный, изнурительный, и после обеда сон одолевал всякого, стоило только прилечь, положив голову на булыжник или кирпич.

Грянул колокол. Не спеша, зевая и потягиваясь, люди поднимались с земли, стряхивали пыль с домотканой сермяжной одежки, брались за инструменты и расходились по своим местам. Начинался после непродолжительной тишины стук и грохот, шум и ляганье, слышались выкрики штукатурщиков и кровельщиков, приступивших к делу на высоте, им одним доступной.

Надсмотрщики и десятники похаживали вокруг, сонливо потлаживали на подчиненных им артельщиков, и никто не обращал внимания на молодого переодетого графа, наследника того самого Строганова, который над всеми строителями собора и царь и бог.

— Где бы мне увидеть зодчего Андрея Никифоровича? — спросил Павел Александрович одного из десятников, наблюдавшего за откачкой воды из подвалов собора.

— А бог его ведает, — ответил тот. — Он тут не каждый день бывает. У него хлопот много. А здесь дело налажено, идет и без архитектора. Вот разве Самсон Суханов про то знает.

Суханов следил за работой каменотесов, — они выкаблывали канелюры — продольные ложбинки на коринфских колоннах, вытесанных из пудостского камня. Строганов обратился к нему с тем же вопросом.

— Если Андрей Никифорович не в Павловске, — от-

ветил Суханов, — то где-нибудь на Черной речке, на даче у вашего батюшки фармазонит!..

— Как батюшки! Какого батюшки? — изумился Павел Строганов и тут же смутился под острым взглядом Самсона Суханова. Его инкогнито было мгновенно раскрыто, и хитрить уже не приходилось.

— Простите, ваше сиятельство, по обличию вижу, что вы сын графа Строганова. И одежда на вас сидит нескладно, да и не к лицу она вам. И от Андрея Никифоровича я слышан, что вы теперь в генералах и находитесь на отдыхе в столице. Ну а господина Воронихина, пожалуй, надобно искать в Павловске.

— А что значит «фармазонит»?

— Виноват, ваше сиятельство. Да разве вам не ведомо, что Андрей Никифорович, хотя и божий храм строит, а тайком от добрых людей к другой, фармазонской вере привержен? Да будто и батюшка ваш тоже, и многие другие из господ, побывавших в Немецтине... Это же, ваше сиятельство, такая проклятущая вера: раз вступил, принял ее, то твоя душа будто под заклад дьяволу отдана. Ни взад, ни вперед — никуда не денешься. И высвободиться никак не можно. Раз, любопытства ради, взял я у господина Воронихина одну книжечку фармазонскую и запомнил такие слова:

Многие тому примеры, говорят, бывали,
Которые от веры отстать пожелаали,
Но из оных живых нет на свете.
Ведь смерть у каждого заключена в портрете.
В портрет пальнуть из пистолета, —
И «Фармазон» лишится света...

Вот как они, ваше сиятельство, своих отступников уничтожают. Андрей-то Никифорович и рад бы от них прочь да дальше, но куда от них, проклятых, денешься! И за тыщу верст будь от них, стрельнет в портрет — и был таков, скоропостиживая смерть — и душа к дьяволу... Да кому я говорю, вы лучше моего знаете. Одно только и радует, ваше сиятельство: хоть и фармазонит Андрей Никифорович, а своего-то бога не забывает. Молится, свечи ставит, на исповедях бывает... Может, хотите взглянуть, как у нас работа идет? Могу и без архитектора показать и порассказать. Я тут не последняя спица в колеснице. Мы с земляками немало дел наворочали.

Павел Строганов не спешил, поэтому охотно принял

предложение подрядчика-каменотеса и вместе с ним обошел вокруг собора, зашел посмотреть, что делается внутри, поднимался на леса и долго там любовался, как рабочие-строители прилаживают к колоннам прочные, из камня, капители. Показал ему Самсон Суханов и «многолюдный» законченный барельеф над алтарной абсидой, работы скульптора Рашета, изобразившего «вход господень в Иерусалим», и барельеф Мартоса над восточным проездом колоннады. Под резцом искусного скульптора Ивана Петровича Мартоса серые пудостские камни и обыкновенная глина превращались в бессловесный, но картинный рассказ о том, как, согласно библейской легенде, Моисей добывает из камня воду для жаждущих в пустыне. Многие другие скульптурные работы, как и эти две, еще не были завершены, и Павел Строганов не особенно ими интересовался.

Потом по устойчивым бесконечным стремянкам они поднялись на купол собора. С тридцатисаженной высоты Павел Строганов с нескрываемым интересом смотрел во все стороны. Редко бывая в столице, он еще ни разу не видел город с такой высоты.

— Как много воды и садовой зелени в Петербурге! — дивился Строганов, осматривая через крыши домов город и его уходящие на юг и север окрестности. — Хорошее место Петр выбрал. Жаль только, что ни он, ни кто другой не в силах изменить здешнюю суровую, хмурую природу с ее сыростью и холодами. Эх, кабы сюда киевский климат!..

— Совершенная правда, ваше сиятельство, в долгое да теплое время и дома и все строения выглядят краше и не хиреют. А от худой погоды даже камни и те слезы проливают, — заметил Суханов. — Поди-ка, наш Питер скоро и Парижу не уступит?

— Пожалуй, если так дело пойдет, — улыбнулся Строганов. — Ведь Париж — старик, а Питер — младенец по сравнению с ним. Скажите, что это там строится? Не мажеж ли?

— Точно, ваше сиятельство, конногвардейский манеж господин Кваренги строит. Тот самый зодчий, что на Садовой улице великолепный банк соорудил. А в устье Невы Горный кадетский корпус строится. Там и мне, и моим людям дела много. Я, ваше сиятельство, у Андрея Никифоровича на первом счету, порасспросите о Самсоне Суха-

нове — каменотесе, плохого слова обо мне не услышите. Живу и тружусь не корысти ради. Что наживу, с собой на тот свет не возьму. Было бы что на себя надеть да чем брюхо напитать — и слава богу. Нам капиталы наживать ни к чему. После мертвого медведя шкура останется, после богача нарасхват наследство, а после доброго человека и посмертно доброе имя живет. И Андрей Никифорович тех же мыслей человек... А там, ваше сиятельство, на стрелке острова против Петропавловки на Бирже у зодчего Томона мне работка тоже предстоит. По колоннам да по береговым креплениям, пожалуй, лучше Суханова-то нынче и в городе нет. А Биржа вся будет в колоннах. Как бывало древние греки строили. Тоже вот и Адмиралтейство заново будет Захаровым перестраиваться. Больше полста лет без переделки стояло. А теперь быть Адмиралтейству еще краше...

Суханов, идя впереди по лестницам и помостам, вел за собой Павла Строганова. Тот смотрел на крепкий затылок каменотеса, на широкие богатырские плечи, на играющие под выцветшей рубахой мускулы, смотрел, завидуя здоровью могучего мужика, и думал, глядя на него и на работных людей, терпеливых, неунывающих трудолюбцев: «Счастье России иметь таких силачей и умельцев. С таким народом, если его не обижать, жить не страшно...»

Итак, не найдя Воронихина на строительстве Казанского собора, Павел Александрович на четверке сивых, запряженных в графскую, тяжелую, но удобную для дальних переездов карету, выехал в Павловск, где и нашел Андрея Никифоровича, занятого восстановлением дворцовых комнат и оборудованием их по его собственным рисункам.

Старые друзья, по обычаю русскому, сняв головные уборы, обнялись, расцеловались. После первых радостных восклицаний и обоюдных расспросов Воронихин, заперев комнату, в которой работал над чертежами переустройства дворцовых комнат, пошел показывать Строганову бывшую резиденцию императора Павла.

Строганов побывал во всех залах дворца, в уголках парка, осмотрел всё, что сделано было в них по плану Воронихина, даже мебель, изготовленную по его рисункам. Затем Воронихин водил Строганова в парк к небольшому мосту, украшенному кентаврами.

Вся планировка Павловского парка с его извилистыми тропинками, живописными берегами прудов и речки Славянки, с мостами, решетками, статуями и самыми неожиданными павильонами удивила Строганова изощренностью замыслов зодчих и садовников.

Больше всего из парковых построек понравился Строганову воздвигнутый в то лето Андреем Воронихиным «Розовый павильон». Это квадратное здание с легкими ионическими колоннами было окружено кустами цветущих роз. Небольшие фронтоны над четырьмя портиками расписаны красочными картинами. В полукруглых окнах под куполом были поставлены арфы. При малейшем дуновении ветра арфы мелодично звучали, словно тронутые рукой невидимого волшебника-музыканта.

Восхищаясь работами Воронихина, Строганов за обедом в небольшом кругу проживавших в Павловском парке вельмож сказал:

— Хорошо, Андре, очень вы преуспеваете в зодчестве. Но не слишком ли много работы? Так и надорваться можно. Казанский собор, Горный корпус, строения в царских резиденциях, — всё это отнимает у вас столько сил. Да еще, как говорят ваши люди, вы и «фармазонить» успеваете. И теперь бываете на собраниях масонов?..

— Ну, это, Павел Александрович, со мной случается редко. МASONСТВО меня привлекло, однако не увлекло. Есть дела поважней. Хожу я туда и состою в их сообществе постольку, поскольку это потребно и в интересах той среды, в коей я бываю. Да и взгляды их мне не чужды.. А что касается дела, то тут приходится успевать. В моей жизни много времени пропало впустую. Теперь догоняю сам себя. Надо спешить — жизнь коротка. Никак не сделать всего, что задумано, зарисовано да в чертежах расчерчено. И еще надо успевать пользоваться помощью вашего родителя; ведь и он, мой добрый покровитель, не два века проживет. А самое важнейшее, Павел Александрович, на что я имею виды и расчеты — это до конца достроить Казанский собор, чтобы и с южной стороны была такая же колоннада, как и выходящая на Невский проспект.

— Понимаю и представляю... — отозвался Строганов. — Задача большая. Но разве есть в чем препоны?..

— В деньгах, Павел Александрович, и ни в чем более! Камня на колонны около Гатчины в карьерах сколько

угодно. Рабочая сила в избытке. Одного недостает — денег!..

— И много надо?

— Миллионов около двух...

— Зная казну государеву, скажу: придется повременить со второй колоннадой. Под Аустерлицем нас проучили, воюем плохо. А в предвидении будущего расходы военные потребуются немалые. Государь знает это и не согласится строить вторую колоннаду. Нет, не согласится.

— Что ж, приходится скорбеть и сожалеть, если так. Добро бы догадались потомки доделать мои недоделки.

— Это другой разговор, Андре; такая возможность будет зависеть от художественного вкуса потомков и от благосостояния и богатства столицы.

В тот день в Павловске Строганов пробыл у Воронихина до позднего вечера. О многом было переговорено, многое вспомнано добрым словом. Оба они изменились, дошли до широкой известности — один в политике, другой в искусстве.

Через несколько дней они еще раз встретились в Петербурге на островах. Воронихин был там с женой, наслаждался отдыхом в праздничный день, любовно осматривал сады и парки, разбитые на смешанный англо-французский манер около старой елагинской усадьбы, еще не тронутой зодчим Росси, и около дачи Строганова.

В светлые летние сумерки, какие бывают только в Петербурге, на дачу престарелого графа Александра Сергеевича стали собираться вельможи, состоявшие в масонской ложе.

Оставив жен в жилом доме, неподалеку от воронихинской дачи, что на Черной речке, Павел Строганов и Андрей Воронихин прошли через ворота нижнего павильона и поднялись по лестнице во второй этаж, где помещались библиотека и удобный для собрания светлый колонный зал. Кроме библиотечного зала, имелась тут скрытая комната для масонских таинств. Эта тайная комната служила не для общих собраний, а для совершения процедур приема и утверждения гранметром посвящаемых в деятельность масонской ложи.

В тот летний вечер на даче у Черной речки никого не «посвящали», а было самое обычное собрание.

Войдя с Андреем в библиотеку, Павел спросил:

— Скажите, Андре, что вас привлекает в этом, как говорят мужики, «фармазонстве»?

— Стремление к облагораживанию нравов в обществе и содействие просвещению народа... Таков основной пункт нашего положения, ну и, разумеется, прошу прощения за откровенность, требование времени и желание идти в ногу, плечом к плечу с нашей общественной средой...

— Благие цели, но не пустое ли всё это? А впрочем, слушаем, о чем тут у вас сегодня будет речь.

Вскоре десятка два масонов заняли свои места в кривоногих креслах, украшенных бронзовыми виньетками. Все замолкли, когда старик Строганов поднялся с кресла, стоявшего за столом, покрытым черным бархатом. Поглаживая левой рукой человеческий череп, находившийся рядом с массивной чернильницей посреди стола, а правой держа какие-то бумажные листки, не свойственным ему голосом, сухо и напевно, старик Строганов заговорил словами, заученными заранее:

— Други мои, «каменщики» и прочих степеней в ложу посвященные мужи и ученики!.. Собрания наши по уставу не часты, но ведомы ли вам, чтимы ли вами пресветлые труды высших учителей, указующих нам честные и нравоучительные правила, как то: о воздаянии своему создателю должного, о благопристойной уступчивости нападающим, об учтивости, скромности, услужливости и приветливости?.. Храните ли вы, как подобает, данное слово, не нарушаете ли обещаний своих?.. «Путь счастья человеческого», книга сия премудрая, обязует нас, давших клятву, быть покорными начальникам своим, но без раболепства. Помогать притесненным, избегать роскоши и глупости... — (При этих словах своего отца, ставшего в позу проповедника, Павел Строганов не удержался от злой усмешки.) — Бережетесь ли вы, други мои, излишнего питья и ядения и готовы ли каждодневно к смерти по-христиански?.. Помните: великолепие света вдруг в ничто превращается! Ибо всё в свете суета и тлен. О том и в «Полезном увеселении» сказано: не постоянен свет, всё в свете суета, проходит всё, как дым, сон краткий и мечта. Нет в свете ничего, что б было непременно, нет постоянного на свете совершенно...

И долго, молча склонив головы, слушали туманную

речь старого масонского мастера графа Александра Сергеевича Строганова.

Потом кто-то из присутствующих читал собственного сочинения, в этом же духе, стихи о ничтожестве телесных увлечений, кои суетны в мире здешнем, ибо всяческие нетленные ценности обретаются в потустороннем мире:

...Одна лишь красота телесна,
Приятность и очам прелестна,
Не может вечно нас зажечь.
Что в членах льстит и нас пленяет,
То наглость времени съедает.
И может вскорости пресечь...

Воронихин слушал скромно и молча, подобно всем остальным участникам ложи, но рядом сидевший гость — граф Павел — ерзал в кресле. Он шепотом сказал Воронихину:

— Чушь какая-то!.. Дурачество! Пойдем отсюда, Андре, ради бога пойдем на свежий воздух, к пруду. Разденемся догола, будем купаться перед статуей Нептуна и воздадим честь и славу Бахусу. Непереносно слушать это глупейшее кликушество.

— Я не имею права, — тихо отозвался Андрей Никифорович. — У нас собрания такие всего лишь четырежды в году. Обязан сидеть до конца и слушать.

Скоро все эти неестественные речи, заклинания и декламации завершились последним и кратким словом старого графа:

— Други мои! Шестая статья «всеобщих положений» гласит, что истинному свободному «каменщику» подобает усердно чтить и любить всевышнего, всесвятейшего и великого зиждителя вселенных. А посему призываю вас всех здесь сидящих к общей молитве высшему существу...

Все встали. Встал и Павел Строганов, но сразу же вышел из библиотеки на галерею, остановился за дверью, тяжело вздохнул, прислушался. Из-за стеклянных стен библиотеки послышался речитатив, четко произносимый всеми оставшимися:

— Великий, всеильный архитектор, боже преблагий, подавший нам днесь силы к трудам нашим, прими благодарение сердец, истины твоя коснувшихся, и сотвори, да все мы, об истине размышляя, пойдем путем, тебе благоприятным...

«Блажь, — подумал Павел Александрович, — блажь!..

Французских революционеров вам недостает. Они бы просветили вас...»

Свою мысль Павел досказал, когда все масоны, во главе с его отцом, вышли на галерею и, словно бы преобразившись, заговорили об обычных житейских вещах.

— Господа, — обратился Павел Александрович к столпившимся, — вы только что предавались красноречию в библиотеке, а мне позвольте здесь сказать и спросить вас: для чего вы исповедуете сие?.. Рассуждаете о близости и жалости к народу, читаете вирши, смеху подобные. А знаете ли, что народ-то насмехается над вами, «фармазонами»? Да кстати сказать, если кто хочет приблизить себя к неким идеалам, к чему их искать далеко? По высоте учености Ломоносов и собиратель народных песен Чулков — образцы, по чистоте чести и совести — тоже. Так зачем же вам копать в каких-то невесть кем выдуманных масонских положениях?

Все молчали.

— Правду я говорю, Андре?

Молчал и Воронихин. Лишь чуть заметно лицо его озарилось сдержанной улыбкой.

— Молчите? Хорошо. Я продолжаю: полюбуйте на мир. Какая прекрасная петербургская ночь приближается! Солнце скрылось в Финском заливе. Брызги лучей поднялись над водными просторами. И нет солнца. Но мы знаем и верим, что оно завтра же, вернее, сегодня ночью поднимется над шуваловским парком. Впрочем, лучи его и сейчас не погасли ни на шпилях Петропавловского собора и Михайловского замка, ни на крестах Смольного собора, ни на Адмиралтейской игле, ни даже на сосновых клетках лесов, что окружают купол Казанского собора. Всюду следы солнца, гулявшего над столицей весь летний день-деньской. А каким прекрасным становится Петербург! Всего ему сотня лет, и всего триста тысяч жителей, а он уже готовится поспорить величию своим с любой столицей мира. А кем создан сей град? Нашим богатством? А кто нам создал и создает богатство? Руки человеческие, народные руки, разум? Да, разум, но не тот разум, к которому вы в своих ложах взываете, именуя себя «каменщиками», ничего общего не имеющими с каменщиками и каменотесами вроде того же вологодского крестьянина Самсона Суханова, который со своей артелью почти все колонны воздвиг в Питере!..

И опять все молчали, уставив на Павла Александровича изумленные глаза.

— Вы знаете Суханова? — спросил Воронихин после некоторого молчания.

— Да, видел и слышал его наивные суждения о «фармазонах». Но его наивность, мне кажется, не лишена мудрости. Кому-кому, а вам, Андре, не к чему заниматься этими мистическими таинствами, хотя бы и прикрытыми благими вожделениями.

Опять смолчал Воронихин, лишь глаза его ласковой смотрели на Павла Строганова и улыбка снова озарила его лицо.

— Что ж молчите, господа? Ну, тогда прощайте. Я сказал то, что думал, прошу не быть на меня в обиде... Андре, нам пора на лодку и домой!..

Четыре дюжих гребца сидели на веслах. Павел Строганов и Воронихин решили прокатиться в лодке к дому старого графа на Мойку окружным путем, через залив. Предоставив женам любоваться ярким вечерним закатом, они, не обращая внимания ни на побережье залива, ни на корабли, пришедшие из дальних стран, продолжали всё тот же разговор, который возник на даче:

— Вы знаете, Павел Александрович, что моя философия простая — трудиться на пользу людей, сделать что-то заметное, не только скрашивающее мою жизнь, но чтобы и смерть мне была не страшна, ибо что-то мною сделано, не даром жизнь прожита, — говорил Воронихин, как бы в чем-то оправдываясь перед Павлом. — Другое дело вы, Павел Александрович; вы государственный муж, стало быть, и путь ваш иной. А в масонстве, повторяю вам, меня с моим мягким характером пленили известные правила этой ложи: скромность, добронравие, любовь к отечеству и братии, постоянство, щедрость и любовь к смерти...

Павел чуть заметно усмехнулся, обнял Воронихина, сказал:

— Конечно, всё это не противоречит евангельским истинам. Но кто среди владетельных и богатых живет не в разладе с евангельским учением? Никто! Да что говорить! — махнул рукой Павел. — Всё это трин-трава. Ни Екатерина раньше, ни Александр теперь, я не говорю о Павле, не жаловали и не жалуют своим благоволением масонство. Больше того, знаешь ли ты, Андре, как сами

вожаки этого общества под конец своей жизни раскаиваются и оплевывают свои былые увлечения?

— Нет, об этом не знаю. Кто бы это такой отступник нашелся? — спросил Воронихин.

— Да сам Елагин, покойный «предводитель» ложи. Незадолго до смерти своей рукопись сочинил «Повесть о себе самом». Разумеется, рукопись попала в руки масонам, и они ее держат даже друг от друга в тайне. Читая список, есть у отца моего, бережется под замками и печатями.

— Ну и что там?

— Всё отрицается. Масонство он считает глупейшим и ненужным бредом. Нет, Андре, не для русского духа масонская затея! А если найдется у тебя толика свободного времени, читай древних греческих и римских мудрецов; не возбраняется и французских философов-просветителей знать. Полезно для ума и сердца. Но всё твоё время поглощено трудами, тебе некогда листать книги и задумываться над прочитанным.

— Да, некогда, — признался Андрей Никифорович. — Работа, работа, без конца... Читаю мало, разве по субботам, вечерком, после бани. Да и читаю как-то урывками, то одну книгу достану из шкафа, то другую. Полистаю, и — обратно на полку. Голова разными мыслями занята! Чертежи, расчеты, сметы... У меня ведь и книг много, одних новиковских изданий десятки, и вольные запретные есть. Опять же и библиотека академии, и вашего батюшки книжное хранилище мне доступны. Одна препона: занят до последнего предела. — Воронихин задумался.

— Изыскивай, Андре, время, — посоветовал Павел Строганов. — Книга — великое дело. Я раньше, как помоложе был, не понимал этого. Разумей, не древних архитекторов книги меня интересуют, а греческие философы и римское право; военная наука и история мне тоже не излишеством кажутся, знать положено.

— Положено, говорите? — оживился Воронихин. — Не под Аустерлицем ли пришла вам об этом догадка в голову?

— Из поражений, бывало, и Петр Великий пользу извлекал, а нам и бог велел... — ответил на это Павел Александрович.

Когда они прибыли в Строгановский дворец, Павел

увел Воронихина в свою библиотеку и снабдил его книгами, переведенными с латинского.

С томиками в кожаных желтых переплетах — Сенеки, Марка Аврелия, Эпиктета и других древних авторов Воронихин вышел от молодого графа, расставшись с ним с искренним дружелюбием.

Это была последняя встреча Воронихина с его давним другом-приятелем Павлом Строгановым. Происходила она за три с лишним года до освящения Казанского собора и, стало быть, за четыре года до наполеоновского нашествия.

У СУХАНОВА НА ПОДРЯДЕ

Петербургская зима в тот год выдалась слякотной, неудобной для строителей, но работа велась непрерывно. И если было больше больных, нежели в крепкие русские морозы, то подрядчики находили выход из положения, заставляя здоровых людей трудиться в ночную пору при свете костров и фонарей, а также в праздничные и воскресные дни.

Весна по приметам стариков обещалась быть скорой, поэтому подрядчик Самсон Суханов, предвидя, что с наступлением весны много понадобится ему людей, своевременно, еще на масленой неделе, написал в родные красноборские места мужикам заманчивые письма с приглашением на весенний и летний сезон в Питер на работы до самой глубокой осени. А в письмах тех, кроме обычных низких земных поклонов, были расписаны поденные и поместные цены разному рабочему люду зависимо от умения каждого. Дороже подносчиков, закоперщиков и плотников ценились кузнецы и каменщики. Но между прочим Суханов предупреждал в своих «оказиях» вербуемых отходников, что какие цены за труд существовать будут, не следует забывать — расчет ассигнациями, а им цена четвертак серебром за рублевую бумажку...

— И то не худо! — решали между собой мужики. — В деревне сидя, и того не добудешь...

С запасом ржаных сухарей, сушеной рыбы, в домотканой одежде, армяках, в овчинных полушубках шли ватагами с северодвинских и сухонских берегов мужики в столицу на заработки, шли-торопились, пока держались морозные мартовские утренники и не мешали на путях-

дорогах весенние разливы. И только когда подходили к Волхову, вроде бы начиналась настоящая весна.

Волхов шумел, пенился.

Посредине реки, над глубокими местами, косматились быстрые островерхие волны, а на залитых берегах торчали из воды вершинки кустарника и плескались на отмелях отяжелевшие от икры громадные щуки.

Волховские рыбаки-лодочники переправляли на левый берег подошедших, уставших от пещего пути вологодских и архангелогородских сезонников. Теперь недалеко им оставалось до Питера.

В столице, в первую очередь, ночлег с отдыхом, баня, затем серьезный разговор с подрядчиком — комиссионером купцом Самсоном Сухановым. И не просто разговор, не только вера на слово, а совместная выработка настоящего договора и подписание его.

Прячась от холодного дождя, собрались сезонники в пустом бараке, где когда-то шлифовались колонны, поставленные внутри собора.

На сборище явился сам подрядчик Суханов, с ним экзекутор, стряпчий-делопроизводитель, сочинитель бумаг. Для вящего порядка был еще приглашен чиновный представитель из управы благочиния. Все четверо торжественно разместились за широким верстаком, покрытым для приличия холстиной.

Мужики и парни и еще не достигшие совершенного рабочего возраста подростки сидели на тесинах, обрубках балок, на обломках гранитных глыб, — кто где и как мог примоститься.

Стряпчий положил перед собой и разгладил лист серой шероховатой бумаги, развернул тряпицу и достал исправное, остро очиненное гусиное перо, отвинтил крышку от карманной медной чернильницы и поставил ее посреди верстака, — авось понадобится не ему одному, но и господину экзекутору Епанчину и члену управы благочиния. Сверху на листе крупно, правильным почерком дошлого канцеляриста стряпчий вывел: *«Договор подрядчика и комиссионера гильдии купца Самсона Суханова с вологодскими и архангелогородскими губерний мужиками-работными на предмет подряда работ на всё нынешнее лето...»*

Суханов встал с места и повелительным голосом заговорил:

— Так вот что, мужички-земляки, вам скажу: перво-

наперво, господин Епанчин, наш чиновный человек-экзакутор, произведет всем вам перекличку. Супротив каждой фамилии поставит знак присутствия каждого из вас и отберет от всех паспорта на всё время исполнения договора. Он будет называть поименно и пофамильно, а вы откликнитесь и сюда к нему кладите паспорта. Начинайте, господин Епанчин!

Экзакутор достал из сумки список, разграфленный на тридцать апрельских дней, очки — на нос, карандаш — в руки и начал перекличку:

— Алексашка Петухов Черепанин!

— Здеся, куды пашпорт класть?

— Мишка Сизов!..

— Туточки как есть...

— Паспорта все кладите в одну кучу на сохранение и как ручательство... Следующий Володька Брязгин Крошечный... Подходи. У Суханова всем крошечным и великанам работки хватит. Казанская богоматерь построена, скоро за Исаакия примемся.

— А у меня нету пашпорта, я не в годах, я пришел с тятькой.

— Не знаю, не знаю... Как вот господин подрядчик распорядится, — замешкался экзакутор.

— Отец здесь? — спросил Суханов.

— Здесь, — ответил мужик крайне малого роста, конопатый. — Христом-богом прошу взять малого в работу. На подноску чего, на разные побегушки или в кузнице меха раздувать, да и топоришко из рук не вывалится.

— Сделай отметинку, — кивнул Самсон экзакутору, — пусть к труду привыкает. За треть цены сойдет...

Когда все четыреста человек были отмечены в списке и паспорта их отобраны и сложены экзакутору в сумку, Самсон Суханов, посоветовавшись с членом управы благочиния, начал было соображать о пунктах договора, чтобы диктовать их стряпчему в запись, а рабочему люду на полное согласие и подписание.

В это время в барак вошел архитектор Воронихин, снял шляпу и, к присутствующим обратясь, поздоровался:

— Здравствуйте, добрые люди! Мир да лад вашей беседе...

— Встать! Шапки долой! — словно scomандовал Суханов. — К нам пожаловал сам архитектор профессор-академик господин Воронихин. Добро пожаловать, Андрей

Никифорович, садитесь с нами, послушайте. Подряд по всей законной форме проводим...

— Сидите, мужички, сидите. А ты, Самсон, продолжай свое дело, да земляков-то не обижай, не будь прижимистым.

— Я по-божески, Андрей Никифорович, на законных комиссионных орудую. Больше других подрядчиков себе не беру, — сказал Суханов и почувствовал стыд перед архитектором, и стало ему неудобно оглашать заранее продуманные пункты договора. «Вот не в добрый час пришел, — подумал он. — При архитекторе-то, действительно, в договоре лишнего не укажешь, не постесняется при мужиках меня одернуть».

Пользуясь минутной заминкой, Воронихин спросил мужиков, где бы они желали работать — на каменоломнях или на строительстве. Поднялся старый, но еще с виду крепкий, здоровый закоперщик и ответил ему за всех:

— Мы, барин, промежду собой думали Казанскую богоматерь доделывать. Прослышаны, что с южной стороны тоже рвы копать, фундаменты класть и колонны ставить...

— Эх, мужички-старатели, боюсь, что до этой работы многолько времени еще пройдет. Денег пока нет на такое дело. Но о работе не вам беспокоиться: в столице есть где силу и уменье приложить. Вот Самсон Ксенофонтович — он всех вас расставит. Сам господь бог велел тут вам потрудиться. Сотворил он здесь болото, да спустя пору и призадумался: недоделка получилась!.. И подал он мысль в умную голову беспокойного государя Петра Великого: строить город надо. Да такой, чтобы всему миру на славу... По Библии и Ветхому завету, сами знаете, бог одну только неделю трудился над мирозданием. А теперь у нас людей полный достаток, и сотню лет и больше мы и потомки наши будут строить и строить. В былые, старопрежние времена, к примеру скажем — Греция, Италия, Египет цветущи и богаты были по причине нахождения их в благоприятных природных условиях; в наше время и после нас богатой будет та держава, где народ упорен, трудолюбив, умен и духом крепок. Усилия человеческие и разум преодолют все трудности и достигнут желаемого... Прошу извинить меня, что отвлек вас малость от деловых разговоров. Продолжай, Самсон Ксенофонтович, я присутствую... — Сказав это, Андрей Никифорович отодвинулся немного в сторону от Суханова и экзекутора, давая

понять им, что подряд рабочей силы — это их дело, а он касательства к тому не имеет и помехой быть не хочет.

— Ну так вот, мужички, начнем... — запинаясь на каждом слове, неторопко начал Суханов. — Первая статья нашего договора должна гласить о том, что вы государевы, не помещичьи крестьяне, архангелогородцы и вологодцы, паче того земляки мои красноборские, по вступлении на работы обязаны оные производить по моему, Суханова, приказанию и моих приказчиков, поставленных ради смотрения за вами. Во всем слушаться безоговорочно, работать безленостно... Так? Приемлемо? Отвечайте только десятники да закоперщики, дабы лишнего шума и крика не было...

— Приемлемо, — отвечал опять один за всех тот закоперщик. — Испокон этого уставу держимся.

— Верно говоришь! Пиши, Епанчин, этот пункт, — приказал Суханов; заскрипело перо эскутера. Самсон передохнул и, ободренный добрым началом, при общем молчании произнес: — На работу выходить всем по самый Покров день до первого октября в четыре часа утра, завтрак — в восемь, обед — в двенадцать, шабашить в девять часов вечера... Согласные? Пиши, Епанчин!.. По воскресеньям и двенадесатым праздникам на работу не ходить, а если понадобится, то обязуемся и в праздники за особую плату, как в обыкновенный день...

— Можно и в праздники, — отвечал опять закоперщик. — Раз подрядчик берет грех на свою душу, мы не против лишнюю копейку добыть...

— С приходом на работу, куда бы ни было, фатерабарак общий, дрова к отоплению, инструмент — всё готовое за счет строительства...

— Подходяще, согласны. Всегда так. Только чтоб жилье было непродувное, со стеклами, да крыши не промокали...

— Добро, будет так. Пиши, Епанчин... Следующий пункт: кто станет болен, тому не платить. Пусть сами берегут здоровье и не потворствуют болезням. Кто не выйдет на работу по пьянке либо по личному интересу, с тех вычит вдвое против платы. Если с кем смерть приключится, а он мне, Суханову, должен, то за долг усопшего отработать сообща.

— Ну уж, Самсон Ксенофонович, тут у тебя креста на шее нет. С мертвых взятки гладки! — не поднимаясь с

места, возразил один из нанимаемых, кузнец, мастер ковать стержни и гвозди, по годам постарше Самсона Суханова, родом из тех же красноборских мест. — Позволь, тут нам, Самсон, слово молвить. Мы согласные пьянству потачки не давать, а что касасемо случаев смерти — особая статья. Человек, значит, уходит в жизнь вечную и со здешним миром счеты покончены. Его из списка долой — и конец делу. Но ежели ты ему должен остался, то деньги отослать семье, отколь он, покойный, сюда прибыл. Вот так будет справедливо, душевно.

Хотел Суханов сказать что-то противное этому, но кузнец не дал ему и рта раскрыть, стал припоминать стародавнее, затрагивающее затвердевшую душу подрядчика:

— Ты припомни-ка, Самсон, сам-то кем был? Из кого ты произошел в люди?! Я ведь тебя годков на десяток постарше. Помню тебя и нищим под окнами, и подпаском в поскотине... Ты теперь гильдии купец, поди-ка и забыл, как за пастьбу получал по пятаку за лето с коровы да по два пирога и по три яйца... Не богато жилось... Знаем, и за то тебя уважаем, что из простых вышел. Так ты хоть с мертвых-то не дери; совесть имей, себя не порочь в глазах наших...

Прислушался Самсон к словам кузнеца, задумался. В памяти мелькнули воспоминания неотрадного детства, а кузнец, словно бы помогая ему припомнить, говорил:

— А я помню: у тех хозяев, что сытно тебя кормили, ты, бывало, ихним коровам на рога из цветов венки плел... Идет такая скотинушка во двор, на рогах венки разноцветный, что те корона у царицы... Умел за добро добром платить с малых лет, не разучись и сейчас...

Воронихин, слушая кузнеца и поглядывая на Самсона, сдержанно улыбался. Не по себе стало подрядчику, устыдился, махнув рукой, сказал экзекутору:

— Быть по-ихнему! Пиши, Епанчин. С мертвых задатки не высчитывать... Еще статья такая, мужички, она и с другими сезонниками в договорах значится, а вы тут не на особицу. Для тишины, порядка и благопристойности быть вам в полной моей хозяйской зависимости и послушании и у тех десятников, коих приставлю к вам... За пьянство, неподчинение и прочие нарушения порядков я за собой оставляю право согнать тех людишек с работы...

— Оно, конечно, без строгости нельзя. Строгость на пользу. Тут мы что, не супротив!..

— Пиши, Епанчин!..

Были и еще пункты. Все они принимались покладисто, без спора и разговора, так, как хотелось подрядчику. В конце договора Епанчин уже от себя выводил общую для договаривающихся сторон формулу:

«Сию кондицию по всем пунктам и статьям обязуемся мы хранить и содержать свято, ни в чем не нарушать данное нами слово, в чем подписуем свои подписи...»

— Завтра в четыре часа утра на работу... Распределение последует через десятников, — объявил Суханов. — Еще одно скажу вам, незаписанное в договор: проявивших усердие и находчивость в делах даровым рублем не обойду... Шибко провинившихся не только буду удалять с работы, но и препровожу в съезжий дом к полиции на расправу... Грамотные распишитесь, неграмотные против своих фамилий в списке поставьте кресты и можете расхотиться.

Не дожидаясь, когда все распишутся, Воронихин и Суханов вышли из сарая на многолюдный Невский проспект.

Весна начиналась дружно. На деревьях вдоль Невского набухали почки. От снега даже в переулках не осталось следа.

После непродолжительного неловкого молчания Суханов пригласил Андрея Никифоровича в Кушелевский ресторан позавтракать. Воронихин не отказался. Там, пока им готовили стерляжью уху, они чуть не поспорили и могли бы поссориться, если бы Суханов не относился к архитектору с большим уважением и некоторой боязнью. Андрей Никифорович упрекнул его:

— Не кажется ли тебе, Самсон, что ты чем богаче, тем прижимистее и жаднее? Не хотел я тебе этого говорить при мужиках, а теперь, с глазу на глаз, могу...

— Да ведь, Андрей Никифорович, по мере разворота дел и потребность в деньгах возрастает. Мужикам много ли надо? А я — и подрядчик, и производитель работ, с меня, ох, много нужно. На одни взятки сколько уходит!.. Нуждишка, Андрей Никифорович, заставляет выжимать копеечку...

— Не гневи бога! Какая у тебя нуждишка? Никакой!.. Я понимаю: кто озабочен о хлебе насущном, тому не до благородных стремлений. У тех на уме работа и еда. А нас с тобой нужда не давит, не толкает на то, чтоб обижать нуждающихся. Смотри, Самсон, если будут на тебя

ст мужиков справедливые жалобы, мы с тобой поругаемся и разойдемся. Человека-труженика надо любить. Без любви к человечеству разве может быть любовь к искусству?.. А ты не просто подрядчик, не просто комиссионер, у тебя талант знатного каменотесца, мастера. А это превыше боготства... Ты, кажется, в обиде на то, что я говорю?

— Нет, Андрей Никифорович, я думаю...

— Думай. Думать всегда полезно. Но прежде всего думай об искусстве, а не о наживе. А вот нам и стерлядочку подают. Запах-то, запах-то какой!.. Умеют готовить! И в этом есть частица искусства...

Воронихин взял ложку, склонился над тарелкой. Суханов окликнул официанта:

— Будьте добры, штоф водки!..

Воронихин покосился на Самсона, сказал:

— А надо бы не штоф, бочонок целый мужикам выкатить, на подряде не возбраняется. Пожадничал, Самсон Ксенофонович, пожадничал...

ВОРОНИХИНСКАЯ РЕШЕТКА

Завершалось строительство Казанского собора. Но это было далеко не окончательное завершение планов архитектора.

Воронихин рассчитывал на могущество графа Александра Сергеевича Строганова, на то, что с его помощью удастся полностью закончить строительство собора. Но граф теперь размышлял уже иначе: «Понадобится еще около двух миллионов рублей на южную колоннаду и на соединение ее с северным портиком, а в отпуске средств отказано. Что ж, пусть воронихинский проект до поры до времени остается не полностью претворенным, пусть подождет...»

Внутри собора заканчивали лепку, просыхала краска на стенах, яркой позолотой сверкали капители на монолитных колоннах, словно бы выросших из массивных плит мозаичного мраморного пола.

Давно уже, между прочими делами, Воронихин изобразил рисунком схему иконостаса, и художники Боровиковский, Кипренский, Угрюмов и Брюллов писали для собора картины, на которые даже атеисты, понимающие живопись, могли бы, восхищаясь, молиться. Великолепные ра-

боты неизменно одобрялись Ворониным, Строгановым и членами комиссии. Правда, Боровиковскому было сделано комиссией замечание, что его «евангелисты» на царских вратах мужиковаты. Но они так и остались мужиковатыми, без поправок.

Больше всего Андрей Никифорович был порадован превосходной работой Самсона Суханова. Он многое сделал на строительстве Казанского собора, много затратил труда на облицовку стен пудостским камнем, на отделку и установку колоннады. Этот труд требовал и вкуса и большой физической силы. Когда же внутри собора Суханов выполнил отделку мрамором кафедры для проповедей и царского места, восхищенный Воронихин не находил слов благодарности за его работу, не уступавшую работам самых искусных ваятелей.

Тогда граф Строганов щедро вознаградил Самсона деньгами и пообещал:

— Придется этого мужика к ордену представить... Напомни мне о нем, Андре, накануне освящения собора...

Время открытия собора было уже не за горами.

Однажды, осмотрев внутри собора декоративные рельефные украшения, сделанные Федосом Щедриным, Воронихин вышел через западные двери на площадку и стал разглядывать неудавшийся скульптору Рашету барельеф «Зачатие богородицы».

«Жаль, Шубина нет в живых, тот бы сделал как следует. А этот не может», — с огорчением думал Воронихин. В это время к нему подошел Самсон Суханов:

— Вы что это взгрустнули, Андрей Никифорович? Надо радоваться. Дело к концу подходит. Скоро колокола зазвонят и дым кадильный окутает все эти наши прибаасы-прикрасы. Я со своими земляками хочу брать расчет по всем подрядам. Послезавтра работу заканчиваем подчистую. Прошу дать мне направление в контору за расчетом.

— Расчет? А дальше куда? — спросил Воронихин, выведенный из раздумья.

— Разве Суханову не будет работы?

— Не сомневаюсь, Самсон Ксенофонович. Ты без дела не засидишься. Пойдем-ка посмотрим с западной стороны предполагаемого главного входа, — предложил Воронихин, увлекая за собой Суханова.

Они прошли и сели на гранитную глыбу против западного портика. Часть колонн была еще в лесах, на фрон-

тоне лепили евангельское изречение и косые лучи, исходящие от духа свята. Внизу около базисов производилась очистка щебня, извести и всякого хлама. На паре битюгов, запряженных в широкие дроги, привезли из отливки и чеканки бронзовые врата с барельефами и горельефами, почти точное воспроизведение знаменитых флорентийских врат работы ваятеля Гиберти. Литейных дел мастер Екимов следил за каждым движением дюжих мужиков, осторожно спускавших врата на мягкую подстилку из щепы и стружки.

— Как ты, Самсон Ксенофонович, думаешь, — спросил Воронихин Суханова, — пригоже ли собору быть вот в таком виде, недостроенном? Глянь и сам рассуди, что получилось: спереди «блажен муж», а сзади — «вскую шаташася»... Нет законченной симметрии, что в последующем моем проекте усматривалось. Эх, кабы позволили достроить, как я задумал! Тогда бы никакой невежда не упрекнул меня в малейшем подражании собору ватиканского Петра. А ведь есть, находятся, говорят; да и как не говорить такую чушь, если сам покойный император Павел хотел иметь копию римского собора... Скорблю и сожалею, что единственная колоннада со стороны Невского дает иным людям повод для толкования о подражании. Слов нет, Микель-Анджело хорош наставник, и Бернини создатель колоннады, — тоже, но быть в подражателях всё же не лестно. Но я думаю, Самсон Ксенофонович, пойти на некоторую хитрость...

Воронихин повернулся спиной к западному входу и, показывая рукой на полукружие площадки перед собором, продолжал:

— Здесь я хочу соорудить решетку, такую, чтоб равных ей не было! Своими концами решетка должна завершаться с явным расчетом на построение в дальнейшем второй южной колоннады. Эх, кабы случилось это при моей жизни!..

— Решетка, пожалуй, не спасет, Андрей Никифорович, ее могут и убрать, — возразил Суханов.

— Надо сделать такую, чтобы даже самый сверхварвар пожалел ее убрать, и сделаю!.. Разве можно убрать решетку Летнего сада? Или у Мраморного дворца, или у Пажеского корпуса?.. Или у шереметевского дома на Фонтанке?.. Невозможно убрать. Решетки в Петербурге прочно вплетаются в архитектуру города, становятся не-

отъемлемым украшением столицы. А здесь должна быть решетка лучшей из лучших, под стать собору...

— Какую замышляете решетку — кованную из железных прутьев или литую из чугуна? — спросил Суханов, вникая в намерения Воронихина.

— Предпочитаю чугунное литье.

— Большие звенья изящного литья не довести сюда с уральских заводов в целости, — высказал сомнение Суханов. — В пути поломаются. Не лучше ли, Андрей Никифорович, тульским кузнецам заказать?..

— Зачем с Урала везти? Найдем литейщиков поближе и не хуже. Как-то давненько мне довелось путешествовать по Северу. Был в Петрозаводске. Видел там преотличных мастеров. Сделают, а из Петрозаводска на барке доставка близкая и удобная.. Концами решетка упрется в гранитные пьедесталы, на пьедесталах следует установить статуи апостолов Петра и Павла работы лучших ваятелей. Наверху, на аттике, окружающем купол, надобно поставить статуи четырех евангелистов. Так что и апостолы, замыкающие полукруг решетки, и евангелисты на углах с четырех сторон под куполом — всё будет настоятельно взывать к постройке южной колоннады. Всякому будет очевидно, что без нее оставить собор нельзя!..

— Действительно, хитрость... — согласился Суханов, выслушав Воронихина, — но против вашего замысла есть преграда: бедность казны.

— Ну что ж, не всегда же она будет бедной. Благая цель когда-либо оправдывает затрату средств...

Мысль о создании решетки перед западным входом собора скоро стала претворяться Воронихиным в чертежи и рисунки.

Он успевал везде: и на стройке собора, и на строительстве здания Горного института. Приходя домой, он подкреплялся пищей, приготовленной стряпухой Акулиной, и ложился на часок отдохнуть.

Жил тогда Андрей Никифорович с семьей в собственной даче — деревянном доме на Каменноостровском. Мери справлялась не только с материнскими обязанностями, не только была доброй хозяйкой, но и помогала Андрею Никифоровичу в изготовлении многих чертежей. Узнав о его желании создать решетку, она попыталась было помочь Андрею Никифоровичу. Сделала несколько предварительных набросков звеньев решетки, но, по мне-

нию зодчего, они могли быть использованы лишь в качестве могильных оград или в лучшем случае явиться перилами на каналах.

— Нет, Маша, подожди мне помогать. Я как-нибудь сам. Ты хорошая чертежница. Твои чертежи по чистоте исполнения краше моих черновых набросков. Однако не всякий переписчик, владеющий красивым почерком, может писать оды и песни. Дай мне сначала подумать...

— Подумать, а я не могу думать? Я женщина, я не могу думать?.. Я копировщица, ах, как это мало!.. — Мери обеспокоенно взглянула на мужа. — Чем же занять себя?..

— Да нет же, Машенька. Помощь твоя мне будет нужна, не сердись. Это очень нелегкое дело... Ты отвлекись пока. Почитай, попробуй сделать перевод какой-нибудь книги с русского на английский язык, а потом я книгу отберу, и ты попробуй свой перевод с английского перевести на русский и сопоставить с текстом. Говорят, такой способ очень удобен в изучении языка...

— Не знаю, так не изучала. Дай книгу, русскую, увлекательную, ради бога, не церковную. С ней тяжело и скучно.

— Дам я тебе, Маша, легкую и веселую. Только не отвлекай меня. Хорошо?

— Пусть хорошо.

В кабинете стоял шкаф красного дерева, наполненный всякими книгами в кожаных с тиснениями переплетах. Воронихин достал наудачу три книги:

— Вот, Маша, не желаешь ли поучиться русскому языку на этой: «Ненависть, побежденная любовью. Тосканская повесть»?

— Не хочу, Андре. Читала. Неинтересно...

— Тогда возьми эту: «Странные приключения Дмитрия Матушкина, российского дворянина. В двух частях»...

— Не хочу. Не люблю дворянина да очень страниц много. Скучно. Дай веселее, потоньше...

— У этой вот заглавие длинное, опять не приглянется: «Приключение турчанки Ксеминды, названной в крещении Елизаветою, отвергшейся от брачного союза с порфирородными особами для исполнения супружеского обета, данного любовнику, в двух частях, цена два рубля тридцать копеек»...

— Вот эту дай. Буду читать, переводить... И на решетку твою, на эскизы заглядывать.

— Не скрою, от тебя ничего не скрою, — сказал Воронихин. — Но пока заглядывать не на что. Много мысленно перебрал орнаментов, много видел решеток и в садах, и на балконах, и на мостах, и на кладбищах. Но всё не те. Даже близко родственной к задуманной не видел и не вижу. Моя решетка понемногу вырисовывается, когда я стою перед собором и гляжу то на сад Разумовского, то из сада смотрю на легкий, взлетевший над городом купол собора...

В воображении художника-зодчего его будущая «воронихинская решетка» начинала возникать и с каждым днем становилась всё отчетливей. За решеткой, по замыслу зодчего, если смотреть с цоколя собора при выходе в западные двери, должен быть фон густой садовой зелени. Зимой деревья покроются инеем... В разные времена года решетка должна через ажурные просветы красочно отражать этот меняющийся фон... Если же смотреть из сада Разумовского сквозь узоры решетки, то западный фасад собора будет виднеться как бы сквозь тончайшую кисею...

Воронихин продумал не только, какой должна быть решетка, но и как через нее будет просматриваться та и другая сторона. Правда, полету мысли зодчего тогда мешали стоявшие по сторонам невзрачные постройки, казавшиеся ему ненужными, лишними.

Ночами немало сжег Воронихин свечей, работая над проектом решетки. Надо было думать и о смете. Чугун, отливка, перевозка отлитых звеньев, добыча и доставка гранита для колонн и пьедесталов, обтеска из камня дорийских колонн, капителей с шарами, земляные и прочие работы и материалы требовали по его расчетам расхода в сумме свыше двухсот тысяч рублей. С такой крупной сметой можно было оттолкнуть от проекта не только комиссию, но и старого графа Строганова. Надо было воздействовать на графа непреодолимой силой искусства, заинтересовать его, изумить оригинальной пышностью и красотой всех фрагментов, подчиненных строгой, изящной композиции.

С готовым проектом решетки и сметой Воронихин пришел на доклад к Александру Сергеевичу прямо во дворец к нему в кабинет, куда всегда имел беспрепятственный доступ.

— Показывай, показывай, Андре, что опять наколдовал? Что это, образец звена? Рассмотрим, рассмотрим. Так, так, колонны между звеньями из карельского гранита, с простыми капителями дорийского ордера и каменными шарами поверх. Что ж, ново и монументально. Разберемся теперь в звене...

Граф приблизил к глазам расчерченный лист бумаги, несколько минут внимательно разглядывал сначала тщательно отработанный чертеж, затем рисунки ромбовидной ажурной накладки, что должна быть в центре каждого звена. Всё детально, порознь и во взаимном сочетании, не спеша рассмотрел граф и сказал:

— Звено отличное. Сколько их потребуется и сколько колонн?

— Четырнадцать звеньев и столько же колонн. Длина всей ограды семьдесят две сажени.

— Смета?..

— Примерно двести тысяч, не считая издержек на статистику...

— Дорого! — сказал граф и помолчал. — Но, будем надеяться, комиссия не воспрепятствует. Я лично проект одобряю и желаю видеть решетку в натуре. Время не ждет, надо поспешать. Ты уверен, что петрозаводские литейщики могут сделать лучше уральских? Литье, судя по твоим рисункам, надобно тонкое, искусное, так ведь?

— Уверен, ваше сиятельство.

— Хорошо. Это может ускорить ход нашего предприятия. Теперь растолкуй мне, Андре, каким манером все эти звенья будут держаться за промежуточные колонны? Ведь они легки кажутся только в рисунке?..

— Эта легкость будет соблюдена в креплении звеньев, ваше сиятельство. Основная тяжесть ляжет на гранитный барьер, проходящий понизу. Стержни — вертикальные прутья и накладки на них, в виде ромбов и полуромбов, будут подвешены к чугунному брусу под фризом. Брус с двух сторон упрется в гранитные, приставленные к колоннам подставки. Второй, верхний чугунный брус над орнаментом уцепится за колонны, и концы его спрячутся под капителью... Вот и всё, что я усмотрел, не мудрствуя и всячески ужимая смету. Ваше суждение о будущей решетке для меня превыше прочих похвал, от кого бы они ни исходили... Я вижу ее, закрывши глаза, и остаюсь доволен...

— Я тоже представляю себе прелесть и необычайную красоту «воронихинской решетки», — сказал граф, возвращая папку с чертежами архитектору. — Об этой соборной ограде поэты станут стихи слагать. Вот помяни меня, старика...

— Одного я не хотел бы, — ответил Андрей Никифорович, не меняя голоса и не радуясь похвале: — чтобы решетка была завершающей на моем жизненном пути... Хочу жить и трудиться...

СОБОР ПОСТРОЕН

За несколько дней до открытия и освящения собора всё было готово. Оставалось только убрать кучи мусора от разломанной церкви, стоявшей в одном ряду с домами Невского проспекта. До самого окончания постройки Казанского собора эта церковь, боком, а не фасадом выходящая на Невский, служила ширмой, прикрывавшей значительную часть строительной площадки. А когда собор был готов, церковь за ненадобностью была немедленно снесена. На ее месте, в полукруге колоннады, образовалась площадь с временным деревянным обелиском посредине.

Освящение собора было намечено на 15 сентября 1811 года. Воронихину заблаговременно было известно, кто из строителей и к каким наградам представлен. Независимо от того, что на Новый год Андрей Никифорович был награжден орденом Владимира четвертой степени, он, по представлению графа Строганова, к открытию собора получил еще и Анну 2-й степени с бриллиантовыми украшениями. Среди представленных к наградам был и заслуженный каменотес и подрядчик, по званию уже первой гильдии купец Самсон Ксенофонтович Суханов. Ему предстояло получить золотую медаль на красной ленте. Суханов это время находился в отъезде в Вологодчине и не помышлял, что его крепкая шея будет охвачена красной шелковой лентой, а грудь украшена медалью с изображением царской головы.

Просматривая утвержденный государем список представленных к награде, Воронихин с сожалением подумал о Суханове:

«Вот чудак, уехал в родную глушь на лето; хоть бы к

торжествам вернулся. Человек немало потрудился, желательно видеть его на освящении... Золотая медаль — мужику не так уж плохо. А вот другому подрядчику Пискунову только кафтан от царя. Приказчикам по пятьсот рублей...»

— Ваше сиятельство, наш мудрый простак Суханов от торжества и награды уехал к себе в сольвычегодские края в Вологодскую губернию, — поведал Воронихин графу.

— Вот как! Говоришь, каменотес Суханов в нашу древнюю вотчину уехал?

— Да, ваше сиятельство, он тамошний.

— Когда вернется, представь его мне. Послушать хочу, как живет наша осиротевшая Сольвычегодская вотчина. Сольвычегодск — этот милый уголок на Вычегде, похожий на сказочный Китеж-град. Таких городов ни уездных, ни заштатных теперь нет нигде! Обязательно покажи мне Суханова. Впрочем, самолично я ему и награду вручу...

Однако Самсон Суханов поспешил вернуться в столицу. Приехал он за три дня до освящения собора. Пришел сразу же к Воронихину в контору, поздравил его с окончанием работ.

— Очень вовремя приехал. Как съездил, как лето провел в деревне?

— Хорошо, Андрей Никифорович, съездил. И дорогу взад-вперед оправдал полностью.

— То есть как оправдал?

— Сколько на проезды израсходовал, столько барыша получил от торговли луком! Мне же присвоено звание купца первой гильдии. Вот я и решил хоть раз в жизни поступить соответственно званию. Купил большой крытый карбас, купил в Питере у чухонцев луку сто двадцать пудов за бесценнок, а у нас там, на Сухоне и Северной Двине луку нет и в помине. Где по течению, где зачалившись за барки да бурлацкой тягой, так и дотянулся я до Красноборска около двух тысяч верст!.. Лук продал, карбас соседям-мужикам подарил. Обрато до Вологды — водой, а от Вологды сюда на ямских доехал. Отдыха так и не видел. Побывал кое-где, посмотрел, как люди живут.

— Ну и как?

— Известно как, из пустого в порожнее, копят небо. Набрал там не крепостных, а с государевых земель человек четыреста внаем. Недельки через две подойдут, а в Питере дела всем хватит.

— В Сольвычегодске побывал?

— Как же, на спасов день ездил. И в соборе постоял, и у Введения был. Городишко весь на ладонь поместится, а четырнадцать храмов божьих. Служба, конечно, не во всех. Народу мало, да и попов не прокормить. Восемь церквей пустует...

— Я говорил о тебе с графом, очень большой интерес у него к старой вотчине. Хочет знать о Сольвычегодске. Расскажешь ему, не утомляя. Стар, хвор... Со мной недавно лёжа разговаривал. Могу порадовать: золотая медаль тебе за труды на красной ленте... Сейчас еще награды не готовы, а в октябре состоится раздача. Или граф Строганов, или князь Голицын вручат всем отличившимся будут. Как получишь медаль, закажи живописцу портрет с тебя написать. Да бороду сними. А то под бородою и медаль не приметят.

— Нет, Андрей Никифорович, с бородой не расстаюсь. Купцу первой гильдии, подрядчику и мастеру каменных дел, без бороды — что сороке без хвоста; ни красоты, ни полета. А когда к его сиятельству?

— Пойдем сразу. Быть может, примет. А не примет, скажет, когда прийти.

Воронихин и Суханов отправились к графу.

Дряхлый, в длинном шелковом стеганом халате, Александр Сергеевич сидел в минералогическом кабинете у себя во дворце, рассматривал образцы минералов в естественном и обработанном виде и перелистывал книгу Ломоносова «Слово о рождении металлов от трясения земли».

На широкой столешнице были разложены куски волинского янтаря, карельских аметистов, тут же лежали уральские малахиты и самородки золота. Темновато-желтые бесформенные куски золотых самородков чем-то были похожи на пожелтевшее лицо графа.

— Ваше сиятельство, я привел к вам Суханова Самсона Ксенофонтовича. Вы его желали видеть?..

— Да, да, хотел... Садись, дорогой, садись... Побывал у Соли-Вычегодской?

— Имел честь, ваше сиятельство, побывал...

Воронихин, чтобы не мешать их разговору, с позволения графа удалился в картинную галерею.

— Так что же ныне в нашем славном древнем Сольвычегодске? Рассказывай... Да, Самсон Ксенофонтович, — спохватившись, сказал граф, — поздравляю с наградой.

Есть уже высочайшее утверждение. Надеюсь, Андре тебе говорил об этом?

— Говорил, говорил Андрей Никифорович, спасибо вам, ваше сиятельство... А что касаемо Сольвычегодска, то, скажу вам, городок по-прежнему тихий, пригожий. Вычегда по веснам бушует и подмывает мыс, на котором воздвигнут во времена Грозного собор Благовещения. Часть старого кладбища размыло, кости предков ваших родственников и близких людей от наводнений и размывания спасли, склаали их в тайники и каменные мешки в подвалы собора.

— Ну и глупо сделали! — возмутился граф. — Зачем было в тайники складывать? Перехоронить на другое место, повыше. А то придет время, лет через сто-двести люди обнаружат эти кости в подвалах и тайниках, и какой-нибудь пустомеля скажет: «Строгановы были такие жестокие самодуры, что живьем людей бросали в каменные мешки, вот вам кости жертв доказательство!..» Если не забуду, прикажу очистить от костей тайники соборные, дабы не наводить тень на светлую память моих предков!.. Какое имя богатырское — Самсон, ветхозаветное, да и в фамилии твоей есть что-то былинное. Простые люди, а как звучно и удачно придумали: «Самсон Суханов»! Продолжай, продолжай, Самсон, я с удовольствием слушаю. Мне как-то Андре и мой Попо хвалили тебя..

— Так что, ваше сиятельство, я на свое имя и фамилию не в обиде и на себя не жалуясь. Доброе имя добрыми делами должно быть скрашено. Я всю жизнь стараюсь. Благодаря добрым людям и сам человеком стал. Батрак, пастух, бурлак, зверобой, каменотес, а теперь по званью первой гильдии купец и золотую медаль дадут. Что мне еще надо? Ничего. Всем сыт по горло. Работать хочу и больше ничего. В детстве слышал я, ваше сиятельство, моя прабабка, из нашей вотчины Сольвычегодской, говариwала и пела про нашу фамилию, про Сухановых, будто происходим мы от былинного богатыря Сухана Дементьевича. Я помню те слова:

...Ой, как ломаются деревья копейные,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шеломы с башками неверными,
И почали татары острог ставить,
Оболакивать телегами ордынскими.
Ай, говорит тут Сухан Дементьевич:

— Которы татары на Руси не бывали,
Те татары про Сухана не слышали,
Те его копыя не отведали,
Те его меча не испробовали... —
Тут кольнул Сухан коня быстрого
Острогами-стременами колючими.
Конь скочил через телеги ордынские
И понес Сухана во чистое поле;
Куды наш Сухан оборотится,
Куды рукой махнет богатырскою, —
Там костры врагов перебитых...

— У тебя хорошая, Самсон, память.

— Памятью бог не обидел. Песен да пропеваний знаю столько, что до утра хватило бы. Так вот, ваше сиятельство, если прабабке верить, то род нашей фамилии от того Сухана, не моложе вашего баронского, Строгановского. Про вашу фамилию у нас в деревнях такой слух и теперь, будто Строгановы из татар богатых, русскому царю большую службу сослужили, да и не раз. Сибирь отвоевали. Далеко продвинулись... Простите, ваше сиятельство, заговорился я... только еще скажу, тоже разговор из наших мест — будто пока Строгановы не вышли из магометан и не приняли веру православную, до тех пор у ваших предков вместо души был пар...

— Пар, говоришь? Пар? Хм... Смешно, наивно, а похоже на правду, — с грустью в голосе проговорил граф. — Кажется, Самсон, скоро из меня «пар» выйдет... Доживаю. Не знаю, хватит ли сил выстоять во время освящения собора. Ну что же еще о Сольвычегодске? Как там солеварни, чем теперь люди живы? Рассказывай...

— Солеварни, ваше сиятельство, — продолжал Суханов свой рассказ о Сольвычегодске, — дымят, соль варится, в барки грузится, но нет того размаха, что допрежь, так говорят старики. Был я и у Введения в монастыре, не столь молился, сколь на иконопись дивился. Батюшки! Какая красота! Иконы прежних, строгановских мастеров все как новенькие. Краски чистые, ясные, работа кисти тончайшая, Христос и дева Мария, и все святые не исхудалые, не чахлые, а живые, полненькие и такие веселенькие, хоть молись на них, хоть на свадьбу в гости приглашай, любо глядеть... И представьте себе, ваше сиятельство, раньше я не разумел этого, а ведь и в нашем Казанском соборе, по заказу Андрея Никифоровича, иконы так же писаны, взять тех же евангелистов, живописца

Боровиковского или его же «Благовещение»! Или его великомученицу Екатерину, ногами попирающую булатный меч. Да и у Кипренского богородица с предвечным младенцем на приезжую итальянскую балерину лицом смахивает. А угрюмовский архистратиг Михаил? Прямо какой-то Еруслан Лазаревич в молодости. Не осуждаю, ваше сиятельство, может так и надобно. А икона «Обрезание» художника Волкова, ваше сиятельство, совсем непристойная вещь, едва ли кто на такую молиться станет. Опять же скажу, «Брак в Кане Галилейской» нельзя тоже за икону принять. Никак нельзя. Христос и пьяная компания — на что ж похоже, смех и грех! Будь бы жив протопоп Аввакум, он бы на дыбы встал и всех православных призвал выбросить всё это святейшество как святотатство. Что у Введения в Сольвычегодске, что здесь, у Казанской богоматери, все лики и телеса так изображены, что всякий скажет: «Не изнуряли себя ни постом, ни молитвой святые отцы...»

— Другие времена, Самсон, другое направление мысли. Спор среди святителей закончился не в пользу Аввакума... В этом суть. Да и от западной иконописной живописи не отставать нам стало, — пояснил граф, с любопытством слушая Суханова и разглядывая его с таким вниманием, с каким он никогда не относился к самым знаменитым живописцам и ваятелям. — Скажи, Самсон, а как тебе нравится работа господина Евреинова по заказу Андре «Воскресение Христово», что помещена на дарохранительнице, сооруженной из моих уральских минералов уральскими мастерами?..

— Не имел чести видеть, ваше сиятельство.

— А был общий просмотр этой сокровищницы. Впрочем, ты во время просмотра был в отъезде. Я тебе покажу рисунок того же изображения, копированный в точности.

Граф достал из ящика стола папку рисунков дароносиц, подсвечников, лампад, сосудов и прочей церковной утвари, нашел эскиз Евреинова и подал Самсону. Тот взглянул на рисунок с изображением голого, взлетевшего из гроба Христа, усмехнулся и, положив перед графом рисунок, сказал:

— Слава богу, что дарохранительница стоит на престоле и кроме духовных лиц ее никто не видит. Одно скажу, ваше сиятельство: такого сытенького Иисуса можно, не греша, и на табакерке изобразить!..

— Вот так оценил! Прямо по-мужицки, — ничуть не обиделся граф и снова стал расспрашивать Самсона о Сольвычегодске.

Суханов был прост, не робок и откровенен:

— Жаль, ваше сиятельство, что деревянные палаты ваших предков в Сольвычегодске, как вам ведомо, еще в девяносто восьмом году снесены до основания. А как побогатырски крепки они были! Ох, и умели же наши деды, вологодские мужички, топорिशком владеть!.. Двести тридцать годов палаты стояли!.. Лиственница такое дерево, что мореному дубу не уступит. Я помню те палаты и внутри бывал. И глазу было приятно, и уму понятно. Вот как строили!.. А кожаный возок, в котором при царе Грозном Строгановы в Москву ездили, тот целехонек стоит на паперти собора. Кожа ветхая стала, а полозья — хоть сейчас поезжай!.. И еще, ваше сиятельство, соборный поп какую-то кисть подвесил под паникадило и по той кисти погоду предсказывает. Ежели кисть влажная, будет дождь, ежели сухая — ведреным дням быть!.. и все за чудо принимают. Но это разве чудо?.. Пустяк! Чудо — это наш Казанский собор. Вот это чудо, ваше сиятельство. Говорят, сам генерал Кутузов приходил, смотрел и, не дожидаясь освящения, встал на колени и трижды перекрестился на собор прямо с Невского тротуара на глазах у публики. Да когда и строили, он заглядывал, любовался...

Так, переходя от одной мысли к другой, Самсон понемногу то рассказывал графу о Сольвычегодске, то высказывал свои впечатления по поводу построенного собора. Между тем Воронихин успел обойти галерею и возвратился в минералогический кабинет. Он подошел к концу беседы. Граф спросил напоследок Суханова еще о том, как живет народ у Соли-Вычегодской, на что жалуется.

— Как сказать, ваше сиятельство... русский народ терпелив. Ни на что не жалуется. А что плохо бывает, в том винаят себя и волю божью... Если же в корень смотреть да поглазастее, то кое-что в жизни тамошних людей и приметить можно. Конечно, если бы не лесные порубки для архангельских корабельных пристанищ, да не рыболовство и звероловство, да если бы еще мужик к северу от Вологды и Устюга был крепостной, барский, тогда бы на той земле и жить нечем, хоть протягивай ноги, хоть, как медведь, лезь в берлогу и посасывай коготь-ноготь... Без

привозного хлеба там не житье, без заработков на стороне — тоже. В деревнях зиму и лето только старый да малый живут, а годная мужицкая сила вся на отходе. Слава богу, что помещиков там нет, начиная от Устюга, Красноборска и до Пустозерска. На монастырских да государевых скудных землях мужик себя вольготнее чувствует, а главное — его продавать нельзя. Это очень умственно предусмотрено, ваше сиятельство. Для северного крестьянина надо дать облегчений всяких побольше. Иначе обезлюдует Север. Люди текут, кто на Урал в ваши новые вотчины, кто в Питер. Народ крепкий, лесной, выносливый. Мало ли таких образуются на новом месте и домой приезжают только за семьями...

— Интересно его послушать, Андре, — сказал граф, переводя усталый взгляд на Воронихина. Он поднялся и протянул Суханову руку. — Благодарю, Самсон, за беседу. А за медалью добро пожаловать в октябре...

Пролетели последние перед освящением собора дни.

Весь Невский проспект, весь Петербург в тот сентябрьский солнечный день выглядели празднично. Дворники, швейцары, вся полиция, пешая и конная, подчистились, приделались — кто нарядно, кто парадно. Войска от Зимнего дворца до собора построились шпалерами по обе стороны переполненного народом проспекта. Оставался узкий проезд для царской семьи и свиты. Под легкий перезвон колоколов, словно бы притаившихся от посторонних глаз, под аттикой над правым проездом колоннады, царский кортеж подъехал к северным «флорентийским» вратам.

На пороге храма согбенный, но старавшийся держаться бодро, граф Строганов на золотом подносе вручил Александру Первому ключи от собора. Царь принял их, поздравил графа и передал ключи стоявшему навытяжку адъютанту. Войдя в собор, царь прошел на свое место. С обеих сторон царского места, драпированного бархатом, как бы сползали мраморные массивные консоли, над головой царя бронзовый орел распростер крылья, а золотые буквы гласили: «Сердце царево в руке божией». Царь, идя на свое место, взглянул на пустующую кафедру, находившуюся с левой стороны перед алтарем. Здесь место для самого митрополита на случай поизнесения пропове-

ди. И тоже начертаны слова: «Прийдите послушайте, страху господню научу вас».

Царь успел прочесть ту и другую надписи, задумчивый, с бледным лицом, сделав два-три шага по ступеням, встал на уготованное под двуглавым орлом место. Началась служба. Царь редко крестился, думая о первом кирпиче, положенном при закладке собора десять лет назад. Десять лет понадобилось, чтобы построить и украсить грандиозное здание. Четыре миллиона и двести тысяч рублей. Тысячи людей, простых и ученых, дешевых и дорого оплачиваемых, десять лет черпали из казны деньги. И вот, наконец, собор готов...

Мысли царя, несмотря на роскошь, на блестящее, гармоничное великолепие храма, беспокойно витали, не в состоянии остановиться на чем-то одном.

«...Страху господню научу вас... Сердце царево в руке божией...» — Слова эти навязчиво засели в мозгу, рождая у государя мрачные думы. Чувство «страха господня» ему было давно уже не чуждо, и то, что сердце ненадежно бьется даже в царской груди, это тоже истина. Ведь и у задуманного отца, Павла Первого, и у злосчастного деда, Петра Третьего, убитого в Ропше, сердца слишком короткое время находились в «руке божией»... Как знать, как предвидеть свою судьбу?..

С амвона торжественно разносились по всем трем нефам и ввысь, под самый купол, слова горластого протодиакона: «...Благочестивейшему и самодержавнейшему великому государю нашему, императору Александру Павловичу всея России, подаждь, господи, благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение и во всем благое поспешение, на враги же победу и одоление и сохрани его на многие лета...» — но выражение тревоги не сходило с лица царя. Те же слова, только с изменением царского имени произносились при жизни отца и деда, а от дворцовых переворотов уберечь их не могли!..

Граф Строганов, увешанный орденами, стоял с правой стороны от царского места, делая вид, что внимательно слушает литургию, изредка искоса поглядывал на царя и думы, не божественные, осеняли его старческую голову: «Имя мое, как и имя строителя сего храма, по долговечности упрочится в веках... Вот если бы еще прибить чугунную доску на стену с медными литерами моего имени...

Жить мало осталось... Сюда бы прах мой поместить, под своды храма...»

Все из близких графа, кто видел его на освящении собора, могли безошибочно сказать, что дни знаменитого покровителя искусств сочтены.

Андрей Никифорович стоял в окружении своих ближайших помощников — художников и скульпторов. Позади, вытирая платком пот с лица, молился Самсон Суханов.

Думы Самсона возносились к небу, хотя временами житейские заботы заставляли его забывать о торжественной службе и вспоминать о каких-то делах на строительстве Горного корпуса. — «Ну да это, прости господи, успеется»... И Самсон Ксенофонович начинал истово, насколько можно было в тесноте, креститься, глядя поверх иконостаса на «Тайную вечерю» и Моисеевы скрижали, от которых исходил лучистый блеск позолоты.

А Воронихин? О чем было ему думать во время молебствия, посвященного открытию всеми признанного, им введенного храма?.. О южной колоннаде? Да, ее недостает для полноты ансамбля, для вящей красоты строения. Но казна поистощала, и много других нужд у Российской державы. Еще есть слухи, что Наполеон, войдя в силу, может стать угрозой России. До южной ли тут колоннады?.. А граф — не жилец на свете. Всему свой черед... Без покровителя будет трудно. Ведь как много значила в строении собора близость графа к царю!.. Господи, продли хоть немного дни его существования...

Воронихин обвел глазами стоявших вблизи особ. Многие были с роскошно одетыми женами. Не было с Андреем Никифоровичем его супруги. Материнское счастье, о котором она мечтала, глядя на картину «Плодородие» в Строгановской галерее, уже не раз было испытано ею. Мери находилась в эти дни под наблюдением врача накануне четвертых родов.

Закончилось торжественное освящение Казанского собора. Снова для Воронихина начались обыкновенные строительные будни.

На четвертый день Андрей Никифорович с цветным карандашом читал и подчеркивал в «Северной почте» статью обозревателя о Казанском соборе; в той статье было сказано:

«...Внутреннее расположение церкви крестообразно: в длину имеет она 33, в ширину между северным и полуденным ходами 26, а к западной стороне 12 сажень; высота под сводами 9, а под куполом 22 саж., над серединою церкви возвышается купол, украшенный пилястрами, освещенный 16 окнами, покрытый двойным сводом. От четырех подкупольных столбов к главному алтарю и к трем главным дверям церкви простирается в четыре ряда колоннада коринфского ордера, из самого лучшего финляндского гранита, который плотностью своею и красотою цвета, конечно, не уступает египетскому. Все пятьдесят шесть колонн сей колоннады цельные, в пять сажень вышины и в полтора аршина диаметра, отделаны самою высокою полировкой; базы же и капители их бронзовые полированные... Царские двери кованые серебряные, также и балюстрада около места пред главным алтарем. Место императорское и против оною место для проповедника, главным образом, весь пол в церкви и многие другие части сделаны из разноцветных мраморов Олонецкой и Выборгской губерний, а некоторые из сибирских; ступени же к алтарю и к местам императорскому и проповедническому из некоторого рода яшмы, принимающей превосходную полировку. Статуи и барельефы для украшения иконостасов и стен церкви отлиты большею частию из алебаstra.

Наружность Казанского собора представляет величественное здание коринфского ордера. Внешняя сторона оною и огромные колонны, его окружающие, из известкового желто-серого камня, называемого пудостским. Сей же прочный камень, произведение северной части отечества нашего, употреблен главным образом на карнизы, барельефы, статуи и другие наружные украшения.

Базы колонн и пилястр литые чугунные. Порттики с трех сторон здания украшены огромными бронзовыми изображениями, а с северной стороны великолепною бронзовою дверью, отливою с модели той самой двери, которая находится во Флорентинской кафедральной церкви. Полукруглая колоннада со стороны Невского проспекта, из 130 колонн состоящая и имеющая в диаметре 40 сажень, украшена по бокам двумя колоссальными бронзовыми изображениями архангелов Михаила и Гавриила. Купол над зданием, девяти сажень в диаметре, составленный из шестнадцати четырехугольных колонн коринф-

ского ордера, имеет свѣрх карниза шестнадцатью круглыми окнами прорезанный зубчатый антик, а из середины оногo выходящий овалыный свод, с крестом на вершине. Вышина всей церкви с куполом до тридцати сажень. Все работы в сем храмѣ как наружные, так и внутренне, произведены природными российскими художниками. Лучшие живописные работы суть трудов гг. Егорова, Шебуева, Варника, Боровиковского, Бессонова, Угрюмова и Акимова. Скульптурные работы произведены либо самим, известным по своим дарованиям, г. статским советником Мартосом или лучшими его воспитанниками, под его присмотром...»

«В общих чертах всё правильно, — подумал Воронихин, читая статью. — Только не сказано, как строился и во что обошелся сей памятник архитектуры, живописи и скульптуры. И как бы и кого бы из больших и малых мастеров смежных искусств я ни привлекал за эти десять лет, их творчество всегда подчинял одной и единой мысли архитектора — создать цельное, монументальное, гармоническое во всех частях произведение. И с этим справился... И еще погрешил перед истиной господин автор. Статуи архангелов Михаила и Гавриила у проездов колоннады не бронзовые, а всего лишь гипсовые. Хотя и позолоченные, но украшением не являются, а скорей помехой, и потому их, видимо, придется убрать. Да и обелиск деревянный, фальшиво расписанный под мрамор, тоже убрать, а на месте его бить фонтану в окружении роз... Всё это придется сделать весной».

Не прошло и двух недель после торжественного открытия собора, как граф Александр Сергеевич заболел и умер. Тяжко отозвалась в сердце Воронихина смерть Строганова, оставившего глубокий след в строительстве невской столицы.

ПОХОРОНЫ КУТУЗОВА

Князь-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов в 1802 году был в должности петербургского генерал-губернатора. Естественно, как управитель города он имел близкое отношение к строительству Казанского собора. Воронихинский проект собора был ему известен. Известно было и то, что Воронихин дополнил свой проект чертежами и рисунками второй, южной колоннады.

Со смертью графа Строганова не все еще надежды были потеряны. Заветной мечтой Андрея Никифоровича оставалось претворить проект до конца.

Но когда полчища Наполеона вторглись в пределы России и полководец Кутузов, призванный командовать всей русской армией, пришел в Казанский собор последний раз отстоять обедню и перед отъездом проститься, Воронихин понял, что начавшаяся война на долгое время отодвинет его замысел. Теперь было не до южной колоннады. Быстрое продвижение наполеоновских войск от русской границы к Москве вызвало тревогу в Петербурге. Были слухи, что Наполеон направит войска к невольской столице Российской империи. Но этого не произошло. Кутузов одолел зарвавшегося Наполеона. Русский народ в едином патриотическом порыве отстоял Россию от врага. Наполеон отступал, его полумиллионная армия гибла под ударами регулярных русских войск, казаков и партизан.

Еще не кончился тяжелый для России 1812 год. За неделю до Нового года Кутузов из действующей армии отправил петербургскому митрополиту Амвросию сорок пудов серебра с приложением письма:

«...Храбрые донские казаки возвращают богу из храмов его похищенное сокровище. На меня возложили они обязанность доставить вашему высокопреосвященству сие серебро, бывшее некогда украшением святых ликов, потом доставшееся в добычу нечестивых хищников и, наконец, храбрыми донцами из когтей их исторгнутое...»

Дальше в своем письме к митрополиту Кутузов предлагал это серебро употребить на изваяния для Казанского собора. Причем у подножия каждого изваяния должна быть надпись: «Усердное приношение войска Донского». И заканчивалось письмо фельдмаршала словами обращения к митрополиту:

«...Служитель и проповедник мира, спешите воздвигнуть памятник брани и мщенья в божьем храме, но, воздвигая его, скажите с благодарностью к Промыслу: врагов России уже не стало, мщенье постигло их на земле русской, и путь, ими пройденный, усыпан костями их на устрашение хищного буйства и гордого властолюбия...»

Митрополит поручил Воронихину сделать рисунки будущих изваяний и подыскать доброго ваятеля, отличавше-

гося на прежних работах. Рисунки Воронихина были одобрены самим царем. Но когда по ним сделал модели обнаженных евангелистов скульптор Иван Петрович Мартос, то обер-прокурор по духовной части князь Голицын воспротивился и направил их на просмотр министру просвещения Разумовскому с пояснением:

«Знатоки, любители художеств будут, конечно, удивляться искусству Мартоса, но в храм божий входят всякие люди. Статся может, что не имеющий понятия об изяществе художеств может соблазниться, видя евангелистов толико обнаженными и в положении столь непринужденном...»

Министр просвещения с протестом обер-прокурора согласился.

Мартос написал по этому поводу длинную и умную отповедь с приведением веских доводов, доказывая высокопоставленным, но малосведущим в искусствах особам, что принужденное положение фигур в скульптуре нетерпимо, что он, как художник, без помощи воображения ничего производить не может и не должен.

Убежденный и непоколебимый в правоте своей Мартос писал высоким особам:

«...Изваяния четырех евангелистов не могут ни под каким видом составлять тех церковных образов, пред которыми православные люди посвящают жертвы свои в пении молебствий и возжигании свечей; но должны будут составить обыкновенные священные вещи, служащие к одному украшению храма, который сам по себе великолепен. Следовательно, в настоящей работе должно соблюсти превосходнейшую красоту. Но для сей красоты нужно излить изящнейший вкус и высшие сведения скульптуры. Имея же в виду славные образцы многих великих художников, греческих и итальянских мастеров, достигавших в своих работах до высочайшей степени совершенства, я решился составить телосложения идеалов моих в величественном стиле Микель-Анджело, которому с удовольствием подражал и сам бессмертный Рафаэль... По мнению моему, не от употребления наготы должно опасаться соблазна, но от запрещення употреблять оную... Скульптура без наготы выливает большею частью сухие произведения. Нагота есть единственный источник ее изяществ и тех красот, которые бывают неувядаемы...»

Как ни убедительны были возражения Мартоса, его модели по рисункам Воронихина были окончательно отвергнуты. Серебро, отбитое донскими казаками у французских мародеров, впоследствии израсходовали на сооружение нового иконостаса.

Неудача не обескуражила Воронихина. Он понимал, что славная победа русских войск в Отечественной войне требует достойных памятников.

В это время свободный от строительных работ Воронихин трудился над проектами нескольких вариантов храма-памятника; проектировал триумфальные ворота в виде арки и в виде пропилей.

Интересен его проект мемориальной колонны из трофейных пушек: пушечные стволы, располагаясь винтообразно жерлами кверху, должны были увенчаться статуей Победы. Ни одному из этих проектов не суждено было осуществиться...

Скоро уныние и паника среди петербургских обывателей и так называемого высшего света исчезли. Простые люди радовались победам, с умилением читая благодарственный манифест народу, данный 3 ноября 1812 года в честь решительных и скорых побед. Находились среди благополучно отсиживавшихся в тылу господ ретивые завоеватели, осуждавшие адмирала Чичагова за то, что он не захватил в плен Наполеона на переправе через Березину. То-то был бы потешный праздник, если бы на суд петербургских обывателей попался сам Бонапарт! В те дни Наполеон бежал, бросив свои войска на верную гибель.

Русские солдаты перешли границу и, освобождая народы Европы от наполеоновского ига, победоносно продвигались к Парижу. Славный полководец Кутузов не смог принять участия в окончательном разгроме наполеоновской армии и в триумфальном вступлении в Париж. Фельдмаршал заболел и на шестьдесят восьмом году жизни скончался в небольшом немецком городке Бунцлау. Это было 16 апреля 1813 года.

Сорок семь дней гроб с телом великого полководца везли до Петербурга.

На докладе главнокомандующего о времени и месте похорон Кутузова Александр Первый после долгих раздумий был вынужден написать:

«Мне кажется приличным положить его для почести в Казанском соборе, украшенном его трофеями».

По проекту Воронихина лучшие мастера прикладных искусств устроили посреди собора помост для гроба.

От Сергиевой пустыни, что вблизи Петербурга, колесницу с останками Кутузова до самого Казанского собора влекли участники похоронной процессии — сановники и простолюдины, миллионеры и нищие, генералы и проливающие слезы инвалиды — участники первых сражений Отечественной войны.

Всего только десять месяцев прошло с того памятного дня, когда Михаил Илларионович Кутузов последний раз посетил любимый собор. И вот под монотонный звон колоколов войска и тысячи людей всех сословий провожают прославленного героя в последний путь.

Гроб с телом Кутузова был замурован под сводами собора. Над могилой героя Воронихин поставил скромную чугунную решетку, украшенную княжеским гербом.

Многие трофеи русских войск поступили в те дни в Казанский собор и размещены на его стенах. Среди них были ключи от восьми крепостей и семнадцати городов, свыше сотни знамен и штандартов французских, немецких, итальянских, взятых русскими войсками во время сражений с полчищами Наполеона. Жезл маршала Даву, захваченный солдатами под командой Павла Строганова, был одним из самых памятных трофеев, и потому находился на видном месте около проповеднической кафедры.

После похорон Кутузова Казанский собор стал не только храмом, но превратился в памятник Отечественной войны 1812 года.

Значение собора как памятника усилилось впоследствии — четверть века спустя — сооружением двух замечательных монументов Кутузову и Барклаю, воздвигнутых перед колоннадой собора.

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

После смерти графа Строганова у Воронихина стало меньше дел. Здание Горного кадетского корпуса было закончено. Поставлена узорчатая решетка у Казанского собора, красивая и легкая, как песня.

Собор быстро «прижился», прочно вошел в ансамбль Невского проспекта.

Высокая, стройная колоннада с проездными арками придавала боковой стороне храма вид главного фасада, тогда как по требованию религиозных правил главным фасадом и входом в собор всегда является западный. Но от этих правил Воронихин отступил. Западный фасад, хотя против него и воздвигнута чудесная решетка, как-то притих, скромно посторонился перед северным, взявшим у него все преимущества: и выходом колоннады на ведущую городскую магистраль, и пролетами с барельефами на фризах, и четырьмя бронзовыми статуями, и великолепными флорентийскими воротами.

Свободный от многотрудных дел, Воронихин, приняв на себя добровольную роль наблюдателя за главным своим строением, почти ежедневно приходил к Казанскому собору, следил, не происходит ли осадка, нет ли где трещин, прочно ли держится штукатурка, не сползает ли краска с фресок, не угрожает ли падением витиеватая лепка. Но всё до поры до времени было великолепно, надежно. Волнения и опасения казались напрасными, и оставалось только радоваться и надеяться, что когда-нибудь будет построена южная колоннада и раскроется чудесный вид на собор со всех четырех-сторон!.. И всё-таки приходилось думать о том, что говорят добрые и всякие люди о своем необычном для православных храме. Кое-кто даже осуждал строителя за то, что в изображении святых допущены художниками вольности, что иконы смахивают на картины, что статуи у входа с Невского вообще «идолы и кумиры», непристойные для моления, а двери скопированы с какого-то католического храма...

Андрей Никифорович, планируя здание, в свое время предложил Строганову и комиссии принять к утверждению повторение так называемых «райских ворот» Флорентийского баптистерия — шедевра скульптуры произведения знаменитого Гиберти. Великий мастер ваяния двадцать два года работал над созданием этих дверей. В 1424 году на конкурсе во Флоренции они были признаны наилучшими. Сам великий Микель-Анджело, любуясь на творение Гиберти, с изумлением сказал: «Эти двери достойны быть воротами рая!..»

Нетрудно было Воронихину убедить старого графа,

понимавшего и любившего искусство, добиться высочайшего утверждения повторить эти «врата рая» для Казанского собора.

Воронихиным особенно почитались и ценились эти двери. Бывая здесь, он нередко простаивал перед ними любуясь. И было на что любоваться!..

Умельцу-литейщику Василию Екимову удалось повторить их с необычайной точностью до самых крайне незаметных мелочей. И не только Андрей Никифорович любовался на эти двери, каждый раз находя в них что-то новое и привлекательное — приходили к «вратам рая» лепщики, скульпторы, литейщики, и все не просто восторгалось чудесной работой древнего флорентийского мастера, а изучали его творение как великое достижение ваяния.

Двери составлены из десяти разных частей — рельефов, каждый рельеф мастерски изображает сцену из Ветхого завета. Тут и сотворение человека, история Ноя, Давид и Голиаф, взятие Иерихона, Соломон и царица Савская и другие сцены. Все десять рельефов включены в раму, в орнамент которой вделаны небольших размеров статуи апостолов и погрудные горельефы знаменитых деятелей искусств и науки тех давних времен. Кстати, Гиберти не забыл и себя. По достоинству и заслугам он вылепил свой портрет и поместил его на левой створке дверей, вторым снизу. Погрудные фигуры и статуэтки апостолов в дверной раме также представляют собою образец тончайшего искусства — изваяний в бронзе.

Однажды Воронихин встретил около этих дверей скульптора Демут-Малиновского. Тот стоял с небольшим альбомом в руках и зарисовывал детали библейских сцен.

— Сотый раз, вероятно, смотрю я на эти врата, — проговорил Демут-Малиновский, поздоровавшись с Воронихиным, — и каждый раз одна мысль приходит в голову: никогда и никому лучше этих врат не сделать! Здесь всё так свежо и вечно ново, что не устаешь смотреть. И всё так прекрасно сделано, так близко к жизни и природе, что кажется, все эти растения зашеlestят, птицы, звери, животные придут в движение... Гляньте, Андрей Никифорович, на сцену Соломона и царицы Савской. Как умно размещены десятки человеческих фигур, какие позы! Или возьмите сцену Давида с Голиафом!.. Не нахожу слов для восхищения. Эх, научиться бы, Андрей Никифорович, так

работать... Вот мы с тем же литейщиком Екимовым намереваемся сделать барельеф «Бой при Гангуте» к постаменту памятника Петра Первого, что перед Михайловским замком; намереваемся и не ведаем, что из того получится. Главное — надо обладать умением передавать перспективу в бронзе, не уступая кисти живописца. Не легкое это дело!..

— Учитесь, Василий Иванович, вот вам образец, — ответил на это Воронихин. — Ведь Лоренцо Гиберти, создавая эти врата, не имел перед собою подобных образцов. Он начал, он первый доказал возможность передачи перспективы в ваянии.

— Да, его нельзя назвать подражателем, — согласился скульптор. — Его учителем была сама жизнь. А что касается учителей или соперников флорентийцев Брунеллески, Донателло и других, так он их перешагнул и оставил позади. Ибо никто ни до Гиберти, ни после него до нашего времени не умел так создавать группы людей в их сценическом движении и безукоризненном расположении. И трудно сказать, Андрей Никифорович, что у Гиберти главное — красота или правдоподобие? Даже не надо быть верующим для того, чтобы поверить в правильность изображенного им действия...

— А вот меня некоторые поругивают за то, что не к лицу православному храму такие двери поставил, — сказал Воронихин.

— Ну, за это, Андрей Никифорович, я бы сказал, вас осуждать могут только от недомыслия. Эти врата поистине божественные!.. Новгородская святая София гордится еще более древними корсунскими вратами, сотворенными наивно, грубовато, но в том же скульптурном плане. Однако никто не осуждает новгородцев. Одни на те врата молятся, другие воздают славу безымянным древним лепщикам и литейщикам. Вы, Андрей Никифорович, кажется, внесли некоторые изменения в эти врата?

— Очень незначительные, — ответил Воронихин. — Все десять частей отлиты в точности, но размещение их отчасти иное. Да еще раму к дверям, по моей композиции, а не по Гиберти, решили сделать попроще, из мрамора. Кроме того, ради выгодного смотрения, эти двери, в отличие от Флорентийской баптистерии, мною поставлены на бронзовый плинт, тем самым значительно приподняты. Думаю, что за эту вольность меня и сам Лоренцо Гиберти не осу-

дил бы. Касаемо верхнего обрамления, сандрика, поставленного на кронштейны, и статуй двух ангелов — это также моя планировка. В остальном двери Гиберти во всех десяти составных частях свято сохранены в исключительном соответствии с подлинником.

Сказав это, Андрей Никифорович погладил рукой погрудный небольшой горельеф, изображающий самого Гиберти.

— Да. Умел он и портреты делать выразительные. Смотрите, Василий Иванович, это он себя поместил. Да как хитро! Не будь к дверям прибавлено мною бронзового плинта снизу, нам пришлось бы вставать на колени перед его образом, чтобы разглядеть. Впрочем, он достоин преклонения! — Воронихин слегка наклонился и поцеловал холодную бронзовую голову Гиберти.

Расставшись у входа с Демут-Малиновским, Андрей Никифорович зашел в собор и, как всегда, стал осматривать своды и стены. Старый служитель-ключарь следовал за ним:

— Андрей Никифорович, всё, благодаря богу, в исправности. Вот только стеночки не просыхают долго.

— Это меня и пугает! — круто обернулся и нервно ответил Воронихин. — Сам догадываюсь, что медленное просыхание стен требует дополнительных печей. И беда, если начнет осыпаться лепка. Вон уже кое-где на штукатурке плесень выступает. Этого еще недоставало!..

Обеспокоенный, Андрей Никифорович вышел из собора и даже не обернулся и не перекрестился на фронтон, украшенный лучами, исходившими от «всевидящего ока». Тревожная мысль запала в душу: «Работал — волновался, отдыха не ведал... Не заметил, как тревоги и заботы здоровье подорвали... Кончил дело, отдохнуть бы, успокоиться... Где там!.. До отдыха ли? А что, если рухнет лепка, и эти самые ангелочки-херувимчики полетят вниз, да во время обедни на чьи-нибудь головы?! Позор! Скандальное дело!.. Тогда закрывать здание на продолжительный ремонт, на радость злопыхателям...» — С этими тревожными думами он вышел на Невский проспект. Долго, задумчивый, стоял на перекрестке улиц. Недоброе предчувствие овладело им.

С подстриженных деревьев падали последние пожелтевшие листья. По грязным мостовым, грохоча подковами,

мчались парами лоснящиеся, в начищенной сбруе лошади, запряженные в пролетки и крытые кареты. Прохожие, приподняв воротники, прятали от косого мелкого дождя свои физиономии, хмурились и все куда-то спешили. Воронихин почувствовал, что еще никогда ему не было так грустно. Даже ехать домой, в теплую, уютную квартиру, к семье, не хотелось...

После долгого раздумья он решил нанять извозчика и ехать, чтобы забыться от нахлынувших неприятных, терзавших душу переживаний.

— Куда прикажете, господин хороший? — спросил извозчик.

— До Пулковских высот и обратно!..

— Нно-о! Милые, пошли!.. Рядиться не будем, барин, туда-обратно, почитай сорок верст. Ценой не обидите?

— Не обижу...

Выехали на окраину. За Чесменским дворцом, за почтовой станцией и чухонскими хуторами, на широком тракте кони рванули вскачь и быстро домчали до Пулковской горы.

От деревни Пулково по взгорью к проходящему мимо Царскосельскому тракту спускался хмурый сосновый бор. Вперемешку между старыми соснами желтели последней листвой березы. Намокшие, с дождевыми каплями на прутьях, они склонились над родником-фонтаном возле самой дороги.

Семь лет назад Воронихин составлял несколько вариантов проекта незамысловатого придорожного сооружения. И только вот этот был утвержден самим императором...

— Извозчик, пусть кони пощиплют траву. А я отдохну здесь малость.

— Пожалте. Только за простой коней придется, барин, прибавить.

— Прибавлю...

Воронихин вошел в грот фонтана. Осторожно сел на край гранитного бассейна, куда, непрерывно журча, стекала вода из неиссякаемого горного источника. По обеим сторонам у входа в грот, прижавшись к дорическим колоннам, в дремотных ленивых позах лежали два каменных льва. По чистой воде в бассейне кругами проходила рябь от падающей струи источника. На поверхности плавали занесенные ветром листья березы. И вдруг в полумраке грота, в воде, как в зеркале, он увидел свое отра-

жение. Лицо осунулось, показалось каким-то серым, цвета пудостского камня. Глаза в глубоких впадинах, нос стал еще тоньше и вытянулся.

«Нужен отдых, отдых... Побывать у лекаря. Так, чего доброго, и до савана недалеко, — подумал Андрей Никифорович. — А вот фонтан живет. Вырывается из горы, струится, неизменно стекая, уходит в землю, но живет... И будет жить, пока не сдвинется Пулковская гора со своего места. Но будет ли жить в памяти людей мое имя?.. Я не подземный ручеек... Я не Гиберти, создавший «двери рая». Однако кое-что сделано и мною. Не сидел я сложа руки. Да... Вот хотя бы и этот фонтан... Как книга нужна читателю, так и грот, охраняемый львами, и всегда прозрачный и прохладный фонтан, заключенный в малое архитектурное сооружение, всегда пригодятся путнику. А разве собор, решетка, Горный корпус и еще, в пригородах Петербурга, мною содеянное, забудется?.. Впрочем, не будь я зодчим, я, наверно, слагал бы стихи. Жизнь без вдохновенного творчества бессмысленна, сера, скучна, монотонна... Человек должен быть создателем...»

Воронихин забылся.

По тракту взад-вперед проезжали извозчики налегке и тянулись обозы, медленно шагали пешеходы, и казалось, никому нет дела до грота с источником-фонтаном и находившимся там Воронихиным.

«И кому знать, что я Воронихин?.. Нет, путник, ты должен знать и помнить меня. Хотя бы за то, что я трудился не только ради своего удовольствия... Я думал о тебе, о человеке...» — Андрей Никифорович снял шляпу и, склонившись над источником, захватил пригоршней свежей холодной воды, плеснул себе на лицо. Вытерев платком лицо, почувствовал облегчение и, пробормотав что-то, достал из кармана карандаш и на внутренней стенке грота написал слова, обращенные к неведомому прохожему:

Я утешать себя не стану,
К кончине близится мой путь...
Меня, создателя фонтана,
Ты, добрый путник, не забудь!..

Написал, прочел вслух и, горько усмехнувшись, сказал:

— Эпитафия! К черту!.. — Смоченным платком стер

надпись. — Кто это будет помнить такой пустячок, как этот мой Пулковский фонтан... А ведь сколько проектов сочинил, пока угодил царю... Извозчик! Едем...

...После этой загородной одинокой прогулки Андрей Никифорович, усталый, полубольной, несколько дней отдыхал у себя на даче, никуда не выходя из дому. Силы иссякли, — домашний отдых в кругу семьи не помог. Усталость, накопленная годами, не проходила...

Мери обращалась к лекарям, но Андрей Никифорович отказывался от лекарства и врачевания. Он лежал под стеганным одеялом на широкой, красного дерева кровати, и не пузырьки с лекарственными снадобьями, а раскрытые книги, чертежи да какие-то задуманные наброски лежали около него на столике, на табуретках и даже в изголовье на подушках.

Иногда, прочтя нечто совпадавшее с его думами, он подзывал к себе жену и беседовал с ней о прочитанном, о пережитом за годы его весьма разнообразной жизни.

— Маша, — обратился он однажды к жене, — а Павел Александрович таких книг мне перед своим отъездом дал! Читаю и как будто для меня или мною самим мои мысли здесь написаны. Слушай, прочту из книги Аврелия.

— Андре, не утруждай себя. Отдыхай. Я сама разберу. Которая страница?

— Вот здесь, — показал Воронихин, — да прошу вслух.

Жена села поближе к нему и, не столь ради себя, сколь для него, стала читать:

— «Кто положил свою жизнь в свете разума и служит ему, для того не может быть отчаянных положений в жизни, тот не знает мучений совести, не боится одиночества и не ищет шумного общества, — таковой имеет высшую жизнь, не бежит от людей и не гоняется за ними...»

— Истина, Машенька, истина! Читай дальше.

— «Его не смущают помыслы о том, — продолжала Мери зачитывать обведенное карандашом место в книге, — надолго ли дух его заключен в плотской оболочке; поступки такого человека будут всегда одинаковы, даже в виду близкой кончины...»

— Андре, ты не то меня заставляешь читать! Зачем кончина? Мы начинаем только жить! — прервав чтение, проговорила Мери.

— Да, начинаем, а написано то, о чем я сотни раз думал, как жить, в чем существо жизни. А вот оно и есть!..

И еще у того же Марка Аврелия сказано: «Жизнь коротка. Не прозевай самого драгоценного плода — добрых дел ко благу людей...»

— Андре, ты устал, ты болен, прими лекарство, лежи без волнений, набирайся сил. Постарел ты не по годам.

— Лекарств мне не надо. Согласен — отдых нужен. Болен, ну что же? Разве есть такое здоровое и крепкое тело, никогда не болящее? Нет!.. Были бы совершенные дела разумны да совесть чиста, а всё телесное — тленно. Хватит. Положи, Маша, книгу сюда поближе да принеси-ка жбанчик кваску, крепкого, деревенского...

В те дни Самсон Суханов был занят отделкой набережной на стрелке Васильевского острова.

Суханов давно не видел Андрея Никифоровича, однако понаслышке ведал о слабости его здоровья и о том, что он озабочен некоторым неустройством Казанского собора.

Однажды в праздник крещения Самсон Суханов пришел в собор отстоять обедню и заметил на сводах черную зияющую щель, зигзагами прошедшую по штукатурке. И пока он стоял за обедней, мысли его не были обращены ни к богу, ни к Казанской божьей матери. Всё внимание Самсона Ксенофоновича сосредоточилось на этом зловещем изъяне.

«Как бы не было худо, надо об этом поведать Андрею Никифоровичу, — подумал он. — Или же незачем торопиться? Посмотреть еще в следующий раз, и если щель будет расширяться, пойдет по сводам дальше, тогда Воронихина придется побеспокоить...»

Он так и поступил. Через полтора месяца Самсон Суханов пришел к обедне и, не выстояв до конца службы, встревоженный, побежал к Воронихину. Опытным глазом строителя он заметил, что щель значительно подалась в длину, расширилась, и от нее, как сухие тонкие ветви от дерева, пошли мелкие щели по сторонам.

Пришел Суханов к Воронихину и, увидев того болезненным, изменившимся, уставшим, долго не решался завести с ним прямой разговор, как бывало это водилось между ними на строительстве собора и Горного корпуса. Но Воронихин, сам настороженный, почувствовал по волнению Суханова что-то неладное,

— Вижу, Самсон Ксенофонович, по выражению лица твоего. Не бойся, говори как есть, что стряслось?

— Андрей Никифорович, — осторожно начал Суханов, — ничего такого не стряслось, но всё-таки, упреждения ради, сказать надобно. Я, к примеру, Андрей Никифорович, за свои работы и моих сподручных не боюсь и ручаюсь. Что сделано мною и подрядными людьми по мрамору и из пудостского камня, то продержится нерушимо и сто годов, и двести, и правнуки моих правнуков увидят работы по камню в неприкосновенности. Не о том речь, Андрей Никифорович... Лепка под сводами и по карнизам потрескивает. Щель дает. Надо осмотреть...

— Что? Есть обвал?..

— Обвалу нет, а трещина, я заметил, растет.

— Где? В каком месте?.. Пойдем!..

И, не дожидаясь ответа, Воронихин заторопился, бросился в соседнюю комнату. Прислуга подала ему шубу, перчатки, меховую шапку.

Не прошло и часа, как они были уже в соборе.

Обедня кончилась. Богомольцев не было. Только ключарь ходил по всем нефам, заглядывал в алтарь, да трое соборных прислужников гасили лампы и свечи, собирая огарки в большую плетеную корзину.

— Вот, Андрей Никифорович, беды покуда нет, а бог тому свидетель, как бы ее не приключилось? — сказал Суханов, показывая архитектору на щель, протянувшуюся под сводами между стеной и колоннадой.

Воронихин взглянул и побледнел.

— Спасибо, Самсон Ксенофонович... — тяжело вздыхая, проговорил он. — Служба в соборе должна быть запрещена... Опасно. Сколько будет хлопот, издержек!.. Лепные украшения придется снимать совсем и заменять их живописью по тем же рисункам на манер лепки. Сырость стен, недостаток отопления — причины столь серьезного несчастья... — Едва успел Воронихин высказать свои соображения, как в трех шагах перед ним упал небольшой кусок штукатурки и рассыпался, ударившись о мраморные плиты пола.

Суханов посторонился, отбежав к царскому месту.

— Поберегитесь, Андрей Никифорович, как бы еще не упало!

— Не страшно, Самсон. Пусть валится на мою голову... Моя голова в том повинна. Увлечшись многими де-

лами, не предвидел я этой опасности. — Он наклонился, стал собирать куски штукатурки. Холодные, влажные, они мельчилились в его руках.

— Ненадежно! Переделать, заново переделать...

Еще с полчаса пробыли в соборе Воронихин и Суханов. Вышли и задержались в подъезде колоннады.

— Плохи дела, Самсон Ксенофонович, вся художественная лепка насмарку. Позор! Нежданный позор!.. — продолжал Воронихин. — Я думал, подсохнет, окрепнет. А тут на-ко! И этот кусок штукатурки словно с неба свалился недобрым предвестником...

— Похоже, Андрей Никифорович; нехорошая примета, — в тон Воронихину заметил Суханов. — Бывало так и в старину; при Иване Грозном в Вологде собор строился. Упала со сводов вот так же лепка, или что-то вроде, на голову Иоанна Грозного. О том есть слова в допрежних старинах:

...Как из своду туповатого
Упала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
В мудру голову во царскую.
Грозный царь тогда прогневался,
Взволновалась молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося.
Он садился на добра-коня,
Уезжал во каменну Москву,
Город Вологду проклинаячи...

А ведь хотел царь столицей ее сделать на зло боярам, да вот этакое предзнаменование его отпугнуло...

— Что ж, Самсон Ксенофонович, может быть, и мне садиться на добра-коня да скакать от позора куда глаза глядят?..

— Нет в том нужды, Андрей Никифорович, всё уладите, и будет хорошо. Не расстраивайте свое ретиво-сердце.

— Рад бы, да не могу... — глухо проговорил Воронихин, глядя куда-то в небесную сумрачную высь. — Не могу. Что делать? А надо начинать с закрытия собора. — И вдруг заговорил отвлеченно: — Хорошая память у тебя, Самсон Ксенофонович, да и начитан ты немало. Не помнишь ли, сколько лет было Ивану Грозному, когда он умер?

— Судя по краткому российскому летописцу, сочинен-

ному Михайлой Ломоносовым, Грозный жил только пятьдесят четыре года.

— Мало. А кстати — Ломоносов сколько лет жил?

— Пятьдесят четыре.

— Ну вот видишь. Великие и беспокойные люди мало жили, да много сделали... Мне тоже... пятьдесят четыре. Слава богу, я не из великих, а то бы костлявая и курносая тут как тут... Странное совпадение — пятьдесят четыре... Не правда ли, Самсон Ксенофонтович?..

— Ну, это, знаете ли, Андрей Никифорович, такие ваши размышления с цифрами — от фармазонских предрассудков, от расстройства души...

— Я не сам придумал. Ты же, Самсон Ксенофонтович, сказал мне это, назвал и Грозного и Ломоносова... Впрочем, это случайное совпадение. Мы еще, Самсон Ксенофонтович, поработаем. Или нет? Как думаешь?..

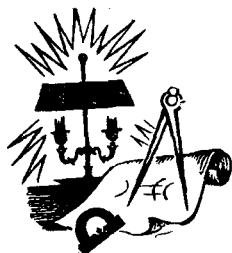
— Пустяки, Андрей Никифорович, пустяки. Вы еще поживете. И южную колоннаду мы с вами построим. И всё исправим... Я вас провожу до дому. У вас очень-очень усталый вид.

— Я не могу идти. Да, я устал... Самсон, кликни извозчика. Отвези меня. Надо о соборе срочно писать митрополиту Амвросию и градоначальнику или главнокомандующему. Они доложат царю...

Самсон Суханов вышел из проезда колоннады и первому попавшемуся извозчику махнул рукой. Тот откинул на санях медвежью полость...

Всё это происходило 20 февраля 1814 года.

А на следующий день весь Петербург узнал о преждевременной и скоропостижной кончине славного русского зодчего Андрея Воронихина.

ОТ АВТОРА

При изучении материалов, относящихся к жизни и деятельности знаменитого зодчего Андрея Никифоровича Воронихина, мне приходилось сталкиваться с противоречивыми и далеко не ясными сведениями, касающимися его происхождения. Об этом следует сказать несколько слов.

В метрической книге Спасской церкви села Новое Усолье записано, что 17 октября 1759 года у «домового Никифора Воронина родился сын Андрей». Эти сведения опубликовал еще в 1885 году в журналах «Зодчий» и «Исторический вестник» внучатный племянник архитектора Н. А. Воронихин.

Однако некоторые исследователи-биографы настойчиво утверждают, что Воронихин является побочным сыном графа Александра Сергеевича Строганова от крепостной девушки. Об этом говорится во многих печатных источниках, которые указаны в примечаниях к книге А. Яцевича «Крепостные в Петербурге» (стр. 94), а также в книге проф. С. Бессонова «Крепостные архитекторы» (стр. 39—40, 54—55). В работах Н. Ковалевской «История русского искусства первой половины XIX века» (стр. 19) и В. Панова — «Архитектор Воронихин» (стр. 110) высказывается та же версия о происхождении Воронихина.

Но есть и другие источники, совершенно отвергающие эту версию как несостоятельную. Я имею в виду материалы к биографии А. Н. Воронихина, опубликованные в книге А. Крутецкого и Е. Лундберга, вышедшей в Свердловске в 1937 году, и обстоятельную статью А. Савинова «Архитектор Андрей Воронихин», помещенную в альманахе «Прикамье» № 9 за 1947 год. Указанные авторы говорят о происхождении Воронихина от крепостной девицы Марфы Черевой (жилицы в семье Никифора Воронихина) и от барона Александра Николаевича Строганова, находившегося в 1759 году при управлении строгановскими вотчинами и заводами в Перми, Усолье и Соликамске.

Эта новая версия вытекает из ряда сопоставлений противоречивых метрических записей и преданий народных. Предания эти имеют под собой реальную почву и могут также служить немалым основанием для умозаключений автора художественного повествования, где закономерно допускаются домысел и вымысел.

В своей повести о Воронихине я придерживаюсь в вопросе его происхождения последней версии, хотя и не настаиваю на ней перед теми, кто сможет убедительно доказать противное,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Барон на исповеди	5
В дальней вотчине у Соли-Камской	12
В мастерской у Гаврилы Юшкова	18
Воспитание плетью...	22
Модель церкви	29
Андрей увлекается водчеством	33
В Москве у Баженова	40
В доме Строгановых	48
Путешествие по России	55
За границей	70
В горниле событий	83
Высылка „Поля Очера“	94
Первые работы Воронихина	98
Вести из Франции	105
Дача на Черной речке	114
Основание Казанского собора	122
Столкновение Старова с Воронихиным	131
Самсон Суханов	140
Горный корпус	150
Еще о Павле Строганове	158
У Суханова на подряде	173
Воронихинская решетка	180
Собор построен	187
Похороны Кутузова	198
Последние страницы	202
От автора	214